

Современный комплект навигационных морских карт Авачинской губы составлен по материалам работ 111-го экспедиционного гидрографического (ЭГО) и 169-го отдельного гидрографического отрядов Камчатского района Гидрографической службы (КРГС) КВФ ТОФ, проведённым в 1979, 1985, 1987—1996 и 1998 гг. Основной объём работ выполнил офицерский и гражданский персонал 111-го ЭГО. Перерывы были связаны с отвлечением подразделений ЭГО на выполнение более срочных и важных задач для обеспечения безопасности мореплавания в бухтах Тихого океана на восточном побережье Камчатки и на судоходных реках Чукотского полуострова. Одновременно, вплоть до 1994 г., 111-й ЭГО решал и две масштабные задачи по планам навигационно-гидрографического и гидрометеорологического обеспечения (НГТМО) ВМФ: геофизические исследования Авачинской губы и гидрографические работы в открытом Тихом океане.

В 1979 г. партия 169-го отдельного гидрографического отряда (ОГО) под командованием старшего лейтенанта В. Фомченко выполняла работы в бухточке Озеро Богородское. В состав партии входили старший лейтенант В. Балькин, лейтенанты А. Корольков и А. Сергеев, матросы срочной службы и старший инженер гидрографического отделения Камчатского района гидрографической службы (КРГС) В. Гнатко. Чертёжница КРГС К. Макаренко подготовила отчётный промерный планшет. Материалы этих работ вошли первыми в издание современного комплекта навигационных морских карт Авачинской губы.

В 1984 г. группа камчатских гидрографов в инициативном порядке решила приступить к выполнению комплекса масштабных работ на всей акватории Авачинской губы с целью обновления устаревшего комплекта навигационных морских карт. В состав группы вошли офицеры-гидрографы: начальник КРГС капитан 1-го ранга В. Солодов и его заместитель капитан 2-го ранга И. Анучин, командир 111-го ЭГО капитан 2-го ранга Л. Вольфовский, начальник гидрографического отделения КРГС капитан 2-го ранга В. Короткин и командир гидрографической партии 169-го ОГО капитан-лейтенант А. Корольков. Непосредственное руководство последовательно осуществляли командиры 111-го ЭГО: капитан 2-го ранга Л. Вольфовский (1985—1989 гг.), капитан 2-го ранга В. Михайлов (1989—1990 гг.) и капитан 2-го ранга А. Корольков (1991—1998 гг.).

Предстоящих сложностей при выполнении работ было предостаточно. У многочисленных причалов и пирсов в бухтах Авачинской

губы: Завойко, Ильичёва, Раковой, Бабьей, Щитовой, Сероглазке, Моховой, Крашенинникова, в Петропавловской гавани и в гавани Петропавловской судовой стояли в два-три борта подводные лодки, корабли и суда, под которыми следовало сделать промеры. На побережье существовало большое количество режимных объектов с ограниченным доступом геодезических групп и групп координирования промера. Выполнение промеров гидрографическими катерами регулировалось многоступенчатой системой разрешений от военных оперативных служб и диспетчеров гражданских объектов, что задерживало выполнение работ. Но всё это, происходившее с 1991 по 1998 г. в период развала Советского Союза и жесточайшего политического и экономического кризиса в современной России, оказалось для гидрографов малозначимым.

К 1985 г., перед началом работ, ГУНиО МО и Главное управление геодезии и картографии (ГУГК) при Совете Министров СССР ввели новые руководящие документы. Они определяли требования к выполнению гидрографических исследований в районах интенсивного судоходства и к плановому обоснованию крупномасштабных работ для морского картографирования.

По новым руководящим документам становился всё более отчётливым предварительный план работ. Гидрографам предстояло выполнить их в масштабах от 1 : 1000 до 1 : 5000 на акватории губы площадью 215 кв. км. За последние десятилетия это должно было стать для камчатской гидрографии уникальной по объёму крупномасштабной съёмкой большого географического объекта.

На доступном побережье предстояло сгустить государственную геодезическую сеть способом триангуляции и полигонометрии для планового обоснования крупномасштабных работ, заложить для этого геодезические центры и установить триангуляционные знаки, переопределить координаты и высоты светящихся навигационных знаков, направления береговых створов, выполнить топографическую съёмку береговой полосы. В море предстояло выполнить съёмку рельефа дна у причалов эхолотом или ручным лотом галсами через 10 м, а на мелководье у открытых берегов — эхолотом галсами через 20 или 50 м. На свободной акватории Авачинской губы требовалось снять рельеф дна эхолотом с инструментальной оценкой в междугалсовом расстоянии гидрографическим эхотралом или эхографом бокового обзора с двойным взаимно перпендикулярным покрытием района работ галсами через 20 или 50 м. Необходимо было выполнить на всей акватории губы и морскую грунтовую съёмку.

К началу производства работ камчатская гидрография имела всё необходимое отечественное гидрографическое, штурманское, геодезическое вооружение, плавсредства на уровне лучших мировых образцов. Военная промышленность Советского Союза поставила в КРГС большие гидрографические катера проекта 1896 водоизмещением 120 т, малые гидрографические катера проекта 382КМ, а на смену им — проекта 16830 водоизмещением 5 т, геодезические световые дальномеры СТ-5, теодолиты Т-2, лазерные квантовые теодолиты-дальномеры КТД-1, эхолоты ПЭЛ-3 и НЭЛ-МЗБ, гидрографические эхотралы ГЭТ-1, гидролокаторы бокового обзора ГЭБО-100, мобильные радионавигационные дальномерные гидрографические автоматизированные системы «ГРАС» ближнего действия, средства ближней связи, электронную вычислительную машину ТЭМ-2, а ей на смену — универсальный вычислительный комплекс «Лидер-04» с графопостроителем.

Такая техническая оснащённость позволяла камчатским гидрографам качественно выполнить работы и обработку материалов в соответствии с требованиями новых руководящих документов, то есть получить:

- точность определения местоположения глубин в диапазоне $\pm 1,5$ – $7,5$ м в зависимости от масштаба работ в заданном районе;
- точность измерения глубин $\pm 0,1$ м;
- точность пунктов сгущения государственной геодезической сети между собой $\pm 0,1$ м по всему побережью Авачинской губы для планового обоснования крупномасштабных гидрографических работ, а также гарантированно обнаружить все навигационные опасности в районах интенсивного кораблевождения и судоходства.

В Авачинской губе масштабные гидрографические работы развернулись в 1985 г. По распоряжению начальника КРГС капитана 1-го ранга В. Солодова, гидрографическая партия 169-го ОГО под командованием капитан-лейтенанта А. Королькова в составе старшего помощника командира партии старшего лейтенанта В. Глаголева и матросов срочной службы приступила к выполнению геодезических и топографических замеров, шлюпочного промера эхолотом у многочисленных причальных сооружений в бухте Раковой.

Бухта Раковая стала своеобразным учебным полигоном для отработки действий руководителей геодезических и промерных групп при производстве крупномасштабных гидрографических работ и дальнейшей камеральной обработки материалов.

В мае 1985 г. гидрографическая партия 169-го ОГО начала наблюдения углов в классическом геодезическом четырёхугольни-

ке для определения координат и высот двух пунктов на берегу бухты Раковой. Наблюдения начались в весенний тёплый солнечный день с пункта триангуляции государственной геодезической сети, расположенного на вершине сопки Раковой на высоте 514 м. Видимость в этот день была идеальной для наблюдений, воздух хрустально чист и прозрачен. С вершины сопки вся огромная округлая морская чаша акватории губы с выступающими полуостровами Завойко и Крашенинникова была видна как на ладони. В её синих волнах тысячами золотистых искр отражались расплавленные лучи тёплого весеннего послеполюденного солнца. Границу берегов с запада ограждала белоснежная гряда вулканов и сопок, уходящих вершинами за горизонт. Севернее блестели се ребром впадающие в губу рукава рек Авачи и Паратунки, а южнее губа соединялась узким проливом с безбрежным Тихим океаном.

Почувствовать размеры губы там, внизу, было сложно, а вот с высоты птичьего полёта открывалась вся обширная панорама огромного объёма предстоящих работ: бухта Раковая с площадью акватории в четыре квадратных километра выглядела небольшим заливчиком.

К осени этого же года для усиления сил гидрографической партии 169-го ОГО, развёрнутой в бухте Раковой, капитан 2-го ранга Л. Вольфовский направил ещё две партии, оснащённые радионавигационными системами «ГРАС»: на малом гидрографическом катере МГК-952 — для работ на мелководье у берегов и на большом гидрографическом катере БГК-752 — на свободной акватории бухты с применением эхотрала. Работы оперативно и профессионально выполняли группы под руководством заместителя командира отряда капитана 3-го ранга В. Михайлова, старшего производителя гидрографических работ В. Алексева и начальника радионавигационной партии «ГРАС» В. Шевелёва.

Объединёнными усилиями камчатских гидрографов работы на первом крупномасштабном объекте Авачинской губы были завершены к началу октября. После обработки полевых материалов в 111-м ЭГО картографическое издательское производство Гидрографической службы ТОФ в 1988 г. выпустило первую навигационную морскую карту (НМК) бухты Раковой из комплекта для Авачинской губы с учётом работ, выполненных гидрографической партией 169-го ОГО в 1979 г.

Гидрографические работы с этого года постепенно разворачиваются на всей акватории Авачинской губы и выполняются многочисленными промерными, геодезическими и радионавигационными

группами 111-го ЭГО. Ими в разные годы руководили офицеры-гидрографы В. Глаголев, О. Коробицын, А. Алтунин, Д. Яворский, Д. Зеньков и гражданские специалисты В. Складов, С. Гаврик, В. Алексеев, К. Евко, В. Шевелёв [2]. В критических ситуациях руководители экспедиционных работ В. Михайлов и А. Корольков сами возглавляли отдельные гидрографические и геодезические группы. Так, капитан 2-го ранга В. Михайлов выполнил прибрежный промер к западу от мыса Сигнального, а капитан 2-го ранга А. Корольков — промер на акваториях бухты Сельдевой и в Петропавловской гавани, а также в северо-западном районе Авачинской губы.

Одновременно с 111-м ЭГО гидрографические работы в бухте Южной, бухточке Солёное Озеро, на акватории Петропавловск-Камчатского судоремонтного завода, что на юге бухты Сероглазка Авачинской губы, выполняет личный состав гидрографической партии 169-го ОГО под командованием капитан-лейтенанта С. Мельникова, а затем капитан-лейтенанта И. Лукашенко.

Благодаря профессионализму и настойчивости начальника гидрографического отделения КРГС капитана 2-го ранга В. Короткина, в прошлом командира геодезического отряда 1-й Тихоокеанской океанографической экспедиции Гидрографической службы ТОФ, с 1985 по 1987 г. была подготовлена группа офицеров и гражданского персонала для самостоятельного выполнения планового обоснования крупномасштабных гидрографических работ в Авачинской губе по новой инструкции ГУГК.

В 1987 г. инициатива командования КРГС и 111-го ЭГО о начале планового ежегодного производства работ в Авачинской губе нашла полную поддержку у командования Гидрографической службы ТОФ и ГУНиО МО СССР. В течение четырёх лет (1987—1990 гг.) гидрографические работы в Авачинской губе включаются Главным штабом ВМФ в план навигационно-гидрографического обеспечения ВМФ и общего мореплавания КРГС.

В эти годы для укомплектования полевых групп в 111-й ЭГО на временную работу привлекаются грамотные и ответственные студенты-практиканты старших курсов Новосибирского института геодезии и топографии, Ленинградского и Дальневосточного государственных университетов, Хабаровского топографического техникума. На должности капитанов и механиков на малые гидрографические катера назначаются наиболее подготовленные старшекурсники Петропавловск-Камчатского мореходного училища. Студенты с большим интересом прилетали на Камчатку для учас-

тия в экспедиционных работах, понимая, что такая возможность им может представиться только раз в жизни, так как Петропавловск-Камчатский был в то время закрытым городом. На студенческой практике они исполняли должностные обязанности в полевых группах, получали бесплатное питание и рабочую одежду, одновременно зарабатывали деньги для дальнейшей учёбы, при этом перелёты студентов-практикантов на Камчатку из городов Советского Союза в обе стороны оплачивало МО СССР.

В 1988 г. по распоряжению начальника КРГС капитана 1-го ранга И. Анучина, командиром 111-го ЭГО капитаном 2-го ранга Л. Вольфовским создаётся комплексная гидрографическая партия отряда из пятидесяти специалистов в составе трёх промерных групп под руководством командира партии капитан-лейтенанта О. Коробицына (его вскоре сменил командир партии старший лейтенант А. Алтунин), служащих В. Склярова и В. Алексева. Создаются геодезическая группа и радионавигационная партия под руководством К. Евко и В. Шевелёва, отдельная группа 169-го ОГО под командованием старшего лейтенанта Д. Зенькова. Им предстояло выполнить комплекс работ в бухте Крашенинникова — пункте основного базирования сил и средств 2-й флотилии атомных подводных лодок ТОФ на Камчатке.

Начальником экспедиционных работ назначен командир геодезической партии 111-го ЭГО капитан-лейтенант А. Корольков. Работы начались в мае и завершились поздней осенью в конце октября этого же года.

Особо сложным стал промер в посёлке Рыбачьем. Там у двенадцати плавучих пирсов постоянно находились атомные подводные лодки. Одни уходили в океан, а другие тут же швартовались на их место после выполнения задач. Гидрографы не могли получить свободный доступ к пирсам флотилии до середины августа. К решению вопроса подключился начальник КРГС капитан 1-го ранга И. Анучин. Вскоре командующему флотилией последовало указание командующего ТОФ предоставить свободный доступ гидрографам к пирсам, согласно плану, утверждённому Главным штабом ВМФ на 1988 г., и дело пошло. Для промеров была собрана оперативная группа из самых опытных специалистов. В её состав вошли С. Гаврик, уже завершивший работу в группе В. Склярова, В. Алексеев, В. Шевелёв и старший лейтенант Д. Зеньков.

Последовательно, пирс за пирсом, день за днём, буксиры оттаскивали друг за другом атомные подводные лодки на открытую акваторию бухты. На выполнение промера у свободной стороны

пирса отводилась пара часов. Группа оперативно развёртывала у торца пирса комбинированный теодолитный пост с радионавигационной системой «ГРАС» и линейно-угловой засечкой выполняла координирование малого гидрографического катера на промере. К концу октября все работы в бухте Крашенинникова по плану ВМФ СССР были завершены в полном объёме, и последняя группа экспедиции прибыла с победой на базу.

Через три года после обработки материалов в 111-м ЭГО была издана навигационная морская карта бухты Крашенинникова — вторая по счёту из современного комплекта для Авачинской губы.

С 1989 г. политическая и экономическая обстановка в стране постепенно ухудшалась, а с 1990 г. всё отчетливей проявлялся надвигающийся финансовый кризис. Это был последний год, когда для формирования полевых групп на практику приехали студенты со всей страны, после чего оплата их перелётов на Камчатку за счёт МО СССР прекратилась. С 1990 г. ведущие гражданские специалисты отряда начали увольняться из-за низкой заработной платы. В 111-м ЭГО остались самые мотивированные и преданные профессии гидрографа офицеры и гражданские лица.

Инициативная группа офицеров-гидрографов КРГС — капитан 2-го ранга запаса Л. Вольфовский и капитан 3-го ранга А. Корольков, понимая, что начатое может быть в любой момент прекращено из-за отсутствия финансирования, решила подготовить перспективный многолетний план полномасштабных работ в Авачинской губе. Заместитель командира отряда капитан 3-го ранга А. Корольков составил проект производства гидрографических работ с 1991 г. до их полного завершения в 1996 г. Его утвердили командир 111-го ЭГО капитан 2-го ранга В. Михайлов и начальник КРГС капитан 1-го ранга И. Анучин. План отправился на согласование в ГУНиО МО СССР и был утверждён к исполнению Главным штабом ВМФ СССР.

В 1992 г. камчатская гидрографическая служба понесла особо тяжёлую утрату. Скоропостижно ушёл из жизни один из инициаторов гидрографических работ в Авачинской губе, известный камчатский гидрограф, начальник КРГС капитан 1-го ранга И. Анучин, в прошлом один из командиров 111-го ЭГО. Его сердце не выдержало катастрофических перемен в стране и ВМФ в ходе развала Советского Союза. Для командира 111-го ЭГО капитана 2-го ранга А. Королькова делом офицерской чести и долга стало завершение работ в Авачинской губе, так как он остался последним из числа инициативной группы, принявшей это решение в 1985 г.

Должность начальника КРГС в 1992—1995 гг. занимал капитан 1-го ранга М. Суслонов, а с 1996 г. до полного завершения работ в Авачинской губе — капитан 1-го ранга А. Конев [2]. Командование КРГС в сложные для камчатской гидрографии времена обеспечивало производство работ в губе по пятилетнему плану НГГМО ВМФ РФ и общего мореплавания. Предпринимались все меры для поддержания в постоянной технической готовности больших гидрографических катеров БГК-752 (капитан Николай Николаевич Матюхин) и БГК-481 (капитан Николай Иванович Гавва) 104-го отдельного дивизиона навигационно-гидрографических судов КРГС, работавших совместно с 111-м ЭГО. Персонал склада-мастерской КРГС постоянно поддерживал в исправности средства гидрографического и штурманского вооружения на катерах и в подразделениях 111-го ЭГО. Материально-технический отдел КРГС через тыловые службы КВФ ТОФ снабжал катера и полевые подразделения 111-го ЭГО горюче-смазочными материалами и довольствием.

В эти годы командованию, офицерам и ведущим гражданским специалистам отряда удалось сплотить вокруг себя весь коллектив воинской части, ставший единым подразделением КРГС, нацеленным на полное завершение гидрографических работ в Авачинской губе, несмотря на объективные трудности.

В новых экономических условиях вынужденно оптимизируется количественный состав полевых групп. Работа береговых радионавигационных станций «ГРАС» для координирования промера переводится в автоматический режим. Большую помощь командованию 111-го ЭГО в сложный период 1990-х гг. при внедрении в гидрографическое производство «бригадного подряда» в полевых подразделениях оказала начальник финансовой части КРГС старший мичман Т. Скалацкая. За счёт минимизации штатного состава полевых групп и перераспределения финансовых средств удалось существенно повысить выплаты ведущим гражданским специалистам отряда, задействованным на работах в море.

Одновременно командование отряда в эти годы старается проявить максимальную заботу о подчинённых, предпринимает все усилия для создания хороших условий труда и быта при обработке полевых материалов и подготовке технических средств к выходу в море. В 1993 г., после завершения четырёхлетних работ под руководством группового инженера-механика 111-го ЭГО А. Полушко, отряд переехал в отремонтированные помещения в новом здании. В бухточке Озеро Богородское в 1994 г. группой под руководством

командира партии капитан-лейтенанта Д. Зенькова в составе А. Полушко, В. Сербина, Л. Максимовой и плавсостава отряда оборудована новая удобная береговая база 111-го ЭГО для стоянки и ремонта четырёх малых гидрографических катеров проекта 16830.

Параллельно с полевыми и камеральными работами по Авачинской губе в инициативном порядке персонал 111-го ЭГО выполнил комплекс монтажных и пусконаладочных работ, отладку программного обеспечения нового универсального вычислительного комплекса «Лидер-04». Этим занималась группа в составе командира партии капитан-лейтенанта Д. Яворского, инженера-программиста А. Данилькевича под руководством начальника комплекса В. Шевелёва. Комплекс для автоматизированного вычерчивания отчётных промерных планшето́в при камеральной обработке полевых материалов введён в эксплуатацию в 1997 г., он заменил ручной труд картографов-чертёжников отряда.

В 1990-е гг. для выполнения в полном объёме гидрографических работ в Авачинской губе по плану НГГМО ВМФ усиленно трудятся все основные подразделения и вспомогательные службы отряда. Под руководством заместителя командира отряда капитана 3-го ранга В. Глаголева и начальника группы камеральной обработки Е. Мелконян производится обобщение большого массива полевого материала. Камеральная обработка с применением электронно-вычислительной машины ТЭМ-2 ведётся под руководством А. Зубковой, универсального вычислительного комплекса «Лидер-04» — под руководством В. Шевелёва. Полевые подразделения бесперебойно снабжаются качественным продовольствием под руководством А. Царикова. Необходимыми расходными материалами полевые и камеральные группы снабжаются под руководством Л. Максимовой, обеспечивается стопроцентная сохранность всех материальных средств отряда.

На завершающем этапе камеральной обработки полевых материалов Авачинской губы с 1995 по 1996 г. обладавшая высоким чувством ответственности ведущий картограф-чертёжник отряда О. Дубовая в сверхурочное время и выходные дни вычертила двойной объём отчётных промерных планшето́в. Это позволило успеть к назначенному сроку окончания работ.

В октябре 1996 г. были завершены все полевые и камеральные работы на акватории Авачинской губы в строгом соответствии с многолетним планом гидрографических работ Главного штаба ВМФ, материалы представлены для морского картографирования в Гидрографическую службу ТОФ [3].

Последний промерный планшет в Авачинской губе, но уже по коммерческому плану, был произведён 111-м ЭГО в 1998 г. в знаковом месте для жителей Камчатки и Гидрографической службы ВМФ РФ — Петропавловской губе на акватории морского порта Петропавловск-Камчатский. Именно здесь в 1740 г. штурман Иван Елагин выполнил первый в истории морского картографирования губы промер для обеспечения зимней безопасной стоянки пакетботов Второй Камчатской экспедиции «Св. Пётр» и «Св. Павел» под командованием офицеров Императорского русского флота Витуса Беринга и Алексея Чирикова [1].

Промер Петропавловской губы производился под руководством командира 111-го ЭГО капитана 2-го ранга А. Королькова группой в составе командира партии капитан-лейтенанта Д. Зенькова, В. Алексеева, В. Сербина, Е. Мелконян, О. Дубовой, В. Ивашиной, С. Глаголевой и других. Полученные данные были уже полностью обработаны с применением универсального вычислительного комплекса «Лидер-04», а отчётные промерные планшеты вычерчены в автоматизированном режиме на графопостроителе под руководством В. Шевелёва. По инициативе командования 111-го ЭГО для удобства судоводителей издана отдельная, ранее не существовавшая навигационная морская карта акватории морского порта Петропавловск-Камчатский в Петропавловской губе.

По предложению коллектива отряда память об И. Анучине, известном камчатском военном гидрографе и одном из пяти инициаторов выполнения масштабных гидрографических работ в Авачинской губе, увековечена на её навигационной морской карте. Безымянному рифу, выявленному 111-м ЭГО при промере, вместо отличительной глубины присвоено именное название — «Камни Анучина» (утверждено постановлением правительства РФ № 1587 от 30 декабря 1998 г.) [4].

В ходе морского картографирования Авачинской губы сплочённый коллектив 111-го ЭГО при дружественной поддержке офицеров и гражданского персонала воинских частей и подразделений КРГС успешно преодолел все трудности 1990-х гг. Отряд прошёл с промером и инструментальной оценкой рельефа дна на больших и малых гидрографических катерах путь длиной в 14 313 км. Он произвёл промер у причалов и пирсов суммарной длиной 24,1 км, определил 580 геодезических пунктов и береговых средств навигационного оборудования, выполнил топографическую съёмку береговой линии длиной 56 км. В результате многолетних работ камчатские военные гидрографы выявили десятки новых навигационных

опасностей искусственного происхождения, особенно на траверзе полуострова Завойко на бровках канала горла Авачинской губы, не обнаруженных в предыдущие годы. Они нашли значительное уменьшение глубин на траверсе мысов Коса и Угловой, нанесли на отчётные планшеты все новые гидротехнические сооружения, плавающие пирсы и глубины у них после производства дноуглубительных работ.

Автору очерка посчастливилось быть одним из организаторов, исполнителей и руководителей важной государственной задачи по планам Главного командования ВМФ СССР, а позже ВМФ РФ. Ему довелось участвовать в масштабных гидрографических работах в Авачинской губе на протяжении почти двадцати лет. Они начались с первого промерного галса в бухточке Озеро Богородское в 1979 г., завершились последней измеренной глубиной на акватории морского порта Петропавловск-Камчатский в Петропавловской губе в 1998 г. и прошли в составе замечательных коллективов — 169-го ОГО и 111-го ЭГО КРГС КВФ ТОФ под командованием известных камчатских офицеров-гидрографов.

Современные навигационные морские карты Авачинской губы, изданные по работам камчатских военных гидрографов конца XX в., создали на многие десятилетия вперёд в XXI в. необходимые условия для надёжного навигационно-гидрографического обеспечения безопасности мореплавания в пункте основного базирования военного и гражданского флотов Российской Федерации у восточных берегов Камчатки в северо-западной части Тихого океана.

Источники

1. История гидрографической службы Российского флота. В 4-х т. / Под ред. А. Комарицына. — СПб.: ГУНиО МО РФ, 1996. — Т. 1. — С. 165; Т. 2. — С. 341.
2. *Кобылинский Л.* Командный и начальствующий состав Гидрографической службы Тихоокеанского флота 1856—2014. Биографический справочник. — СПб.: ООО «Типография Феникс», 2014.
3. Фото и схемы из личного архива автора.
4. Навигационная морская карта для общего мореплавания нового издания «Тихий океан. Восточное побережье полуострова Камчатка. Авачинская губа». Адмиралтейский номер 68280. — СПб.: ГУНиО МО РФ, 1999. Из личного архива автора.
5. Навигационная морская карта для общего мореплавания первого издания «Тихий океан. Авачинская губа. Порт Петропавловск-Камчатский». Адмиралтейский номер 68281. — СПб.: ГУНиО МО РФ, 2003. Из личного архива автора.



Офицеры гидрографической партии вместе с матросами и командованием 169-го ОГО и КРГС. Слева направо, снизу вверх: первый ряд — заместитель командира отряда капитан-лейтенант Ю. Быков, командир отряда капитан 3-го ранга Н. Костилов, заместитель начальника Камчатского РГС по политчасти капитан 2-го ранга А. Ховзун, заместитель командира отряда по политчасти А. Карпенко, командир гидрографической партии отряда капитан-лейтенант В. Фомченко, старший помощник командира гидрографической партии отряда старший лейтенант В. Балыкин. Второй ряд: матросы и старшины отряда, помощник командира гидрографической партии отряда лейтенант А. Корольков, начальник берегового поста радионавигационной партии «Рым» отряда мичман П. Боевец, 1981 г.



В. Солодов



И. Анучин



В. Короткин



Л. Вольфовский



В. Михайлов



А. Корольков



В. Глаголев



А. Алтунин



Д. Яворский



Д. Зеньков



В. Скляр



С. Гаврик



В. Алексеев



К. Евко



В. Шевелёв



М. Суслонов



А. Конев



Т. Скалцкая



Е. Мелконян



Л. Максимова



О. Дубовая



Бухточка Озеро Богородское. Авачинская губа. Малые гидрографические катера 111-го ЭГО МГК-1220 и МГК-1284 проекта 382КМ, оснащённые корабельной аппаратурой РНС «ГРАС», в готовности к выходу в море на промерные работы



Авачинская губа. Инженер 111-го ЭГО Марина Лукашенко координирует местоположение гидрографического катера на промерном галсе с помощью теодолита и радионавигационной системы «ГРАС»



Авачинская губа. Гидрографы 111-го ЭГО на малом гидрографическом катере МГК-693 проекта 16830 обеспечивают водолазное обследование подводного препятствия, обнаруженного при промере на акватории рыбного порта

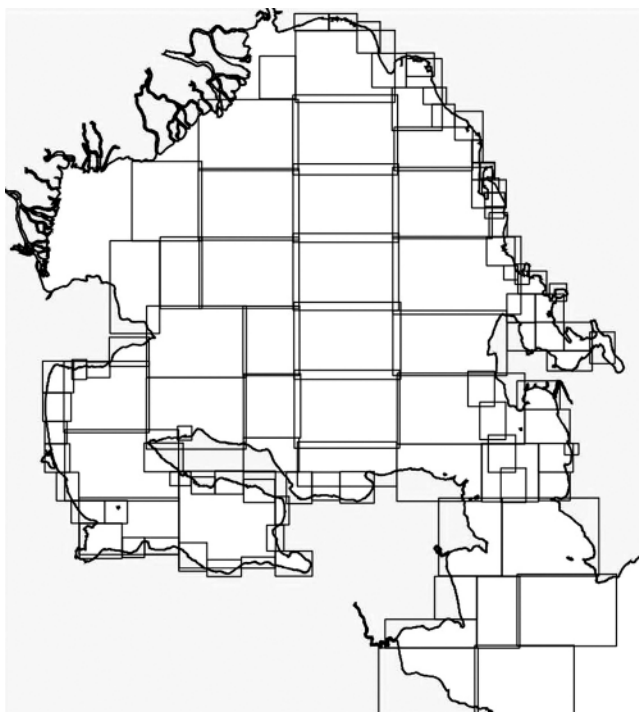
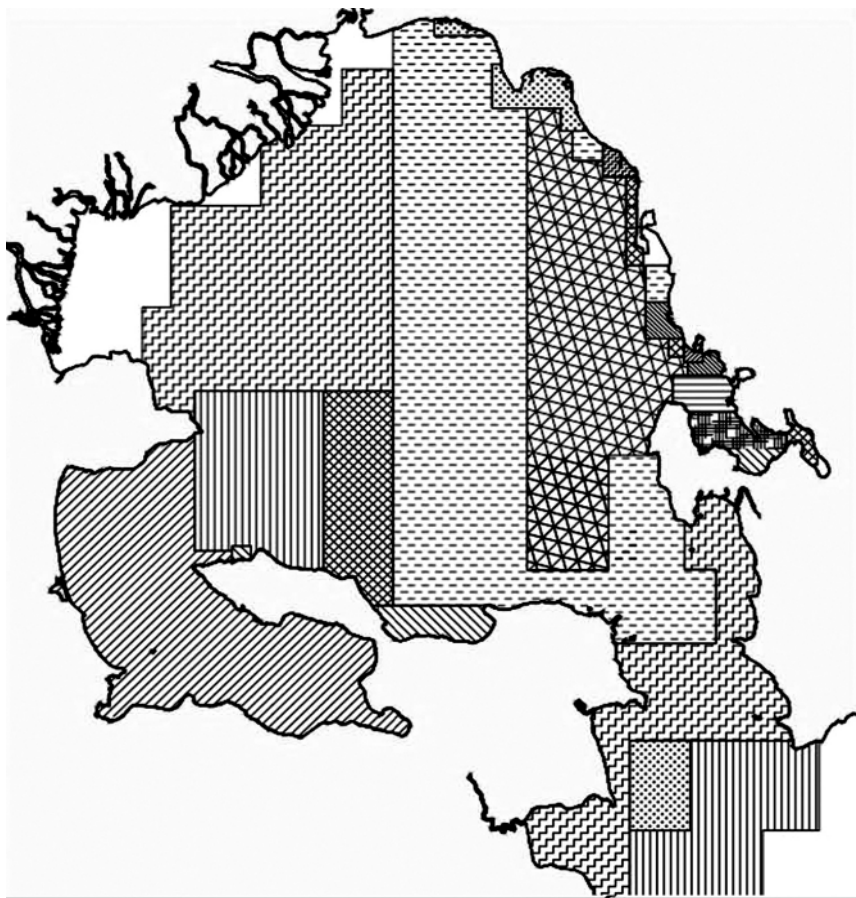
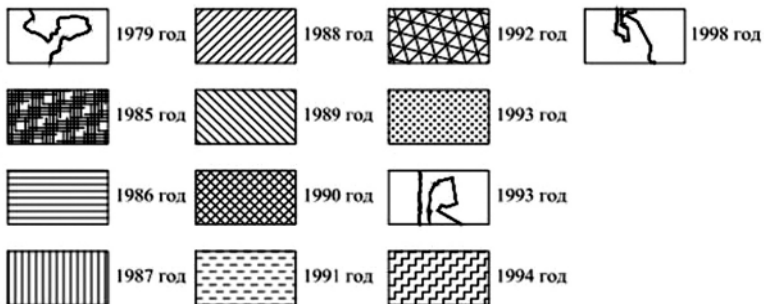


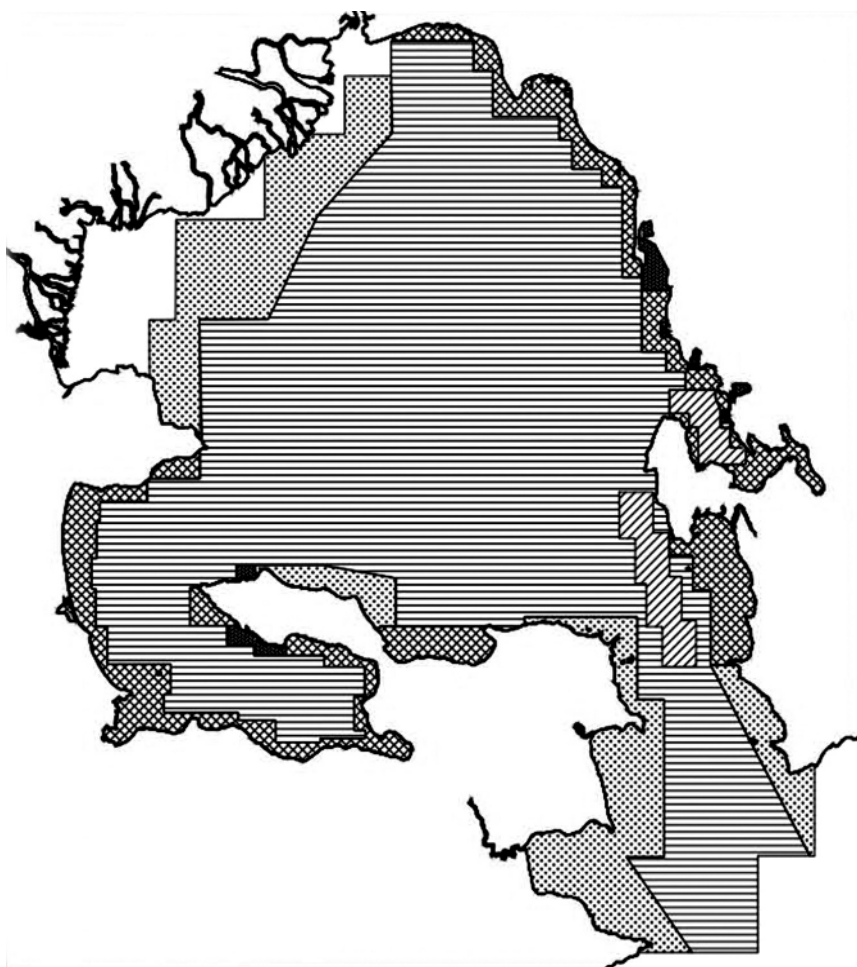
Схема нарезки планшетов съёмки рельефа дна в Авачинской губе с 1979 по 1998 г. [3]



Условные обозначения (выполнение работ по годам):



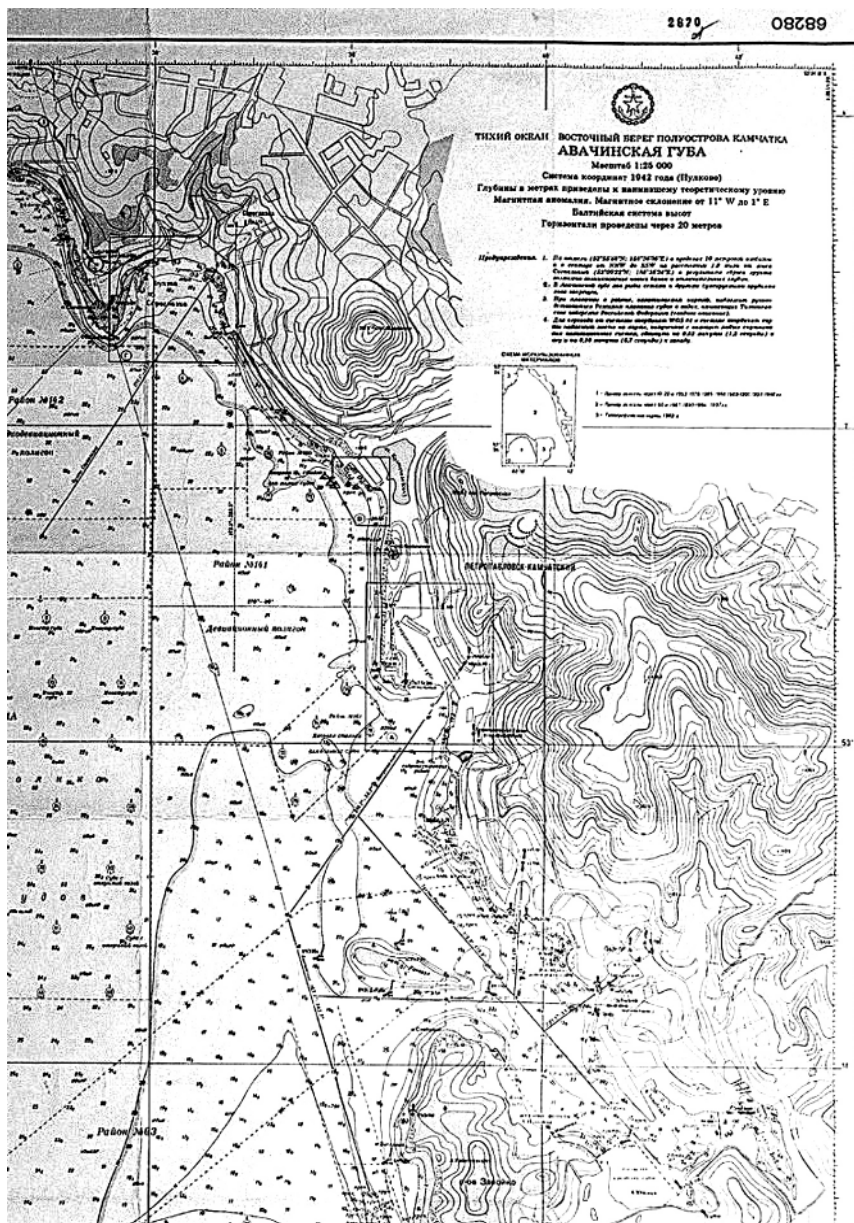
Хронология выполнения гидрографических работ в Авачинской губе
с 1979 по 1998 г. [3]



Условные обозначения (масштабы работ):



Подробность съёмки рельефа дна в Авачинской губе
с 1979 по 1998 г. [3]



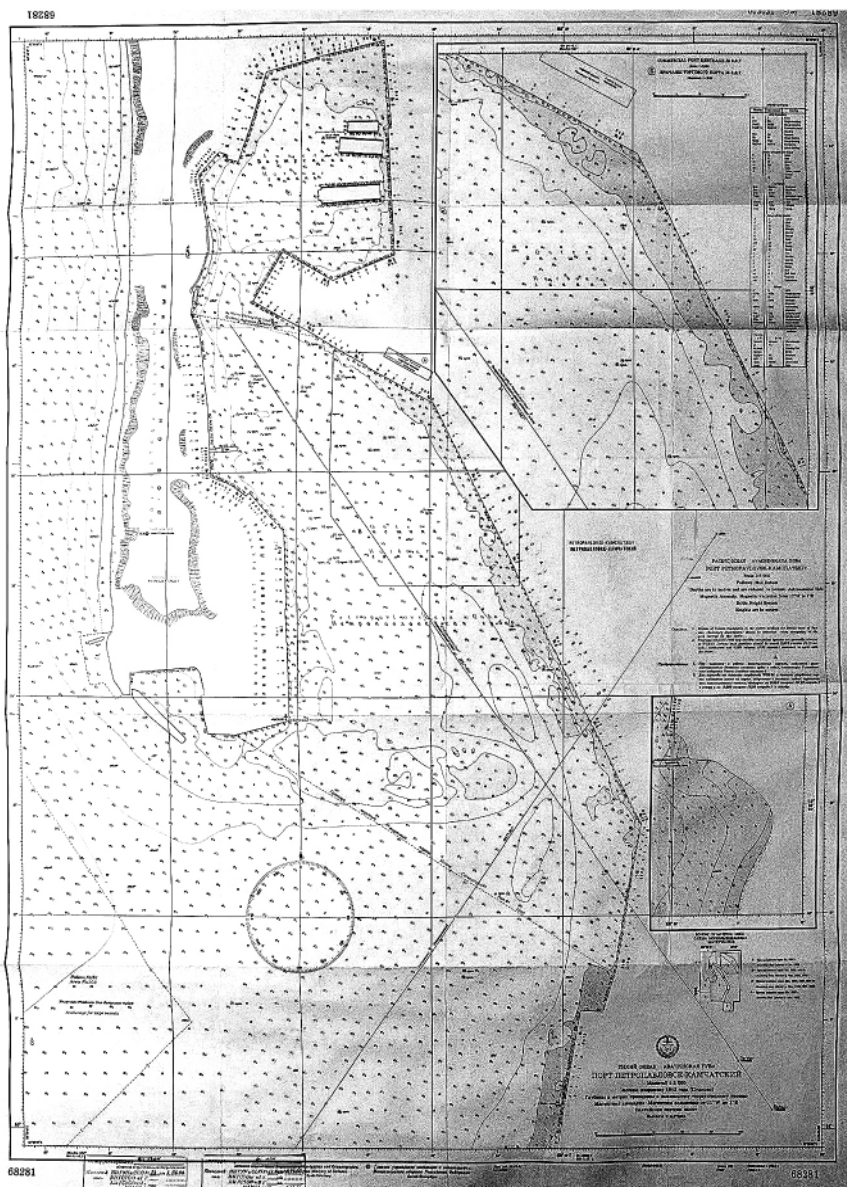
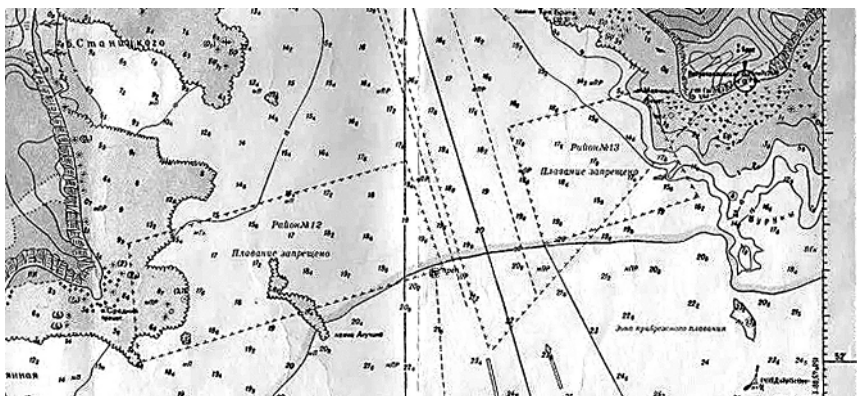


Фото первого издания навигационной морской карты для общего мореплавания порта Петропавловск-Камчатский Авачинской губы по работам 111-го ЭГО с 1990 по 1998 г. Адмиралтейский номер 68281, издание ГУНиО МО РФ, 2003 г. [5]



Подводный скалистый риф «Камни Анучина» на новой навигационной морской карте Авачинской губы, названный в 1988 г. в честь известного камчатского гидрографа капитана 1-го ранга И. Анучина по представлению коллектива 111-го ЭГО



Ветераны-гидрографы, камеральная группа и молодые специалисты 111-го ЭГО КРГС КВФ ТОФ. Слева направо: первый ряд — С. Снопкина, О. Дубовая, О. Чайкина, С. Глаголева, А. Корольков, Н. Данилькевич (Шевелёва), Е. Рева, Н. Божко; второй ряд — А. Данилькевич, Е. Мелконян, лейтенант С. Фомченко, С. Гаврик, В. Гамаюнова, К. Евко, А. Зубкова, Н. Ляшко, ветеран Великой Отечественной войны сторож Иосиф Максимович Довбилкин, кавалер ордена «Знак Почёта» В. Шевелёв, Г. Бабкова, Л. Максимова, В. Алексеев, М. Бовтун, 1998 г.

Материалы Государственного архива Камчатского края
о создании добровольных общественных организаций
в Камчатской губернии в 1924—1925 гг.

В 1920-е гг. в Российской Советской Федеративной Социалистической Республике (РСФСР) было создано огромное количество разнообразных общественных организаций, целью которых стало вовлечение масс в государственную работу. К тому же в данное время весьма распространённой являлась точка зрения о том, что в будущем социалистическом обществе они заменят государственные структуры. Образование и общие вопросы деятельности добровольных общественных организаций регламентировались декретом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) и Совета Народных Комиссаров (СНК) РСФСР от 3 августа 1922 г. «О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли, и порядке надзора за ними» [15].

В феврале 1923 г. Народный комиссариат юстиции (НКЮ) РСФСР сообщал, что под общественными следует понимать организации, которые в отличие от других негосударственных учреждений преследуют цели не извлечения прибыли для своих членов, а общественные. В 1924 г. Народный комиссариат внутренних дел (НКВД) РСФСР указывал, что к таковым обществам и союзам относятся организации, ставящие научные и идеологические цели. К ним относились научные, спортивные, литературные, художественные, сельскохозяйственные общества, а также различные общества содействия по проведению тех или иных начинаний власти [1. Л. 23]. Для обозначения данных организаций использовались понятия «вольные кружки», «добровольные общества», «общества», «массовые организации», «союзы» и другие. Особое распространение в 1920-е гг. получили «массовые организации». К ним относились Добровольное общество друзей детей (ДОДД), Добровольное общество содействия строительству предприятий химической промышленности (Доброхим), Крестьянские комитеты общественной взаимопомощи (ККОВ, кресткомы), Общество друзей воздушного флота (ОДВФ), Международная организация помощи борцам революции (МОПР) и другие.

Следует отметить, что в настоящее время история добровольных общественных организаций в Камчатской губернии (с 1926 г.

округа) не стала предметом специального изучения. Вместе с тем, в фондах Государственного архива Камчатского края (ГАКК) содержится значительный массив неопубликованных документальных сведений, посвящённых образованию и деятельности общественных объединений.

Весьма ценными являются материалы фонда Камчатского губернского бюро Российской коммунистической партии большевиков (Ф. П-19). Прежде всего, это информационные отчёты Камчатского губернского бюро РКП(б) в Дальневосточное бюро и ЦК РКП(б). Содержащиеся в них сведения позволяют узнать время создания той или иной организации, уточнить численность членов и изучить её организационную структуру, а также выявить проблемные аспекты в деятельности первых общественных организаций на территории Камчатской губернии.

В кратком информационном отчёте Камчатского губернского бюро за декабрь 1923 — февраль 1924 г. имеются сведения о первых попытках организации женских общественных организаций [2. Л. 65—66]. Информационный отчёт Камчатского губернского бюро в Дальневосточное бюро и ЦК РКП(б) за январь — апрель 1925 г. содержит данные о создании в Петропавловске-Камчатском (в январе 1925 г.) городского Добровольного общества содействия строительству предприятий химической промышленности и о численности его членов (650 чел.). Кроме того, в документе сообщается о невозможности организации Доброхима в уездах и волостях Камчатской губернии «по причине отсутствия литературы и недостаточных сил» [3. Л. 16]. В отчёте также говорится об организации губернского Добровольного общества друзей детей, избрании его бюро, а также указывается численность этой добровольной организации в Петропавловске-Камчатском (300 чел.). Весьма интересны сведения о конкретной деятельности ДОДД в Петропавловске-Камчатском (организация столовой, оказание помощи детскому саду, планирование работы по всей губернии) [3. Л. 16]. Сведения о деятельности Комиссии фонда имени В. И. Ленина и Международной организации помощи борцам революции также нашли отражение в этом отчёте. В частности о том, что комиссия фонда имени В. И. Ленина организовала отделения в уездах и активно распространяла литературу о своей деятельности. Отмечалось также, что на основании циркуляра Дальневосточного бюро комиссия должна была собрать денежных средств на сумму 5 000 руб. Причём на момент подготовки отчёта было собрано только 733 руб. [3. Л. 16]. Далее сообщалось о работе МОПР. Уполномоченные

этой организации действовали в уездах Камчатской губернии, доклады о работе общества регулярно заслушивались на профсоюзных и партийных собраниях, а такие праздники как День Парижской коммуны и Первое мая «были приурочены к популяризации идей МОПР и сбору денежных средств» [3. Л. 17]. В отчёте приводятся краткие сведения о самой многочисленной добровольной общественной организации — Обществе друзей воздушного флота. В апреле 1925 г. в ней состояло 1 532 чел., а количество собранных средств составило 4 100 руб. [3. Л. 17].

Создание губернского комитета Общества содействия жертвам интервенции рассмотрено в «Информационном отчёте Камчатского губернского бюро в Дальневосточное бюро и ЦК РКП(б) за май — октябрь 1925 года». Во время организационного становления этого общества (с февраля по апрель 1925 г.) распространялись сведения о его целях и задачах, составлялся план работы по сбору материалов, а также разрабатывалась инструкция о порядке заполнения претензий [4. Л. 41—42]. В отчёте приведены данные о руководстве губернского комитета Общества содействия жертвам интервенции. Его председателем являлся Дмитрий Семёнович Бузин (одновременно он был секретарём губернского бюро), а членами — заведующий губернским административным отделом Николай Павлович Фролов и заместитель председателя губернского профсоюзного бюро Борис Константинович Борысевич. Также представляют интерес сведения об уполномоченных губернского комитета этого добровольного общества, в задачи которых входило создание уездных комитетов и волостных пунктов. Первые уполномоченные Общества содействия жертвам интервенции были назначены в Охотский, Гижигинский и Анадырский уезды, а также в Усть-Камчатскую, Дранкинскую, Мильковскую, Тигильскую, Хайрюзовскую, Соболевскую, Большерецкую и Елизовскую волости Петропавловского уезда.

Весьма интересны данные о 299 претензиях на 6 051 303 руб., поступивших в 1925 г. в губернский комитет Общества содействия жертвам интервенции. Среди претензий были индивидуальные (268), общественные (21), государственные (9) и кооперативные (1) [4. Л. 42]. Основные претензии относились к убыткам, причинённым белогвардейскими отрядами В. И. Бочкарёва, Н. А. Полякова и А. Н. Пепеляева [4. Л. 41—42].

Среди материалов фонда «Камчатского губернского бюро РКП(б)» значительный интерес представляют протоколы совещаний членов ячеек общественных организаций при организационном

отделе губернского бюро и протоколы заседаний общественных организаций. Например, в деле 200 «Протоколы заседаний комиссий и совещаний по проведению налоговых агиткампаний о выпуске периодической литературы» (Ф. П-19. Оп. 1.) имеется протокол совещания от 1 марта 1925 г. ячеек Доброхима при организационном отделе губернского бюро РКП(б). На совещании было принято решение о слиянии ячеек этой организации в Петропавловске-Камчатском и образовании единой общегородской ячейки [5. Л. 8]. Итогом совещания также стало решение о назначении уполномоченных этого губернского добровольного общества в следующие учреждения: губерское бюро РКП(б), Рабоче-крестьянская инспекция и типография (Елисеев); губернский революционный комитет (Чернов); губернский комхоз (Крупенин); народный суд (Хан Ен Хен); почта (Кузнецов); губернский отдел здравоохранения (Афонин); губернский отдел народного образования (Королёв), губернский отдел ГПУ (Барабанов); дивизион войск ОГПУ (Романов); губерское профсоюзное бюро, страховая касса и отдел труда (Тогаев); губернский земельный отдел и статистическое бюро (Истомин); губернская милиция (Ластовский); таможня и добровольный флот (Гаварин); радио (Сычёв); народный театр (Бородовский); губернский финансовый отдел (Чмыхалов); дальневосточный банк (Подгура), Охотско-Камчатское акционерное общество и другие предприятия (Гордичук) [5. Л. 8].

На первом заседании вновь образованного общества 2 апреля 1925 г. были озвучены следующие доклады: «Назначение Доброхима»; «О практическом применении химии»; «Об упразднении ячеек Доброхима и слиянии их в одну общую городскую ячейку» [5. Л. 8].

Не менее содержательным является протокол совещания губернского партийного бюро от 23 марта 1925 г., который также имеется в деле 200. В протоколе отмечены меры по «урегулированию работы общественно-политических массовых организаций и изжитию наблюдающейся расхлябанности» [5. Л. 4].

Интересный документ, составленный 8 апреля 1925 г. заместителем председателя губернского профсоюзного бюро Б. К. Борысевичем и адресованный в губерское бюро РКП(б), представлен в деле 199-м «Протоколы совещаний кооперативной комиссии и по работе в деревне, заседаний губкресткома» [6. Л. 5—9]. Б. К. Борысевич указывает, что выполнял задание организационного отдела «по выяснению жизни Камчатской деревни», а предоставленные им сведения являются итогом личных наблюдений и сведений, полу-

ченных от партийных работников — Шумилова (Усть-Больше-репк) и Фёдорова (Палана) [6. Л. 5]. На документе имеется резолюция «Использовать как информационный отчёт» [6. Л. 5]. В нём содержатся сведения о сложностях в деятельности общественных образований в сёлах, расположенных на западном побережье Камчатской губернии [6. Л. 8—9]. В частности, об отсутствии руководства крестьянскими комитетами, вся деятельность которых «сводилась к накоплению средств» [6. Л. 9]. К тому же большинство кресткомов «пользовалось особенным вниманием» со стороны бывших лавочников. Эта категория лиц обозначалась в отчёте «бывшие люди». Они старались возглавить крестьянские общественные объединения для распространения влияния на волостные революционные комитеты. Далее отмечалась необходимость «пересмотреть состав кресткомов и улучшить руководство ими» [6. Л. 9].

Б. К. Борысевич сообщает о наличии ячеек Общества друзей воздушного флота в большинстве селений западного побережья Камчатки. Вместе с тем, членами этой общественной организации являлись лишь жители, избранные в сельские революционные комитеты. Весьма интересны сведения об организации фонда имени В. И. Ленина в селе Соболево во время проведения крестьянской конференции. Её делегаты активно поддерживали эту идею и пожертвовали в фонд более 40 руб. Характеризуя состояние Международной организации помощи борцам революции, автор пишет: «О МОПР за последнее время узнали только в волостных центрах» [6. Л. 9].

Наряду с информационными отчётами, в материалах фонда П-19 представлены протоколы заседаний уездных революционных комитетов, отчёты волостных революционных комитетов и акты их обследования. Содержащиеся в них данные являются очень ценными для изучения состояния и деятельности добровольных общественных организаций в Камчатской губернии. Например, в деле 136 «Протоколы заседаний Гижигинского уездного революционного комитета с 24 августа 1924 г. по 19 февраля 1926 г.» хранится выписка из протокола заседания уездного революционного комитета от 23 октября 1923 г. На заседании рассматривался вопрос «О деятельности организационного бюро ОДВФ со дня организации по первое октября 1925 г.» [7. Л. 13].

В отчёте о деятельности Мильковского волостного революционного комитета (с 1 октября 1924 г. по 1 апреля 1925 г.) отдельный раздел посвящён работе волостного бюро ОДВФ [8. Л. 73]. В нём говорится: «Работа по сбору средств на усиление и развитие

воздушного флота в волости сильно хромала, а волостное бюро в этой отрасли применяло мало инициативы» [8. Л. 73]. Далее сообщалось о переизбрании в ноябре 1924 г. волостного бюро данной общественной организации. В его состав вошли Н. В. Выломов (председатель), Бушуев (секретарь), Плотников (казначей), Старков и Бобряков (члены). Новый состав бюро приступил к организации ячеек ОДВФ в селениях Мильковской волости, активно распространял среди населения литературу и проводил кампанию о необходимости отчислений от продажи пушнины в размере 1 % на развитие этой добровольной общественной организации. Весьма интересно, что мильковский драматический кружок перечислил в фонд ОДВФ денежные средства, полученные от постановок нескольких спектаклей и двух балов-маскарадов [8. Л. 73].

В этом отчёте также содержался раздел «Работа крестьянской взаимопомощи». Здесь отмечалось, что с осени 1924 г. на территории волости стали организовываться ККОВ. В состав волостного кресткома были избраны начальник волостной милиции Рудометов, житель селения Щапино Щербин (опытный хлебороб) и местные жители. Сельские кресткомы были организованы в селениях Пушино, Усть-Камчатск, Мильково, Кирганик, Машура, Толбачик [8. Л. 74].

В феврале 1926 г. уполномоченный губернского революционного комитета Наум Саввич Павленко проверил деятельность Хайрюзовского волостного революционного комитета. Результаты проверки представлены в акте обследования. Он хранится в деле 220-м «Отчёты о деятельности туземного подотдела Камчатского окружного революционного комитета, Чукотского и Анадырского волостных революционных комитетов» [9. Л. 53—61]. Уполномоченный отмечает наличие в селениях Хайрюзовской волости ячеек ОДВФ, Организации помощи борцам революции и Российского общества Красного Креста. Вместе с тем, Н. С. Павленко указывает, что эти организации представляют собой официальные отделения губернских организаций и не являются «добровольно сознательными» [9. Л. 53об.].

Среди документов объединённого фонда Ф. Р-25 «Волостные революционные комитеты Камчатской губернии» особую ценность представляют акты обследований комитетов. Знакомство с ними позволяет оценить состояние добровольных общественных объединений на местном уровне. Акты содержат уникальные данные, которые не повторяются в других источниках. Например, в актах обследования Укинского, Ивашкинского, Кичигинского и Кара-

гинского сельских революционных комитетов, проведённых председателем Дранкинского волостного ревкома Б. Балашовым в 1924 г., особое внимание уделено состоянию ОДВФ и крестьянских комитетов общественной взаимопомощи [10. Л. 2—7].

Сведения о состоянии местных ячеек ОДВФ на 1 августа 1924 г. [ГАКК. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 3. Л. 2, 3, 3об., 4, 4об., 6, 7]:

— Укинский ревком: 16 членов, председатель Павел Кириллович Адамович, секретарь Павел Михайлович Ульянов, казначей Александр Иннокентьевич Ацевич. Собрано пожертвований в фонд ОДВФ 40 руб. 17 коп.;

— Ивашкинский ревком: 34 члена, председатель Никита Яковлевич Загородний, секретарь Иван Михайлович Григорьев, казначей Тарас Аверьянович Талалаев. Собрано пожертвований в фонд ОДВФ: 1 руб., 475 штук солёной рыбы, один серебряный крест, бронзовая медаль, три выпоротка, один горноста́й, четыре камуса и один малахай;

— Кичигинский ревком: 38 членов, председатель Михаил Иванович Чечулин, секретарь Василий Никифорович Чечулин, казначей Антон Петрович Беляков. Собрано пожертвований в фонд ОДВФ: 53 выпоротка, одна пара длинных торбазов, три пары коротких торбазов, один горноста́й, одна нерпичья шкура и одна пара рукавиц;

— Карагинский ревком: 31 член, председатель Александр Алексеевич Коллегов, секретарь Тимофей Григорьевич Чечулин, казначей Иннокентий Павлович Гуторов. Пожертвования в фонд ОДВФ отсутствуют.

Составы крестьянских комитетов общественной взаимопомощи [ГАКК. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 3. Л. 2, 3, 3об., 4, 5об., 6, 7]:

— Укинский ревком: председатель Павел Яковлевич Барчук, секретарь Иван Никитович Логутенко, казначей Михаил Александрович Решетников;

— Ивашкинский ревком: председатель Антон Иванович Лазарев, член Никифор Петрович Быцык, секретарь Михаил Аверьянович Решетников;

— Кичигинский ревком: председатель Михаил Иванович Чечулин, секретарь Василий Никифорович Чечулин;

— Карагинский ревком: председатель Капитон Егорович Праворов, члены Катерина Ивановна Лазарева, Анна Васильевна Обухова, Фёдор Васильевич Ларьков, секретарь Иоан Максимович Гуторов.

Кроме того, в актах рассматриваются особенности деятельности вышеуказанных кресткомов. Например, Укинский активно привлекал

средства населения путём добровольных взносов. На 1 августа 1924 г. в кассе комитета имелось «34 рубля и 24 копейки, 330 штук солёной рыбы и рухляди на 200–250 рублей» [10. Л. 2]. Вместе с тем, в кассе Ивашкинского, Кичигинского и Карагинского кресткомов «не имелось ни копейки» [10. Л. 4об., 6, 7]. В селе Кичига крестком существовал лишь формально. Его члены не только не проводили никакой работы, но и «не знали, что такое крестком и для чего он организован» [10. Л. 6]. В объединённом фонде «Волостные революционные комитеты Камчатской губернии», наряду с актами обследования сельревкомов, хранятся отчёты о состоянии и деятельности сельских революционных комитетов.

В отчёте Паратунского сельревкома за март — июнь 1925 г. указано, что уполномоченный Елизовского волостного пункта МОПР вместе с комсомольской ячейкой 1 мая 1925 г. организовал спектакль в селе Паратунка. Сборы (35 руб. 30 коп.) сданы представителю губернского бюро [10. Л. 2об.]. В отчёте также отмечается, что в ОДВФ (председатель Н. Подпругин) начали поступать членские взносы. В отчётах Николаевского и Халактырского сельревкомов за март — июнь 1925 г. упоминается о наличии в селениях ячеек ОДВФ и МОПР. Однако они работали «очень слабо из-за отсутствия руководящих материалов» [10. Л. 7об., 10].

Наряду с актами, объединённый фонд «Волостные революционные комитеты Камчатской губернии» содержит и другие документы, непосредственно относящиеся к обследованию добровольных общественных организаций. Например, в фонде Р-25 «Полугодовые и квартальные доклады о деятельности Хайрюзовского и Соболевского волревкомов за 1924—1925 гг., протокол информационного совещания председателей волревкомов при Камчатском Губздраве о состоянии здравоохранения в волостях» (Оп. 8. Д. 4) представлена программа обследования сельревкомов и организаций, находящихся в селениях Хайрюзовской волости. Эта программа содержала следующие пункты: «Имеются ли в селении организации ОДВФ, ККОВ, РОКК и другие; как протекает их работа, количество членов и средств; как относится население к ним; какие недостатки в работе организаций» [11. Л. 109].

Среди документов фонда Р-25 определённый интерес представляют протоколы сельских собраний. Например, на собрании жителей села Соболево, состоявшемся 9 января 1926 г., одним из основных являлся вопрос о создании сельской ячейки ОДВФ. В протоколе указывалось, что организация Красного воздушного флота «является великим двигателем нашей советской жизни, поэто-

му решили вступить в члены общества всем собранием». В состав ячейки большинством голосов избраны Дезлов, Родыгин, Спешневин, Харлавин, кандидатами — Афанасьев и Турутин [10. Л. 153]. В протоколе общего собрания граждан села Крутогорovo, состоявшегося 19 декабря 1925 г., отражены сведения о выборах в комитет содействия по благоустройству школьных дел, а также о вступлении граждан в члены общества Красного Креста.

Значительный объём сведений по рассматриваемой теме можно найти в отчётах о работе уездных революционных комитетов, в материалах фонда Р-30 «Камчатский окружной революционный комитет». В отчёте о работе бывшего Гижигинского уездного ревкома и Пенжинского райревкома с 1 октября 1925 по 1 октября 1926 г. имеется раздел «Улучшение и упрощение аппарата власти государственных учреждений и организаций». В нём указано, что Гижигинский уездный крестком должен организовать сельский крестком, а также провести учёт всех граждан, нуждающихся в социальном обеспечении [12. Л. 6].

Кроме того, уездному ревкому указано на необходимость слить ячейки ОДВФ и Доброхима и образовать организацию Авиахим. Уездному ДОДД предложено организовать в Гижиге питательный пункт, «принимая в расчёт в первую очередь круглых сирот, не имеющих материальных средств, а также детей, родители которых пострадали от недохода рыбы» [12. Оп. 1. Д. 7. Л. 6].

Особого внимания заслуживают протоколы заседаний Камчатского окружного революционного комитета. В них характеризуются состояние общественных организаций, а также прописаны меры, направленные на их дальнейшее развитие. В деле 4 «Протоколы заседаний и совещаний окружного ревкома за 1926—1927 гг.» (фонд Р-30. Оп. 1.) имеется протокол заседания окрревкома № 18 от 24 февраля 1927 г. Здесь содержатся тезисы доклада о работе в 1925—1926 гг. организационного бюро Авиахима. Докладчик — заместитель председателя окрревкома и председатель Петропавловского городского Совета Иван Емельянович Ларин. Он констатировал огромный интерес населения города Петропавловска-Камчатского и ближайших к нему селений, а также села Анадырь к гидросамолёту «Юнкерс» экспедиции на остров Врангеля.

Ларин указывал: «Пребывание самолёта “Юнкерс” и его работа является лучшей популяризацией идей общества Авиахим» [13. Л. 27].

Для дальнейшего развития этого общества Камчатский окрревком считал необходимым [13. Л. 28]:

— поддержать перед центральными органами ходатайство окружного Авиахима о посылке на Камчатку самолёта для постоянной работы;

— оказать содействие окружному совету Авиахима в поиске помещения для планера;

— восстановить метеорологические станции;

— усилить организационно-популяризаторскую работу в области химической обороны.

Представляет интерес протокол заседания окрревкома № 17 от 17 февраля 1927 г., отметивший, что в 1925—1926 гг. произошло значительное «вовлечение» женщин в общественную работу. Здесь приведены сведения, подтверждающие увеличение количества женщин в добровольных общественных организациях [13. Л. 33].

Хотелось бы также обратить внимание на протокол заседания окрревкома от 23 сентября 1926 г. № 24. На этом заседании был утверждён состав совета физической культуры в Камчатском округе, председателем которого стал Иоган Яковлевич Ломбак, начальник окружного отдела ОГПУ. Членами окружного совета физической культуры стали представители военкомата (Смирнов и Власенко); окружного отдела народного образования (Жедаевский); окружного отдела здравоохранения (Топольский); инспекции труда (Аристов); окружного бюро профсоюзов (Пестов) и окружного бюро ВЛКСМ и ГПУ (Барабанов) [13. Л. 153].

Интересные результаты деятельности организационного бюро ДОДД за 1925—1926 гг. содержатся в протоколе заседания окрревкома от 28 января 1928 г., хранящемся в деле 9-м (Протоколы заседаний Камчатского окружного революционного комитета с 24.11.1927 по 10.05.1928). В нём констатировано «отсутствие активности и самостоятельности бывшего состава оргбюро ДОДД», а его работа признана неудовлетворительной. Новому составу оргбюро рекомендовано «оживить работу и наладить нормальную связь с ячейками города и мест, а также упорядочить канцелярию и отчётность» [14. Л. 20.].

В протоколе заседания окрревкома от 6 февраля 1928 г. указывалось, что в округе «окончательно организационно оформлены» 94 кресткома общественной взаимопомощи (ККОВ). Кроме того, отмечено «увеличение выдач возвратных ссуд и безвозвратных пособий крестьянской бедноте» [14. Л. 25]. Особое внимание направлено на недостатки, имевшие место в деятельности кресткомов. К их числу относились: слабая связь ККОВ с советскими и общественными организациями; отсутствие качественного учёта

актива этих добровольных организаций; недостаточное вовлечение женщин в аппараты кресткомов и слабая работа ревизионных комиссий [14. Л. 26].

Это лишь некоторые примеры ранее не опубликованных документов, представленных в достаточно обширных фондах Государственного архива Камчатского края. Их дальнейшее исследование позволит тщательно изучить процесс организации и деятельности общественных организаций на территории Камчатской губернии (с 1926 г. округа) в 1920-е гг.

Источники

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) Ф. Р-393 «Народный комиссариат внутренних дел РСФСР». Оп. 2. Д. 498.
2. Государственный архив Камчатского края (ГАКК) Ф. П-19 «Камчатское губернское бюро РКП(б)». Оп. 1. Д. 28.
3. ГАКК. Ф. П-19. Оп. 1. Д. 179.
4. Там же. Д. 181.
5. Там же. Д. 200.
6. Там же. Д. 199.
7. Там же. Д. 136.
8. Там же. Д. 137.
9. Там же. Д. 220.
10. ГАКК. Ф. Р-25 «Волостные революционные комитеты Камчатской губернии». Оп. 1. Д. 3.
11. Там же. Оп. 8. Д. 4.
12. Там же. Ф. Р-30 «Камчатский окружной революционный комитет». Оп. 1. Д. 7.
13. Там же. Ф. Р-30. Оп. 1. Д. 4.
14. Там же. Д. 9.
15. Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 03.08.1922 «О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли, и порядке надзора за ними» [Электронный ресурс] // Некоммерческая Интернет-версия «КонсультантПлюс» — URL: <https://www.lawmix.ru/sssр/17820/>.

А. С. Сесицкая

Как Камчатка прирастала городами

Большинство современных городов в нашей стране появилось в советский период. Их рост обеспечивался, прежде всего, индустриализацией страны — на ограниченных территориях происходило

сосредоточение производств, людей, социальной инфраструктуры. К концу 1930-х гг. большинство городов превратилось в «инструменты» обслуживания крупных предприятий. Кроме того, города были необходимы государству как «административный и экономический каркас общества», который обеспечивал развитие всей системы размещения населения и упорядочение территориальной структуры [26. С. 67].

Чётких критериев, которые позволяли населённому пункту стать городом, не было. «Общее положение о городских и сельских поселениях и посёлках», утверждённое постановлением ВЦИК и СНК РСФСР 15 сентября 1924 г., расплывчато указывало на возможность отнесения к категории городских поселений населённых пунктов с количеством взрослого населения не менее одной тысячи человек. При этом ставилось условие, что сельское хозяйство должно являться основным занятием не более чем для 25 % населения. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 12 сентября 1957 г. «О порядке отнесения населённых пунктов к категории городов, рабочих и курортных посёлков» устанавливал, что к категории городов краевого, областного и республиканского подчинения могут быть отнесены пункты с населением свыше 50 тыс. жителей и менее 50 тыс., если они имеют «крупное промышленное и культурно-политическое значение с ближайшей перспективой значительного экономического развития и роста численности населения». К категории городов районного подчинения могли быть отнесены пункты с населением не менее 12 тыс. чел., но при наличии в составе этого населения не менее 85 % рабочих, служащих и членов их семей. При этом принималось во внимание административное значение населённого пункта, перспективы развития его промышленных предприятий, благоустройство, развитость коммунального хозяйства и сети социально-культурных учреждений. Отнесение населённых пунктов к категории городов производилось Президиумом Верховного Совета РСФСР по ходатайствам краевых и областных Советов депутатов трудящихся.

История появления городов на Камчатке начинается в конце XVIII в. Первым городом (уездным) стал Нижнекамчатск. Нижнекамчатский острог был базой Первой Камчатской экспедиции под руководством Витуса Беринга и являлся одним из самых крупных и населённых острогов на полуострове (в 1795 г. в нём жили 179 чел.). Основанием для этого послужил указ императрицы Екатерины II от 2 марта 1793 г. «О составлении Иркутской губернии из четырёх областей». В соответствии с ним в Иркутскую губер-

нию вошли четыре области: Иркутская, Нерчинская, Якутская и Охотская и 17 уездов — в том числе Нижнекамчатский, а «селения в оных уездах, кои к тому способные окажутся», было велено «переименовать городами» [20. С. 873].

Герб Нижнекамчатска был утверждён указом императрицы Екатерины II «О гербах городов Иркутского наместничества» от 26 октября 1790 г. В верхней части был помещён герб Иркутска: «в серебряном поле щита бегущий бабр (тигр. — А. С.), а в роту у него соболь», а в нижней — «в голубом поле кит, в знак того, что у сего города в океане много их находится» [21. С. 174].

Но 11 августа 1803 г. было утверждено «Положение об устройстве областного правления в Камчатке и предварительного управления в Охотске с общими по обоим сим частям распоряжениям». В соответствии с ним местом пребывания «для комманданта камчатского и для областного правления» назначался Верхнекамчатск [22. С. 823].

Постепенно центр экономической и политической жизни полуострова смещался в Петропавловский порт. 9 апреля 1812 г. утверждено новое «Положение о преобразовании в Камчатке воинской и гражданской части, также об улучшении состояния тамошних жителей и вообще тамошнего края», по которому управление Камчаткой поручалось особому начальнику. Местом пребывания начальника Камчатки теперь назначалась Петропавловская гавань. Сюда переводилась часть жителей из Верхнекамчатска и Нижнекамчатска [1. С. 457].

В XIX в. уездный город находился в упадке. Исследователь Карл фон Дитмар так описывал его в 1852 г.: «Нижнекамчатск, некогда главный город Камчатки, очень живописно расположен на берегу реки Камчатки, вплотную у воды. Здесь сохранилась ещё старая церковь со старинными образами, оставшимися от давно прошедшего лучшего времени. Теперь Нижнекамчатск совершенно утратил своё значение и уступает даже Ключам и Милковой, а ещё более, конечно, Петропавловску. Двадцать домов, составляющих поселение и окружённых огородами, разбросаны довольно неправильно. Старые укрепления и ворота давно исчезли, торговли более нет, нет более прежнего достатка» [4. С. 138].

Вплоть до 1968 г. единственным городом на Камчатке оставался Петропавловск. Он ведёт свою историю с 1740 г. — с постройки штурманом Иваном Елагиным жилых строений и складов на берегу Авачинской губы для Второй Камчатской экспедиции. В рапорте в Сенат от 22 апреля 1741 г. В. Беринг сообщал:

«А вышеречённая гавань к отстою в зимнее время морских судов весьма способна, и для того и прибыли во оную гавань в двух пакетботах со всею командою тогож 740 году октября 6 дня благополучно, где и зимовали. И оная гавань названа нами святых апостол Петра и Павла» [24. С. 37]. Эта дата — 17 октября по новому стилю считается днём рождения Петропавловска. Необходимо отметить, что, наряду с названием «Гавань Святых апостолов Петра и Павла», использовались также варианты «Санкт-Петропавловская гавань» и «Гавань Петропавловская» [1. С. 451].

Петропавловск рос медленно. Весной 1779 г. в Авачинскую губу вошли первые иностранные суда — корабли Третьей кругосветной экспедиции английского мореплавателя Дж. Кука. Они встретили здесь десятка полтора солдат с сержантом во главе и «селение», состоявшее «из пяти или шести русских бревенчатых домов, примерно пятнадцати балаганов и трёх или четырёх юрт» [5. С. 4]. Участник экспедиции Ж. Ф. Лаперуза, побывавшей в Петропавловске в 1787 г., Жан-Батист-Бертелеми де Лессепс оставил такое его описание: жилищ в селении от тридцати до сорока, жителей не более ста, на косе — деревенька Петропавловска, на перешейке — небольшой порт [2. С. 13]. Именно появление иностранных экспедиций в Авачинской губе насторожило русское правительство. Сразу же после английской экспедиции численно увеличили гарнизон, а после французской — привели Петропавловский порт в оборонительное положение. К 1796 г. в порту было уже шесть батарей [5. С. 4].

Настоящим военным форпостом Камчатка стала при императоре Павле I. В 1798 г. на Камчатку был переведён гарнизонный однобатальонный полк полковника А. А. Сомова. В Петропавловске была размещена рота численностью 101 чел., что существенно увеличило население города [2. С. 15]. Однако по своему виду он по-прежнему оставался лишь небольшим селом. Скорость роста любого города тесно связана с интенсивностью внешних связей, обмена людьми, грузами, сведениями. Петропавловск же стоял в стороне от главной дороги купцов и промышленников, проходившей тогда через Охотск — Большерецк — Нижнекамчатск — Алеутские острова — Аляску. Даже деятельность Российско-Американской компании «не находила интереса в Петропавловском порту» [3. С. 6].

В 1812 г. Петропавловский порт стал административным центром управления Камчатской областью. Серьёзные шаги по строительству города были сделаны капитаном 1-го ранга П. И. Рикордом, занимавшим должность начальника Камчатки с 1817 по 1822 г.

Он осуществил первую отсыпку части берега Петропавловской гавани, реконструировал причал, построил новое здание госпиталя, казармы, открыл ремесленную школу. При нём были образованы первые городские улицы, разбит парк, для сходов и праздников перед Петропавловским собором разбита площадь [19. С. 157].

В статусе города Петропавловск-Камчатский был утверждён 22 июня 1822 г. В этот день император Александр I подписал «Учреждение для управления Сибирских губерний». В нём содержалось «Росписание городов по их разрядам». Разряды были следующие: «Города многолюдные», «Города средние», «Города малолюдные». Петропавловский порт и ещё шесть городов Якутской области и Охотского приморского управления вошли в разряд малолюдных городов, но с примечанием: «Семь последних мест не составляют городов даже и малолюдных, но причисляются к оним по местопребыванию окружного управления» [23. С. 393].

Своё современное название — «Петропавловск-Камчатский» — город получил 18 февраля 1924 г. в соответствии с постановлением Президиума ВЦИК [25. Л. 18]. В 1930—1940-х гг. Петропавловск быстро рос. В первую очередь это было связано с ускоренным развитием рыбной промышленности и деятельностью Акционерного Камчатского общества (АКО), являвшегося важным инструментом хозяйственного освоения полуострова. Многоплановая деятельность АКО охватывала не только рыбную промышленность, но и сельское хозяйство, строительство, лесную и горнорудную промышленность. Стали появляться первые промышленные предприятия, улучшаться культурно-бытовые условия. Если накануне революции 1917 г. в Петропавловске проживало чуть больше тысячи человек, то в 1939 г. — уже 35 тыс. [27. С. 34]. Поступательное развитие города продолжалось весь советский период истории. К концу 1980-х гг. численность населения Петропавловска-Камчатского достигла своего исторического максимума и составила почти 273 тыс. чел. [16. Л. 1].

Быстрое хозяйственное освоение Камчатки в 1930—1950-х гг. привело к появлению крупных населённых пунктов, начинавших получать статус рабочих посёлков. Это означало, что 85 % их населения не было занято в сельском хозяйстве, а численность жителей превышала 3 тыс. В дальнейшем рабочие посёлки стремились получить административный статус города, потому что он был важнейшим фактором притяжения населения и различных ресурсов.

В 1954 г. Усть-Большеречский райисполком предпринял попытку добиться статуса города районного подчинения для рабочего

посёлка имени Микояна. В то время в посёлке проживало 5,5 тыс. чел., большинство из них работали на заводах рыбокомбината имени Микояна (впоследствии он был переименован в Октябрьский комбинат). В посёлке работали портовый пункт, кирпичный завод, моторно-рыболовная станция, сельскохозяйственная ферма, строительно-монтажное управление, торговая база, рыбооп. Социальную инфраструктуру обеспечивали народный суд, отделение милиции, больница, пять фельдшерских пунктов, фабрично-заводское училище, одна средняя, две семилетних и четыре начальные школы, клуб, библиотека и гостиница. Предполагалось, что новый город будет называться Микояновском [7. Л. 63].

Мог ли появиться на карте Камчатки такой маленький город? Вполне. В 1939 г. в СССР было 70 городов с числом жителей менее 3 тыс. и 104 — с населением от 5 до 10 тыс. В 1959 г. таких городов стало больше — 91 и 115 соответственно [27. С. 34]. Однако Камчатский облисполком оставил обращение Усть-Большерецкого райисполкома без внимания.

Усть-Камчатский райисполком был настойчивее: дважды — в 1955 г. и в 1957 г. им направлялись документы о преобразовании рабочего посёлка Ключи в город районного подчинения.

В 1955 г. Камчатский облисполком поддержал ходатайство Усть-Камчатского райисполкома. 2 июля 1955 г. облисполком принял решение № 214 «О преобразовании рабочего посёлка Ключи Усть-Камчатского района в город районного подчинения» и подготовлены документы, выделившие в отдельное «Дело о преобразовании рабочего посёлка Ключи Усть-Камчатского района Камчатской области Хабаровского края в город районного подчинения» [7. Л. 88—117]. В объяснительной записке к решению облисполкома отмечалось, что «рабочий посёлок Ключи превратился в крупнейший населённый пункт Камчатской области, с населением до 9 тыс. чел., с наличием на его территории государственных промышленных предприятий, имеющих большой удельный вес в валовом выпуске промышленной продукции области...» Наиболее крупными промышленными предприятиями в Ключах в то время были деревообрабатывающий комбинат, судостроительная верфь, сплавная контора объединения «Камчатлес», Ключевской промкомбинат [7. Л. 90—93].

В дальнейшем эти документы должны были отправиться в Хабаровский крайисполком, а затем — в Президиум Верховного Совета РСФСР. Вероятно, одна из этих инстанций ответила отказом. Сведений об этом в документах не сохранилось. Остаётся лишь факт — в 1955 г. рабочий посёлок Ключи городом не стал.

А в 1957 г., несмотря на то, что численность посёлка составляла уже почти 17 тыс. чел., Камчатский облисполком решением № 38 от 31 января 1958 г. отказал Усть-Камчатскому райисполкому «ввиду недостаточного контингента населения», ссылаясь на указ 1957 г. [8. Л. 160].

Только через двадцать лет, 3 декабря 1979 г. указом Президиума Верховного Совета РСФСР рабочий посёлок Ключи был преобразован в город районного подчинения [12. Л. 76]. В связи с этим 4 января 1980 г. состоялась «первая историческая» сессия Ключевского городского Совета народных депутатов [17. Л. 1а].

Председатель Усть-Камчатского райисполкома Борис Петрович Синченко (с 1991 по 2000 г. — вице-губернатор Камчатской области), присутствовавший на заседании, выразил надежду, «что депутаты вновь образованного городского Совета приложат все силы, старание и умения, чтобы превратить наш город в город образцового порядка» [17. Л. 8]. Закрытие промышленных предприятий и резкий отток населения с Камчатки в 1990-е гг. привели к тому, что 15 апреля 2004 г. Совет народных депутатов Камчатской области принял закон, в соответствии с которым город Ключи утратил свой статус и был преобразован в посёлок. Не исключено, что одной из причин этого было и то, что сельские поселения стали получать большее количество льгот, чем городские [18. Л. 13].

11 декабря 1964 г. решением Камчатского облисполкома № 623 село Елизово стало рабочим посёлком [9. Л. 60—69]. Это в перспективе давало ему возможность претендовать на статус города. Самые первые шаги в этом направлении были предприняты руководством района уже через три года — в 1967 г.

19 октября 1967 г. Елизовский райисполком принял решение № 468 «О преобразовании рабочего посёлка Елизово Елизовского района в город областного подчинения» [10. Л. 141—143]. Решение райисполкома поддерживали не только советские, но и партийные органы — 12 июля 1968 г. Камчатский облисполком и Камчатский обком КПСС приняли совместное постановление № 450/20 «О преобразовании рабочего посёлка Елизово Елизовского района в город областного подчинения с сельской территорией». В документе подчеркивалось, что Елизово является административным и культурным центром района, одним из самых крупных населённых пунктов в Камчатской области и имеет большие перспективы дальнейшего промышленного развития. Численность населения указали в границах Елизово и ближайших населённых пунктов — Заречно-го, Краснореченска и Садового (они должны были стать частью

будущего города) — 14,7 тыс. чел. Число жителей самого Елизово тогда составляло всего 5,5 тыс. [10. Л. 70—74].

Это постановление сопровождалось подробной объяснительной запиской, содержавшей сведения о транспортной инфраструктуре, здесь перечислены все промышленные предприятия, социально-культурные и бытовые учреждения. Действительно, в то время здесь действовали несколько крупных предприятий области — трест «Камчатсельстрой», дорожно-строительное управление, Елизовский госпромхоз, Елизовский рыбокооп, областной радиоцентр, Петропавловский аэропорт, геофизическая экспедиция, Южно-Камчатская геологическая экспедиция. Была своя пекарня, типография, выпускалась районная газета «Ленинское знамя», работали пять школ, 10 детских садов, три профтехучилища, две больницы и поликлиника, спортивная и музыкальная школы, несколько библиотек и клубов, два комбината бытового обслуживания [10. Л. 76—81].

Особо подчёркивалось, что в 1970 г. население посёлков должно вырасти до 18—20 тыс. чел., а в эксплуатацию будет введено ещё 30 новых предприятий и учреждений, «которые превратят Елизово в крупный центр хозяйственного и политического значения». Прилагалось также описание черты проектируемого города, проект штатного расписания для будущего горисполкома (с новыми отделами и управлениями) и расчёт количества депутатов нового городского Совета. Объёмный пакет документов, в которых, как мы видим, предусмотрели практически всё, был направлен в Москву — окончательно решение должен был принять Президиум Верховного Совета РСФСР [10. Л. 70—74].

Видимо, ни советским, ни партийным органам области не было известно о том (по крайней мере, никаких упоминаний об этом в документах не встречается), что подобная работа проводилась камчатскими военными. Но только в отношении других посёлков — Рыбачьего (рабочий посёлок с 1958 г.) и Приморского (рабочий посёлок с 1964 г.). По данным Камчатского облстата, на 1 января 1968 г. в них проживало 11,1 тыс. чел. — немного для будущего города. Но, скорее всего, более весомым аргументом здесь была эскадра подводных лодок, размещавшаяся в бухте Крашенинникова, а также сопутствующая инфраструктура [15. Л. 36].

Была ещё одна причина. Получение статуса города сулило дополнительные денежные вливания на строительство жилого фонда и учреждений социально-культурного и бытового назначения. В этом отношении Елизово в 1968 г. выглядело гораздо более благополучно, чем Рыбачий и Приморский. В 1982 г. председатель Пет-

ропавловского-50 (Вилучинского) городского Совета Г. М. Шитов в докладной записке Камчатскому обкому КПСС об итогах развития Вилучинска к его 15-летию отмечал: «Создание города было вызвано необходимостью возложить на городской Совет народных депутатов руководство хозяйственным и социально-культурным строительством города, *обеспечить нормальные условия для военнослужащих, членов их семей, рабочих и служащих 49-го завода...* На строительство города с момента его создания направлено только по линии местных Советов 38,7 млн руб. и по линии военного ведомства — 282 млн руб. Введены в эксплуатацию хлебозавод, мясомолочный комбинат... Построены комбинат бытового обслуживания, Дворец культуры на 800 мест, Дом офицеров флота, детские сады... Строится больничный комплекс, поликлиника на 250 посещений, здание административных органов» [6. Л. 12].

16 октября 1968 г. указом Президиума Верховного Совета РСФСР рабочие посёлки Приморский и Рыбачий были объединены в закрытый город областного подчинения Вилучинск [13. Л. 248]. Понятно, что сразу двух городов в один год появиться не могло — слишком большой оказалась бы нагрузка для бюджета области.

Мы не знаем, насколько неожиданным этот документ был для руководителей Камчатского обкома КПСС и облисполкома. Скорее всего, что нет. Уже через четыре дня после подписания указа — 22 октября 1968 г., в Камчатский облисполком из Президиума Верховного Совета РСФСР вернулись материалы по вопросу преобразования рабочего посёлка Елизово в город областного подчинения. На сопроводительном письме к возвращённым документам сохранилась резолюция председателя облисполкома Георгия Митрофановича Ведева: «До лучших времён» [10. Л. 68]. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР о преобразовании рабочего посёлка Елизово в город областного подчинения был подписан через семь лет — 21 февраля 1975 г. [11. Л. 2].

Необходимо отметить, что из-за статуса закрытого города большую часть своей истории Вилучинск был известен жителям Камчатки как Петропавловск-Камчатский-50. Первым вариантом названия был «Петропавловск-Камчатский-2». Однако 4 марта 1969 г. начальник Камчатского областного управления Министерства связи М. Пряхин сообщал в письме председателю Камчатского облисполкома Г. М. Ведеву: «При наименовании закрытого города “Петропавловск-Камчатский-2” не было учтено, что в городе Петропавловске более двадцати лет существует 2-е городское отделение связи и все почтовые отправления с материка поступают в отделение

связи с адресом “Петропавловск-Камчатский-2”. Во избежание путаницы в адресовании почтовых отправок считаю целесообразным присвоить наименование закрытому городу “Петропавловск-Камчатский-50”» [14. Л. 62].

Вопрос решили довольно быстро. Уже 10 марта 1969 г., после консультаций с Министерством связи, на суженном заседании Камчатского облисполкома было принято решение о наименовании закрытого города и рабочего посёлка Вулканный. Как сказано в решении, «в целях сохранения в тайне наименований закрытого города и посёлка впредь именовать город Вилучинск городом Петропавловск-Камчатский-50, а рабочий посёлок Вулканный — рабочим посёлком Петропавловск-Камчатский-35». Областному управлению связи этим решением было поручено «обеспечить городской узел связи Петропавловска-Камчатского-50, а также отделения связи этого города печатями с наименованием “Петропавловск-Камчатский-51, 52, 53, 54” и исключить из списков отделения с наименованием “Приморский”, “Приморский-1”, “Рыбачий”, “Рыбачий-1”» [13. Л. 88].

В целом, в советский период истории удельный вес городского населения неуклонно повышался. Однако скорости роста городов и их судьбы были разными. Одни, возникнув, так и остались малочисленными городскими поселениями или вовсе со временем утратили свой статус. Другие за какие-нибудь несколько десятилетий с момента появления или приобретения статуса города вырастали в крупные и крупнейшие городские поселения с числом жителей свыше 500 тыс. чел. Камчатские города не превратились ни в крупные, ни в крупнейшие. Несмотря на активное хозяйственное освоение северных и восточных окраин страны, их жизненные условия были существенно хуже. Помимо природно-климатических, существенно отличались и социально-экономические условия, связанные с удалённостью от развитых промышленных регионов и основных сельскохозяйственных центров, что не способствовало устойчивому высокому притоку населения на эти территории.

Источники

1. Витер И. В. Петропавловская гавань — Петропавловский порт — Петропавловск-на-Камчатке // Вопросы истории Камчатки. Вып. 6. — Петропавловск-Камчатский, 2012. — 672 с.

2. Витер И. В. Хроника строительства города Петропавловска (1740—1923). — Петропавловск-Камчатский, 1997. — 111 с.

3. Витер И. В., Смышляев А. А. Город над Авачинской бухтой. История города Петропавловска-Камчатского. — Петропавловск-Камчатский, 2011. — 316 с.

4. Дитмар К. Поездки и пребывание в Камчатке в 1851—1855 гг. Ч. 1. Исторический отчёт по путевым дневникам. — Петропавловск-Камчатский, 2009. — 566 с.

5. Захарова Н. Так начинался Петропавловск // Камчатская правда. — 1990. — 17 окт., № 239.

6. КГКУ ГАКК. Ф. П-2. Оп. 72. Д. 142.

7. Там же. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 360.

8. Там же. Д. 405.

9. Там же. Д. 752.

10. Там же. Д. 1068.

11. Там же. Ф. Р-88. Оп. 4. Д. 882.

12. Там же. Д. 1953.

13. Там же. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 74.

14. Там же. Д. 75.

15. Там же. Ф. Р-169. Оп. 1. Д. 1652.

16. Там же. Оп. 2. Д. 84.

17. Там же. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 214.

18. Там же. Ф. Р-900. Оп. 1. Д. 658.

19. Курохтина Н. И. Камчатка: от открытия до наших дней: популярный ист.-краевед. справ. — Петропавловск-Камчатский, 2008. — 240 с.

20. Полное собрание законов Российской Империи [Собрание 1-е. С 1649 по 12 декабря 1825 г.]. Т. XXI. — СПб., 1830. — 1083 с.

21. Там же. [Собрание 1-е. С 1649 по 12 декабря 1825 г.]. Т. XXIII. — СПб., 1830. — 969 с.

22. Там же. [Собрание 1-е. С 1649 по 12 декабря 1825 г.]. Т. XXVII. — СПб., 1830. — 1122 с.

23. Там же. [Собрание 1-е. С 1649 по 12 декабря 1825 г.]. Т. XXXVIII. — СПб., 1830. — 1354 с.

24. Рапорт В. Беринга в Сенат 22 апреля 1741 г. // Петропавловск-Камчатский: История города в документах и воспоминаниях (1740—1990). — Петропавловск-Камчатский, 1994. — 502 с.

25. РГИА ДВ. Ф. Р-2422. Оп. 1. Д. 1002.

26. Сенявский А. С. Российский город в 1960-е — 80-е годы. — М.: Институт российской истории РАН, 1995. — 263 с.

27. Уровень образования, национальный состав, возрастная структура и размещение населения СССР по республикам, краям и областям по данным Всесоюзной переписи населения 1959 г. — М.: Госстатиздат ЦСУ СССР, 1960. — 37 с.

Усть-Большерецк

13 октября 1954 года

РЕШЕНИЕ -№-223

"О преобразовании рабочего поселка
им. Микояна в город районного
подчинения".

Рассмотрев ходатайство исполкома Микояновского поселкового
районного совета депутатов трудящихся от 1 июня 1954 года, а также в связи
расширением производственных, культурных, социально-бытовых
устройств и увеличением населения, исполком районного Совета депу-
татов трудящихся Р Е Ш И Л:

1. Поддержать ходатайство исполкома Микояновского поселкового
районного совета депутатов трудящихся о преобразовании рабочего поселка им.
Микояна в город районного подчинения.

2. Просить исполком Камчатского областного Совета депутатов
трудящихся войти с ходатайством в Президиум Верховного Совета РСФСР:

а/ об утверждении рабочего поселка имени Микояна, Усть-Большерец-
кого района в город районного подчинения, с наименованием -
"Микояновск".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ИСПОЛКОМА
РАЙОННОГО СОВЕТА ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ

СЕКРЕТАРЬ ИСПОЛКОМА
РАЙОННОГО СОВЕТА ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ

/А. МАРТИНОВ/

Решение Усть-Большерецкого райисполкома о преобразовании рабочего
посёлка имени Микояна в город районного подчинения, 13 октября 1954 г.
(ГАКК. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 360. Л. 78)

едателю исполкома Камчатского областного Совета
атов трудящихся т.ВЕДЕВУ Г.М.

248

Вход. № 557сс
« 21 » октября 1968 г.
Спецотдел Камчатского
облисполкома



Сов. секретно

У К А З

ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР

D-1a

О преобразовании рабочих поселков
Приморский и Рыбачий Камчатской
области в закрытый город областного
подчинения

Преобразовать рабочие поселки Приморский и Рыбачий
Камчатской области в закрытый город областного подчинения,
присвоив ему наименование город Вилучинск.

Возложить руководство деятельностью исполнительного
комитета Вилучинского городского Совета депутатов трудящихся
непосредственно на председателя исполнительного комитета
Камчатского областного Совета депутатов трудящихся.



Председатель Президиума
Верховного Совета РСФСР

М. ЯСНОВ

Секретарь Президиума
Верховного Совета РСФСР

Х. ИШКОВ

Москва, 16 октября 1968 года

д. № 33с

Получено и исполнено 16.10.68

Д-4-692 стр. 1 в 2

Д-4-692 стр. 1 в 2

Предето решение в 200с

от 10.03.69 Д-467.88

Трацию порога сс. выкопирован
с попокарта М 1:50000, нац. им. 128.

Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 16 октября 1968 г.
(ГАКК. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 74. Л. 248)



ВХОДЯЩИЙ № 04-001
22. 15 1968 г.
Общий отдел Камчатского
облисполкома

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР
ОТДЕЛ ПО ВОПРОСАМ РАБОТЫ СОВЕТОВ

18/х 1968 г.

Председателю исполкома Камчатского областного
Совета депутатов трудящихся

тов. ВЕДЕВУ Г.М.

Согласно договоренности возвращаем Вам материал по вопросу преобразования рабочего поселка Елизово в город областного подчинения.

Приложение: упомянутое на 17 листах и
схематическая карта.

Заведующий Отделом

(Н. Старовойтов)

Сообщение Президиума Верховного Совета РСФСР от 18 октября 1968 г.
(ГАКК. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 1068. Л. 68)

СССР
МИНИСТЕРСТВО СВЯЗИ
КАМЧАТСКОЕ
областное управление

№ 0134.

4 марта 1969 г.
г. Петропавловск-Камчатский,
ул. Советская, 30.
Тел. 22-85.

Секретно, экз. № 1

Вход. № 155сб2
6 марта 1969
Спецотдел Камчатского
облисполкома

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ОБЛАСТНОГО СОВЕТА
ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ -

тов. ВЕДЕВУ Г.М.

З д е с ь

При наименовании закрытого города Петропавловск-Камчатский-2 не было учтено, что в городе Петропавловске более 20 лет существует 2-ое городское отделение связи и все почтовые отправления с материка поступают в отделение связи с адресом Петропавловск-Камчатский-2.

Во избежание путаницы в адресовании почтовых отлений, считаю целесообразным присвоить наименование закрытому городу Петропавловск-Камчатский - 50.

НАЧАЛЬНИК КАМЧАТСКОГО ОБЛАСТНОГО
УПРАВЛЕНИЯ МИНИСТЕРСТВА СВЯЗИ:-

(М. ПЯХИН)

Обращение Камчатского областного отделения Минсвязи СССР
от 4 марта 1969 г. (ГАКК. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 75. Л. 62)

КАМЧАТСКИЙ ОБЛАСТНОЙ СОВЕТ

№ 24/04-10-82
Всего 24
24.02
УКАЗ



ВХОДЯЩИЙ № 96/04-10-82
24.02 1975 г.
Общий для Камчатского
С.Л.С.Л.О.С.Л.

ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР

О преобразовании рабочего поселка
Елизово Елизовского района Камчатской
области в город областного подчинения

Преобразовать рабочий поселок Елизово Елизовского района Камчатской области в город областного подчинения, сохранив за городом прежнее наименование.

Преобразовать Елизовский районный Совет депутатов трудящихся в Елизовский городской Совет депутатов трудящихся.

Возложить на Елизовский городской Совет депутатов трудящихся и его исполнительный комитет решение на территории Елизовского района всех вопросов, входящих в компетенцию районного Совета депутатов трудящихся и его исполнительного комитета.

Подчинить сельские Советы депутатов трудящихся Елизовского района Елизовскому городскому Совету депутатов трудящихся.



Председатель Президиума
Верховного Совета РСФСР М.ЯСНОВ

Секретарь Президиума
Верховного Совета РСФСР Х.НЕШКОВ

Москва, 21 февраля 1975 года

д. № 5-86

Пр. рш. 28.02.75.

Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 21 февраля 1975 г.
(ТАКЖ. Ф. Р- 88. Оп. 4. Д. 882. Л. 2)

ОБЛИСПОЛКОМ

ВХОДЯЩИЙ №

04 " 12 1979 г.

Секретариат для Камчатского
облисполкома



УКАЗ

ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР

О преобразовании рабочего поселка
Ключи Усть-Камчатского района
Камчатской области в город район-
ного подчинения

Преобразовать рабочий поселок Ключи Усть-Камчатского района
Камчатской области в город районного подчинения, сохранив за городом
прежнее наименование.



Председатель Президиума
Верховного Совета РСФСР

М.ЯСНОВ

Секретарь Президиума
Верховного Совета РСФСР

Х.НЕШКОВ

осква, 3 декабря 1979 года

д. № 5-91/1

Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 3 декабря 1979 г.
(ГАКК. Ф. Р- 88. Оп. 4. Д. 1953. Л. 76)

ПЕРСОНАЛИИ

Н. М. Ардасенов

Воспоминания о службе на Камчатке
(записаны в 2001 г.)

...В мае 1938 г. меня перевели из Астрахани в Сталинград на должность политрука роты 93-го стрелкового полка 31-й стрелковой дивизии. Год службы в Сталинграде ничем примечательным не был, если не считать то, что я осваивал основы политико-воспитательной работы. Не кривя душой, скажу, что мне такая работа не нравилась. Молодость, романтика звали в дальние края. Моя просьба была удовлетворена. В апреле 1939 г. я был назначен на должность политрука роты 233-го отдельного строительного батальона (Усть-Большерецк — Петропавловск-Камчатский) Дальневосточного фронта, где проходил службу до начала 1945 г. в должности командира сапёрной роты 373-го стрелкового полка, затем помощника начальника штаба того же полка. На этой должности я только числился, а фактически выполнял специальное задание по оборонительным работам (1942—1945 гг.) в неосвоенном в военном отношении суровом крае — на Камчатке, ставшей для меня полевой академией. Здесь я смог применить на практике знания, полученные в инженерном училище.

Во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. обстановка на Камчатке временами была тревожной. Эхо войны доходило и до берегов Тихого океана, где положение складывалось в зависимости от обстановки на фронтах войны на Западе. В начале войны на Камчатке был создан Камчатский оборонительный район. Все воинские части заняли свои боевые участки, приступив к их инженерному оборудованию. В ходе выполнения этих работ перед частями возникали неординарные трудности. Дело в том, что инженерные работы приходилось выполнять в слабых торфяно-вулканических почвах, вулканическом пепле, на зыбкой моховой тундре, в кедровом стланике, в условиях тайги, множества рек и озёр, так называемых сухих рек, а часто и в мёрзлых грунтах с глубоким снежным покровом, при лютых морозах, пургах и полном бездорожье.

В руслах сухих рек, где когда-то прошла кипящая лава, нет ни единого живого куста, ни одной травинки. Застывшие потоки

вулканической лавы, усеянные огромными валунами да обугленными стволами деревьев, создавали непредвиденные трудности. Иногда бывали случаи, когда расположение воинских частей засыпало вулканическим пеплом и тогда приходилось поспешно менять их дислокацию.

В таких неординарных условиях вполне закономерно возрастали объёмы инженерных работ, менялись и методы их выполнения. Инженерные работы приобретали приоритетный характер, а сапёр стал цениться, как говорят, «на вес золота». Командиры подразделений часто просили подкрепить их сапёрами-инструкторами. С этой целью в нашем полку были созданы краткосрочные курсы по их подготовке.

Будучи командиром сапёрной роты, я участвовал в строительстве дорог и мостов, выполнял минно-взрывные работы, организовывал переправу подразделений через водные преграды. Весной 1940 г. впервые в истории Камчатки наша воинская часть совершила труднейший переход из Усть-Большерецка в Елизово. Во время этого перехода моя сапёрная рота прокладывала путь через глубокий снежный покров, обеспечивала форсирование вырвавшихся из ледового плена разлившихся рек. Наблюдавшие работу сапёров местные жители восхищались чёткими и бесстрашными, подчас опасными для жизни действиями солдат.

Успешно завершив переход из Усть-Большерецка, наша часть с хода приступила к строительству первого на камчатской земле военного аэродрома в районе селения Елизово (теперь — город). Это было время, когда чувствовалась близость войны. Вскоре она началась. Надо было видеть, с каким энтузиазмом работали солдаты, выполняя по две нормы в таёжных условиях. Все понимали, что наша страна ведёт справедливую освободительную войну против коварнейшего врага, и делали всё возможное во имя победы. Как только была готова взлётно-посадочная полоса, в воздухе появились наши истребители, благополучно совершив посадку на гладкий бетон. Из головного самолёта вышел комдив полковник Хлебников.

Радость людей и рокот моторов слились воедино. Солдаты кричали, прыгали, махали шапками, обнимали друг друга. Комдив решил нам подойти к самолётам. Молчаливым свидетелем этого радостного события был слегка дымящийся Авачинский вулкан.

Известно, что японцы вынашивали недобрые планы относительно Камчатки. В ответ на это все концессионные японские заводы на западном побережье полуострова были выдворены в 24 часа.

На командно-штабных учениях, проводимых нашим командованием, отрабатывались различные варианты отражения действий вероятного противника. Принимались и практические меры. Так, например, командование Дальневосточного фронта решило укрепить один из вероятных районов высадки морского десанта японцев — от Петропавловска до Нальчево. Здесь ровная береговая полоса, омываемая водами Кроноцкого залива, тянулась в северо-восточном направлении. На этом ровном и открытом участке и было решено воздвигнуть долговременные фортификационные сооружения. С этой целью в 1942 г. было сформировано специальное сводное подразделение, командование которым было поручено мне.

Летом 1942 г. подразделение прибыло в район Нальчево и приступило к работе. Условия потребовали создания нескольких самостоятельных команд: подрывников, землеройных работ, по заготовке камня взрывным способом, по заготовке и транспортировке лесоматериалов, маховых пильщиков, кузнецов, охотников и рыбаков.

Команды строились по принципу взаимозаменяемости, во всех были опытные специалисты. Каждый из них умел подковать, если не блоху, то коня — обязательно, сколотить сани, отремонтировать сбрую, валенки, приготовить пищу на снегу. А главное — работали один за двоих. Конечно, возникали серьёзные трудности, но они преодолевались общими усилиями дружного солдатского коллектива. Когда закончились гвозди и поковки, солдат Коновалов смастерил станок для изготовления гвоздей из валявшихся на берегу кусков стальных тросов. Солдат Корбут оборудовал кузницу.

Неприятности причиняли как мёрзлые, так и сыпучие грунты. Первые разрабатывали с помощью взрывчатки, вторые — укрепляли так называемой каменной берёзой, расколотой пополам. Были и другие трудности. Когда шквальный ветер срывал солдатские палатки, приходилось зарываться в землю. Тот же ветер нет-нет да и преподносил прямо к берегу подарок — блуждающую морскую мину. Лейтенант Барышкин, изучив хитрости опасных пришельцев, ловко обезвреживал их. Временами земляные работы приходилось выполнять в воде в резиновых сапогах. В 1943 г. в Петропавловск резко сократился завоз продуктов. Недоедание стало угрозой для здоровья солдат. Тогда из местных потомственных рыбаков и охотников были созданы особые команды. В солдатский котёл пошли рыба, медвежатина, дикая птица. Поднялось и настроение людей, а на берегу моря появились мощные по тем

временам блокгаузы, дзоты и другие фортификационные сооружения, о которые разбивались морские волны.

Сапёры отлично знали своё дело. Знали и то, что сапёр «ошибается один раз в жизни». Но, слава богу, таких ошибок не было. Было высокое мастерство, монолитное моральное состояние. По хватке это были львы, по находчивости и смекалке — Тёркины Твардовского. Когда лесопильная рама вышла из строя, «солдаты-камчадалы», как мы их называли шутя, принесли из дому маховые пилы. И тогда двенадцать пар пильщиков стали на козлы и давали обрезные доски. С поразительной стойкостью и мужеством солдаты переносили любые трудности, но переживали, когда не было махорки.

Каждый понимал, что от его труда в какой-то степени зависит победа над врагом. Каждый был готов тут же взять винтовку и ринуться туда, где решалась судьба нашей Родины. Но в этом нам было отказано. У меня была ещё одна возможность попасть на фронт — проводить больную жену с двумя малыми детьми хотя бы до Владивостока. И в этом также было отказано. Спасибо моему младшему брату, который в 1944 г. приехал из Владикавказа и вывез мою семью из Петропавловска.

Потеряв надежду на выезд в действующую армию, я письменно обратился к начальнику инженерных войск М. П. Воробьёву с просьбой — разрешить мне выехать на фронт. С надеждой ожидал положительного ответа.

Между тем война продолжалась, порождая на Камчатке новые сложности: нужно было сооружать командные пункты, солдатские казармы, дома для офицеров, штабы, склады, протягивать свет. Душой этих дел был командир полка полковник Винокуров, человек неукротимой энергии и воли. В его голове всегда зрела идея, которая не давала ему покоя. Задумал он зажечь «лампочку Ильича» в солдатской землянке и зажег её. Небольшая речонка рассекала территорию нашей части. Саперы построили на ней деревоземляную плотину со шлюзом. Плотники поставили большое мельничное колесо, приводившееся в движение укрощённой речкой. К валу колеса пристроили динамо-машину. Когда в землянках загорелась «лампочка Ильича», Винокуров обнял меня и высказал новую идею — строительство банно-прачечного комбината. Он также был построен.

Мой скромный труд в решении этих жизненно важных вопросов был отмечен медалью «За боевые заслуги» и фотоаппаратом марки «ФЭД».

Осенью 1944 г. меня срочно вызвали в штаб Камчатского оборонительного района. Полковник Шилов, начальник отдела кадров, задал мне несколько тенденциозных вопросов: «Кто у вас в Наркомате обороны? Знаете ли вы маршала инженерных войск Воробьёва?» Убедившись в том, что я не дезертир, полковник показал мне шифровку Воробьёва о моём отзыве в Главное управление инженерных войск Наркомата обороны СССР.

Только в апреле 1945 г. я попал в кабинет Воробьёва. Маршал принял меня тепло и сердечно, рассказал о своей учёбе во Владикавказском реальном училище, которое окончил в 1914 г., назвал фамилии сокурсников. Он вспоминал о Курской слободке, где жил и участвовал в отряде самообороны в 1918 г.

Узнав, что я — непосредственный участник инженерных работ в районе Налычево, Воробьёв проявил большой интерес к ним, интересовался условиями жизни солдат.

По приказу маршала я был зачислен слушателем московской Высшей офицерской инженерно-минной школы.

И в заключение. Камчадалами стали мои старшие сыновья: Валерий (1941 г. р., Усть-Большерецк) и Багратион (1942 г. р., Петропавловск-Камчатский).

В. А. Дергунов

Жизнь, события, люди и книги
(на основе интервью, записанного в 2012 г.
А. А. Смышляевым)

Я родился на берегу Охотского моря в заливе Счастья, названного так великим мореплавателем Г. И. Невельским, в селе Власьево Николаевского района Хабаровского края. Свет увидел в суровом декабре 1932 г. последним, восемнадцатым, ребёнком в семье. До этого у моих родителей, Анны Михайловны и Андрея Михайловича, было шестнадцать дочек и старший сын Илья. Отец очень хотел иметь мальчиков, жизнь была очень трудной и суровой, а в царское время на родившегося в семье сына бесплатно давали десять соток земли. Но родители не дождались прибавления землематюшки, поскольку их семнадцатый ребёнок, сын Илья, родился уже при советской власти в 1924 г., а я — ещё через восемь лет, когда земельной прибавки не давали.

Босоное детство сначала прошло в родном селе, а с 1936 г. — в городе Комсомольске-на-Амуре, в те годы быстро застраивавшемся

и развивавшемся. Родители были разнорабочими судоремонтных мастерских в районе Дземги. Старшие сёстры — Клава и Галя — трудились на предприятиях Комсомольска, брат Илья учился в старших классах, а я воспитывался в основном на улице среди таких же мальчишек.

Первые мои серьёзные приключения случились на Амурской земле где-то в 1937 г., мне ещё и пяти лет не исполнилось. Прыгали с крыши недостроенного дома на кучу мусора, и я угодил на торчащее стекло, насквозь прошившее левую ступню. Потерял сознание, меня принесли домой. Сначала засобирались везти на заводской лошади в больницу, но мама настояла позвать знающую медицину бабу. Та что-то «колдовала» надо мной, поила тёплым молоком, нашептывала какие-то песни, и я на сутки заснул беспробудным сном. К великому удивлению родных и близких, через два-три дня начал подниматься с постели и спустя несколько дней уже снова бегал на улице...

Вот такое было детство на берегах Амура-батюшки, самой великой нашей дальневосточной реки. Здесь тонул, но спасла сестра Галина, здесь на две недели стал заикой за то, что «продал» отцу брата Илью, сказав, что он курит. Тогда брат вывернул наизнанку чёрной шерстью отцовский тулуп, надел его и зарычал на меня из-за угла дома, словно медведь, когда я собирал на грядках огурцы. Испугался не на шутку, ведь мы жили в медвежьих краях, отчего и стал заикаться.

В 1939 г. пошёл в первый класс. Здесь учителя открыли во мне тягу к самодеятельному искусству. Учась во втором классе, стал победителем в лезгинском танце, за что получил первую в жизни премию — кожаные сандалии и горсть конфет «подушечки». Радости моей не было предела: впервые у меня вместо тряпочных «штиблет» появилась настоящая кожаная обувь.

Беззаботное детство оборвалось с началом Великой Отечественной войны. В 1942 г. отец, мама и я отправились во Власьево. У моей самой старшей сестры Нюры, родившейся в 1910 г., осталось на руках восемь дочерей. Её мужа Константина Коваленко призвали в 1941 г. на фронт. В тесноте и в вечной работе наших родителей мы, дети, девчонки и я, их дядя, учились и помогали старшим. Стало полегче, когда в 1943 г. дядя Костя вернулся с фронта после ранения, и я с родителями переехали в город Николаевск-на-Амуре.

Родившийся на берегу Охотского моря, я заболел мечтой о работе в море. В 1944 г. мой отец, Андрей Михайлович, бывший на

Амуре рыбным инспектором, очень простудился и на шестьдесят втором году жизни умер от воспаления лёгких. Мы с мамой остались одни, и нас забрал приехавший из Москвы брат Илья, учившийся в это время в Артиллерийской академии. С тех пор он занимался моим воспитанием, хотя у него в то время была уже своя семья — жена и дочка. До окончания им академии в 1947 г. мы жили в Москве на съёмных квартирах. В 1947 г. брат был отправлен служить на научно-исследовательский артиллерийский полигон, располагавшийся в районе станции Донгузская в Оренбургской области. А меня всё тянуло в море. Мама и брат очень хотели, чтобы я окончил школу-десятилетку, но в итоге я их уговорил после девятого класса отпустить меня в мореходку. И вот в 1950 г. поехал поступать в Астраханское мореходное училище.

Брат на дорогу и на время экзаменов снабдил меня деньгами. Я доселе никогда не ел яблок, видел их только в школьном буфаре на картинках. А по дороге на каждой железнодорожной станции продавали вёдрами отличные, только что сорванные плоды. На них спустил почти все деньги, накупив чуть не половину чемодана. Радостный, насытившийся яблоками, прибыл в Астрахань, отправился поступать в училище. Дня через два все яблоки при знаменитой астраханской жаре — на улице было выше сорока градусов — «потекли», и я остался почти без копейки денег. Суточный рацион составляли полбуханки чёрного хлеба и литр кваса. Так протянул где-то с недельку, и меня «достала» тропическая малярия. Отвезли меня в областную больницу, где с температурой за сорок начал обгрызать до невозможности распухшие губы. Меня вовремя «разоблачили», привязали ноги и руки к койке, кормили через вену глюкозой и стаканами вкалывали хину в мягкие места.

Но вступительные экзамены я сдать успел. И хотя жизнь «дала трещину» — чуть не оглох на правое ухо, но в середине сентября появился в аудитории мореходки, ошарашив однокурсников желтизной кожи. Так началась моя морская жизнь.

Затем были учёба, практика на судах Каспийского пароходства. В 1954 г., перед шестимесячной стажировкой на Краснознаменной флотилии в Баку для получения звания офицера Военно-Морского Флота, прошло распределение. Нас, выпускников судомеханического факультета, было тридцать четыре человека. Председатель государственной комиссии по распределению — начальник Каспийского государственного морского пароходства Чикиндас стал уговаривать меня пойти комсомольским вожаком

в его пароходство. Я категорически отказался — звала морская романтика. Тогда Чикиндас сказал: «Выйдите в коридор на полчаса, хорошо обдумайте моё предложение и затем окончательно решите». По успеваемости я был шестым-седьмым в группе, а хорошими местами для распределения считались Чёрное, Балтийское и Каспийское моря. Когда я вернулся из «коридорного» раздумья, то снова сказал, что жду распределения на флот. На слова председателя, что остались места на Севере и Дальнем Востоке, ответил, что коренной дальневосточник и прошу меня туда и направить. Так я получил путёвку в Камчатско-Чукотское государственное морское пароходство. В числе семерых выпускников астраханской мореходки в начале 1955 г. прибыл на Камчатку. Здесь продолжилась моя морская эпопея и началась самостоятельная трудовая флотская деятельность.

В пароходстве прошёл следующие ступеньки: четвёртый механик теплохода «Луга»; третий и второй механик морского буксира «Монерон»; второй механик танкера «Уфа», спасателя «Изыльметьев», теплохода «Бородин». Затем стал старшим механиком и трудился на теплоходах «Термез», «Мусоргский», «Лев Толстой» и морском буксире «Мирный». Как первый помощник капитана ходил на теплоходах «Иван Тургенев» и «Олюторка». На этих судах в составе прекрасных тружеников моря прошёл многие моря и океаны. В памяти остались десятки интересных событий и чрезвычайных обстоятельств. Рейсы были разные: родных берегов и своих любимых не видели по три-четыре, а то и по девять месяцев подряд. Так было, например, при получении из новостроя теплохода «Олюторка» и его перегоне, работе на нём между иностранными портами.

Сейчас, на склоне лет, закрываю глаза, и передо мной встают огромные волны, штормы и буйство морской стихии, когда с флотской койки, окаймованной бордюром, вываливаешься на палубу каюты. Или графин, не залитый полностью, выскакивающий из своей стойки и, твоё счастье, если бьющийся не об тебя, а о палубу. В такие трудные часы и сутки думаешь и мечтаешь о возвращении к причалу, в объятия семьи. Но успокаиваются волны, море снова ласкает борта, и на душе тоже становится безмятежнее.

Разве можно забыть, например, вот такое, случающееся однажды в жизни. К несчастью, тогда ни у кого из членов экипажа не оказалось фотоаппарата. Это произошло в начале 1956 г. в районе Пенжинской губы. Начало морозного апреля, впереди нашего судна идёт стая китов, более сотни голов. Они выдыхают сотни

фонтанов пара, от мороза на глазах превращающихся в зонты, какое-то время висящие над морем. Такого чуда я больше не видел нигде: ни в кино, ни по телевизору.

Попадали, конечно, и в трудное положение, бывали аварийные случаи. В 1961 г. теплоход «Термез», доставлявший груз на мыс Зелёный, был застигнут сильным обледенением. И тут, на беду, при нахождении в полярных широтах на судне вышел из строя отопительный котёл. Температура в каютах быстро падала, дошла до семи градусов выше нуля. Хорошо, что в трюмах был лесоматериал. Я обратился к капитану А. И. Ершову с просьбой, учитывая форс-мажорные обстоятельства, направить бригаду матросов на заготовку дров для котла. С их помощью мы смогли поддерживать температуру от восьми до десяти градусов тепла. Плохо было то, что в топке котла вышла из строя воздуходувка, а запасной не было.

Дня через три я случайно обратил внимание на камбузную кастрюлю с компотом. Что-то мне показало, что она и станет нашим спасением. Немедленно приказал старшему мотористу И. Дребушевскому (его называл «моторист — золотые руки») принести большой штангельциркуль, то есть измеритель диаметров деталей. Замер показал, что диаметр кастрюли и сломанной воздуходувки котла совпадают. Спросил Дребушевского, сможет ли он вручную сделать из кастрюли нужную деталь. Он внимательно присмотрелся и отвечает: «За пятнадцать — двадцать часов сделаю». Вручную с идеальной точностью выполнил разрезы по периметру, отогнул рёбра для забора воздуха, в днище просверлил точное отверстие для вала, закрепил на котле... и, о чудо, — самодельная воздуходувка заработала! Тепло пошло в каюты и все помещения судна. Вот так и обычная дюралевая кастрюля может выручить экипаж от замерзания в Заполярье, если золотые руки специалиста смогут так ювелирно сработать!

Ну, и самый тяжёлый случай. Вот что произошло с нами в конце 1963 г. По требованиям Кодекса торгового мореплавания, морские буксировщики типа «Монерон», «Изыльметьев», «Мирный» не имели права эксплуатироваться в северных широтах с ноября по апрель. В это время их сокращённые экипажи несли вахты на стоянке в порту приписки. И вдруг поступает указание от руководства пароходства: вновь скомплектовать экипаж «Мирного» и в первых числах штормового для Охотского моря декабря во главе с капитаном Д. И. Колосковым и мной отправиться в порт Корсаков для передачи судна Сахалинскому морскому пароходству. От руководства нашего пароходства с нами шёл разместившийся

в моей каюте И. Ф. Усок. Он никогда в море не ходил и страдал от морской болезни.

Лично мне со склада привезли двадцатилитровую канистру спирта «Люкс» для обеспечения «удачной» сдачи судна в Корсакове. Я поместил её в рундуке своей каюты. Примерно 5 декабря вышли в рейс, и за мысом Лопатка начала нас трепать штормовая лихорадка Охотского моря. Вот тут и развернулась отчаянная борьба за живучесть судна, а значит — и жизнь экипажа, шедшая почти пять суток при штормовом ветре и постоянном обледенении по правому борту. Через каждые пятнадцать — двадцать минут авральными сигналами поднимались все свободные от вахт члены экипажа. Кто ломали, кто лопатами, кто подручными инструментами обкалывали лёд по правому борту. При этом крен на правый борт от пятнадцати градусов доходил до сорока трёх и даже сорока семи (!), а потом, после обколки, снова возвращался к пятнадцати. Питались в эти дни только сухарями и горячей водой. Пеленгатор и локатор вышли из строя, судно управлялось лишь искусством капитана и штурманов. Все люди понимали, что идёт борьба за жизнь. Машинная команда в невероятно сложных условиях самоотверженно и внимательно берегла все механизмы, следила за работой двух главных дизелей по шестьсот лошадиных сил.

Один моторист не выдержал такого напряжения и на третий день получил душевное расстройство. Мы его аккуратно уложили в кровать, привязали ремнями и постоянно наблюдали за его состоянием. Через два дня сдали его в больницу в Корсакове, а через пару месяца он полностью вылечился и вернулся на Камчатку.

На шестые сутки наших лишений вошли в залив и пришвартовались к причалу порта Корсаков. На следующий день началась приёмка судна специалистами Сахалинского морского пароходства. Длилась она три дня, и каждый день приёмщики очень «ощущали» содержимое канистры с «Люксом», а мы словно пили чистую воду... Ни в дни сдачи судна, ни вечерами в ресторане Южно-Сахалинска (туда надо было ехать полтора часа на такси в один конец) никакое спиртное нас совершенно не «брало».

Капитан Дима Колосков сказал мне: «Ну, “дед” (так на флоте зовут всех старших механиков), чуть фангули не дали». С этим я был вполне согласен, ведь только мы с ним знали, что слово «фангули» на языке гилаков, коренных жителей Амура, означает переворот вверх килем.

Приходить в себя мы, члены экипажа, начали лишь тогда, когда пассажирами возвращались на красавце-лайнере «Советский Союз»

к Новому году в наш любимый город Петропавловск-Камчатский к своим родным и близким людям. А затем — снова море и море, морские будни и родные причалы.

Говоря о флотских буднях, хочется вспомнить о замечательных людях, тружениках моря, моих товарищах и наставниках. Особенно хочется отметить моих учителей: старших механиков Л. М. Воробьева и А. Н. Иванова, капитанов А. И. Ершова, С. В. Тимонькина, Г. Н. Клепикова, А. А. Чернеева, А. Н. Карпова. Работая старшим механиком теплохода «Лев Толстой», которым руководил Герой Социалистического Труда Анатолий Александрович Чернеев, в июне 1964 г. я получил предложение от руководства Камчатского пароходства и его партийного комитета отправиться в Москву. Здесь в Высшей партийной школе при ЦК КПСС работали годичные курсы подготовки помощников капитана по политической части. С Камчатки меня отправили одного, а вообще со всех пароходств страны на эти курсы послали более ста старших механиков и старших помощников капитанов. В их числе был и В. И. Кулагин, старший помощник капитана из Сахалинского морского пароходства. Впоследствии он стал начальником Камчатского морского пароходства. Эти курсы стали для нас огромной жизненной школой, давшей знания, пригодившиеся в дальнейшей работе...

Через шестнадцать лет труда в Камчатском морском пароходстве моей морской романтике пришёл конец: в начале 1967 г. меня утвердили инструктором партийного отдела Камчатского обкома КПСС. Здесь я до августа 1971 г. курировал своё родное пароходство, Усть-Большерецкий и Соболевский районы, а затем был рекомендован на должность первого секретаря Алеутского райкома партии на Командорских островах.

На островах я будто снова вернулся в свою морскую стихию: справа — Берингово море, слева — Тихий океан, посередине — острова Беринга и Медный. Работа была очень важная и ответственная: постоянные заботы о развитии Командорского зверосовхоза, строительного участка, связи, почты, учреждений медицины, жилищно-коммунального хозяйства, молочной и птицефермы, школы, Дома культуры, пограничной заставы и участка противовоздушной обороны.

Началось строительство новых 24-квартирных домов в безопасной от цунами зоне, новой средней школы с хорошим спортзалом. Много внимания уделялось бригадам по забою морских котиков на четырёх участках острова Беринга и острове Медном, по обеспечению

норкового хозяйства необходимым кормом. И самое важное — взаимодействие с местным населением, обеспечение семей жильём, питанием, медицинским обслуживанием и школьным образованием.

После пяти лет работы на Командорах мне предложили возглавить крупный партийный комитет Камчатрыбколхозобъединения. Им руководил Иван Гаврилович Коваленко, очень грамотный, опытный в делах производства человек. Все совещания и планёрки он проводил чётко, по-деловому и весьма профессионально.

Через два года меня перевели на должность заведующего жилищно-бытовым отделом Камчатского областного совета профсоюзов, где я проработал до 1981 г. А потом принял дела у Героя Социалистического Труда Г. И. Фурьева, председателя народного контроля Ленинского района. Здесь трудился вплоть до ликвидации органов народного контроля в России в 1990 г.

Потом работал в Камчатском областном центре занятости населения, где моим руководителем был Владимир Андреевич Тарасенко. Благодаря его энергии и настойчивости мы провели всю работу с основания областной службы занятости и до создания её городских и районных центров. Большим моим помощником и товарищем в эти годы был Виктор Иванович Лихно и другие сотрудники службы занятости...

Наградами за труд не обделён. Отмечен двумя медалями, благодарностями, грамотами различных уровней, их у меня более десяти, в том числе четыре — обкома КПСС и облисполкома, областной администрации, две — областного и Российского комитета народного контроля. Есть и награды комсомола, в том числе знак «Молодому передовику производства». Особенно мне нравится подарок за комсомольскую работу: медальное изображение всех наградных орденов комсомола, которое мне вручил первый секретарь обкома ВКЛСМ Алексей Коробков. Имеются грамоты за работу в областной службе занятости, в компании «Новая книга».

Семья у меня небольшая: жена Раиса Николаевна, сыновья Андрей и Роман, внук Василий. У нас вечная любовь, мир и согласие. Своё счастье я нашёл тоже в морских краях — в бухте Золотой Рог города Владивостока. Познакомился со своей любовью в 1959 г., а в начале 1960-го мы расписались, сыграли настоящую морскую свадьбу: были механики, штурманы, работники штаба тыла флота, где она работала, её родственники. В 2010 г. отметили золотой юбилей нашей совместной жизни, и вот уже пятьдесят три года не ссоримся, и в этом огромная заслуга моей ласковой, заботливой жены. Наши сыновья, Андрей и Роман, отслужили

в Советской Армии в Приморье, командиры их войсковых частей прислали нам благодарственные письма за их воспитание и за их отличную службу. Они очень любят свою работу и нашу прекрасную камчатскую природу. Внук Василий больше увлекается спортом, его любимый вид — футбол, игра для настоящих мужчин.

Увлечение книгами уходит в далёкие 1940-е гг., время, когда моим воспитанием занимался старший брат Илья. Напомню, он был слушателем Артиллерийской академии в Москве. Он мне, двенадцатилетнему школьнику, приносил из библиотеки академии книги Джека Лондона, Марка Твена, Конан-Дойля, Майн Рида, Фенимора Купера, Жюль Верна и других авторов. Вот тогда я стал очень сильно интересоваться литературой, книги читал запоем, меня ничем не могли оторвать от них. И вот эта тяга длится всю мою жизнь.

Позже, уже работая на флоте, собирал личную библиотеку, все мои шкафы в каютах были заполнены книгами, сохранявшимися до очередного отпуска, а те на флоте были длительными. По их окончании библиотеку приходилось создавать вновь. Дело поправилось с получением в 1962 г. однокомнатной квартиры.

Книги приобретал, где это было возможно — в книжных и букинистических магазинах, по подписке. Сейчас в моей личной библиотеке есть несколько редких книг, в том числе вековой и двухвековой давности, среди них имеются и настоящие раритеты. В моём собрании около ста подписных изданий, в том числе — большая подборка по А. С. Пушкину с довольно редкими книгами: четырёхтомник «Летопись жизни и творчества Александра Пушкина», день за днём, от рождения до смерти поэта. Это поистине уникальное издание. Двухтомник «Материалы для библиографии А. С. Пушкина» — факсимильное воспроизведение первого тома собрания сочинений поэта, издание П. В. Анненкова, 1855 г.; редкое издание двухтомника «А. С. Пушкин в портретах». Альбомы: «Приют сияньем муз одетый», «А. С. Пушкин и его время в изобразительном искусстве»; двухтомники: «Переписка Пушкина», «Друзья Пушкина», «Пушкин в воспоминаниях современников», И. И. Пущин «Записки о Пушкине. Письма», «Воспоминания А. П. Керн», «И. И. Панаев. Литературные воспоминания», двухтомник Б. Томашевского «Пушкин», П. Е. Щеголев «Дуэль и смерть Пушкина».

Значительная литература о Льве Николаевиче Толстом: двадцатидвухтомное собрание сочинений, около двадцати книг о нём. Также в моей библиотеке есть полные собрания сочинений А. П. Чехова

в восемнадцать томах, И. С. Тургенева в двенадцати томах. Есть собрания сочинений И. А. Бунина, А. И. Куприна, А. С. Мережковского, В. В. Вересаева, И. А. Гончарова, А. Н. Толстого, А. И. Солженицына, В. В. Набокова, Б. Л. Пастернака, М. А. Булгакова, М. М. Зощенко, В. А. Солоухина, И. А. Ефремова, В. Л. Гиляровского, Н. В. Гоголя, Ильи Эренбурга, Юлиана Семёнова и ещё двадцать изданий различных советских авторов. Имею и значительное количество работ на исторические темы, в том числе и уникальные, такие как раритетное издание Н. М. Карамзина «История государства Российского» в четырёх книгах, 1844 г. издания, а также труд С. М. Соловьёва «История России с древнейших времён» в восемнадцать книгах. Очень удачным приобретением считаю «Всемирную историю» в четырёх томах Оскара Егера. Довольно редкое издание «Страны и народы» — научно-популярная географо-этнографическая серия в двадцати томах. Ну и конечно, я несказанно рад, как книголюб, обретению девяти-томной «Истории всемирной литературы».

А как трудно было найти книги серии «Литературные памятники», издаваемые Академией наук СССР! Но всё же смог приобрести девять из них. С большим трудом удалось подписаться на «Памятники мирового искусства» в шести томах. Стараюсь не пропускать книги о Камчатке, удивительно красочные альбомы о ней, у меня их около трёх десятков. Очень горжусь последним приобретением одиннадцатитомника о В. С. Высоцком.

Хорошая серия «Всемирная история в лицах», вышло четырнадцать книг; серия «Библиотека приключений» в двадцати томах, серия «Библиотека фантастики» в двадцати четырёх томах. Около сотни книг из серии «Жизнь замечательных людей» и «Жизнь в искусстве», серия «Мир художника» из семи книг, также оригинальное издание в пяти книгах Фёдора Раззакова «Досье на звёзд».

И конечно же я не могу не сказать, что у меня особое, дружеское отношение к писателю Леониду Михайловичу Пасенюку за его давнюю и многолетнюю любовь к Камчатке, к Командорам. Мне привелось с ним работать в Алеутском районе, быть свидетелем его творческого отношения к районной газете «Алеутская звезда», очень бережного отношения к природе островов, которые он исходил вдоль и поперёк, никогда не пользуясь вездеходами, чтобы не наносить ран первозданной тундре.

А его великолепная энциклопедия «Иду по Командорам» — трогательная история островного края и многие другие книги и альбомы о Камчатке и Командорах! Всё это — прекрасная лето-

пись нашего края. У меня есть почти все его книги с автографами, и они мне очень дороги.

Значительное внимание уделяю иностранным авторам. Зачитываясь романами А. Дюма, старался их приобрести, сейчас у меня сорок книг этого автора. Всеми доступными способами приобрёл таких авторов, как Э. М. Ремарк, Э. Хемингуэй, Ж. Санд, С. Цвейг, Ги Де Мопассан, Г. Гейне, Л. Войнич, К. Мариэтт, Р. Киплинг, О. Бальзак, Г. Уэллс, Ф. С. Фицджеральд, И. Стоун, Т. Гарди. Ну, и читанные-перечитанные: Джек Лондон, Конан-Дойль, Марк Твен, Майн Рид, Жюль Верн, Фенимор Купер...

Приятно, что камчатцы — большие любители чтения — в 1978 г. избрали меня первым руководителем литературного городского клуба «Прометей». Им я пробыл около пяти лет. Мы собирались и проводили очень интересные встречи в помещении магазина «Российская книга», к нашей деятельности очень хорошо относилось руководство Камчатского облкниготорга в лице Станислава Петровича Кожана.

От редактора: замечательный человек Василий Андреевич Дергунов ушёл из жизни 21 декабря 2020 г.

О. И. Флейтман

Приморье — Камчатка — Москва

В стихотворных строках Александра Трифоновича Твардовского: «Я убит подо Ржевом/ в безымянном болоте, / в восьмой роте на левом, / при жестоком налёте...» очень точно описана военная судьба моего дедушки — Владимира Ивановича Астапова, тридцатидвухлетнего добровольца, бойца 8-й роты 1-го стрелкового полка 5-й Фрунзенского района дивизии народного ополчения города Москвы, впоследствии 113-й стрелковой дивизии, которая трижды возрождалась из пепла.

А как хорошо начиналась и складывалась жизнь Владимира Ивановича! Он родился 12 февраля 1909 г. в городе Иман Дальневосточного края, находившемся недалеко от границы с Китаем и являвшемся самым северным и старейшим городом Приморья (в 1972 г. переименован в Дальнереченск, ныне входит в состав Приморского края). Сохранилось дедушкино свидетельство о рождении № 198.

Семья дедушки состояла из четырёх человек: его отца — Астапова (Остапова) Ивана Яковлевича, матери — Астаповой Ольги Ивановны, самого дедушки и его младшего брата — Алексея Ивановича Астапова. Сохранились фотографии семьи дедушки, его родителей, маленьких Володи и Алексея. Судя по фотографиям и семейным преданиям, семья была обеспеченной. Отец Владимира Ивановича состоял на военной службе. Мать, Ольга Ивановна, являлась представительницей известного рода Сибиряковых — иркутских золотопромышленников и меценатов, внёсших большой вклад в развитие России.

Семья Астаповых переехала во Владивосток, где у них был собственный дом и магазин на улице Пушкина, 15. Сохранились фотографии дома, а также конверты с письмами на этот адрес. В советское время Астаповых «уплотнили», то есть отобрали часть жилплощади, и у семьи осталось только две комнаты. О школьных годах Владимира Ивановича сведений не сохранилось, зато о времени обучения во Владивостокском промышленно-экономическом техникуме свидетельствуют его отчёты о производственной практике, личная карточка практиканта, фотографии, грамоты.

Владимир Иванович учился с 1 сентября 1924 г. по 1 марта 1928 г. и получил специальность техника-химика по маслорайонно-жировой специализации. Он вёл активную общественную работу, являясь членом комсомола — председателем академической комиссии исполнительного бюро, затем председателем исполнительного бюро учащихся, членом президиума техникума и членом стипендиальной комиссии, всегда выступал в защиту учащихся. Во время учёбы вторую производственную практику с 11 июля по 10 сентября 1927 г. проходил на государственном маслозаводе № 1 Приморского государственного пищевого треста, активно участвовал в работе заводского драматического кружка.

11 мая 1928 г. он приступил к третьей производственной практике на утилизационном, иначе жиротуковом, заводе Усть-Камчатского рыбоконсервного завода (РКЗ) № 1 Акционерного Камчатского общества. Здесь работал до 1 ноября 1928 г., сначала был стажёром, а затем сменным мастером. Во время практики состоял членом бюро драматического кружка и участвовал в постановке вечеров и концертов, о чём свидетельствуют записи в «Личной карточке практиканта» № 337, выданной 9 апреля 1928 г.

1928 г. стал первым полноценным промысловым сезоном АКО, с него можно начинать отсчёт начала деятельности государственной рыбной промышленности Камчатки. Выходит, что молодой

специалист В. И. Астапов является одним из её зачинателей. С 1 декабря 1928 г. по 1 июля 1930 г. он заведовал утилизационным цехом Кихчик-Кольского рыбо-крабоконсервного завода № 4 в посёлке Кихчик на Камчатке.

(Кихчик — бывший посёлок городского типа в Усть-Больше-репком районе Камчатской области. Возник при рыбных промыслах в устье одноимённой реки в 1926 г. Кихчикский рыбопромысловый район АКО, позже рыбокомбинат, был организован в 1928 г. на базе Кихчик-Кольских участков. В плане развития АКО на 1929 г. было намечено строительство РКЗ № 4 в Кихчик-Кольском районе на четыре линии и утильзавода при нём. Большой урон посёлку, от которой он так и не смог оправиться, нанёс неконтролируемый вылов рыбы японцами в районе устья реки Камчатки. 28 августа 1972 г. Кихчик был упразднён.)

С 1 июля 1930 г. по 25 ноября 1931 г. В. И. Астапов был заведующим производством РКЗ № 4, затем по 1 марта 1936 г. — директором этого завода. С 1 марта 1936 г. по 10 октября 1937 г. трудился директором РКЗ № 5 рыбокомбината имени Микояна АКО.

С 1 сентября 1927 г. по 26 мая 1941 г. состоял в профсоюзе рыбаков. Сведения о его работе восстановлены при помощи «Трудового списка», как раньше называлась трудовая книжка.

В 1930 г. Владимир Иванович встретил свою большую любовь — мою бабушку Елену Георгиевну Базовую, родившуюся в 1909 г. Она, будучи студенткой первого курса Дальневосточного института рыбной промышленности (Дальрыбвтуза), проходила практику на РКЗ № 4. Они стали мужем и женой 28 декабря 1930 г., как указано в свидетельстве о браке № 1441. Елена Георгиевна не окончила институт, а, уйдя со второго курса, осталась работать счетоводом на РКЗ № 4 вместе с мужем. В 1931 г. родился их первенец — сын, умерший в младенчестве. А 3 февраля 1934 г. родилась дочь Галина, они называли её Лялей. У отца с дочерью сложились очень трогательные, тёплые отношения, о чём свидетельствует письмо Владимира Ивановича с фронта в августе 1941 г.

В 1937 г. В. И. Астапова обвинили в выпуске некачественных консервов в путину 1936—1937 гг., арестовали и содержали с 15 февраля по 2 октября 1938 г. как подследственного в Петропавловской тюрьме на основании постановления прокурора Камчатской области. Это подтверждает сохранившаяся справка Управления НКВД по Дальневосточному краю № 1041 от 4 октября 1938 г. Был наложен арест на его деньги, хранившиеся в сберкассе, и государственные облигации.



Семья Астаповых: Иван Яковлевич,
Ольга Ивановна и Володя, 1913 г.



И. Я. Астапов с сыновьями Алексеем
(слева) и Владимиром, 1919 г.



Семья Астаповых в 1921 г.



Редакционная коллегия стенной газеты Владивостокского промышленно-экономического техникума «Даёшь квалификацию», 1926 г.

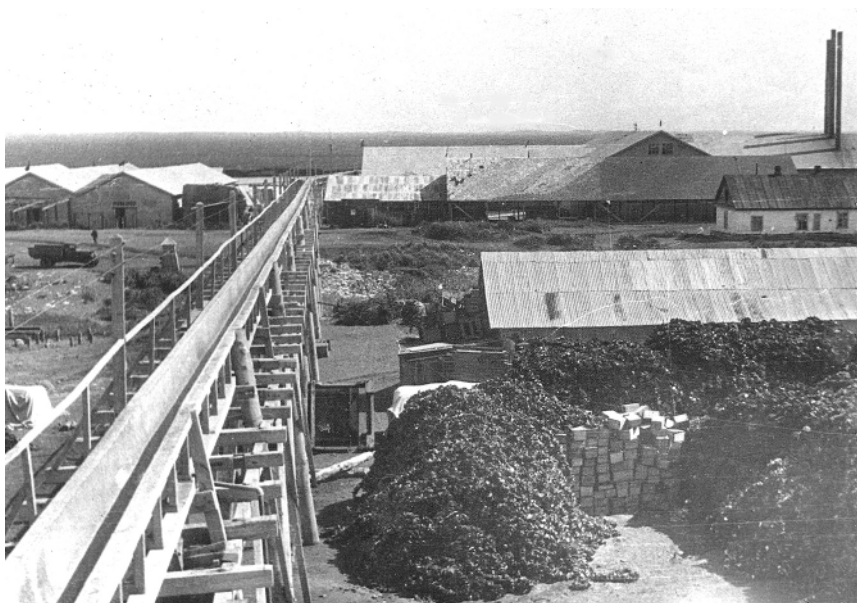
Третий слева — Володя Астапов



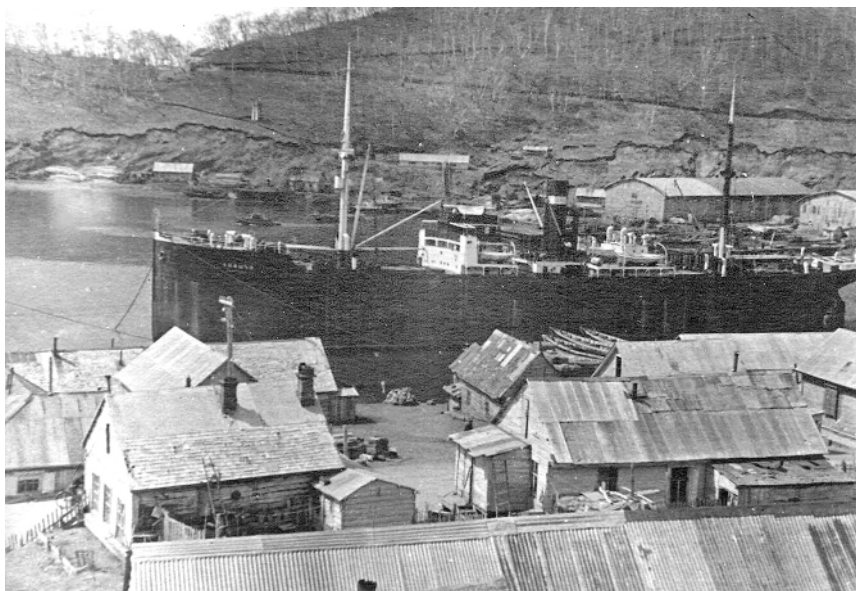
Третий выпуск химиков Владивостокского промышленно-экономического техникума, 1928 г. В. И. Астапов в центре во втором ряду (в очках)
(все фотографии из собрания О. И. Флейтман, г. Москва)



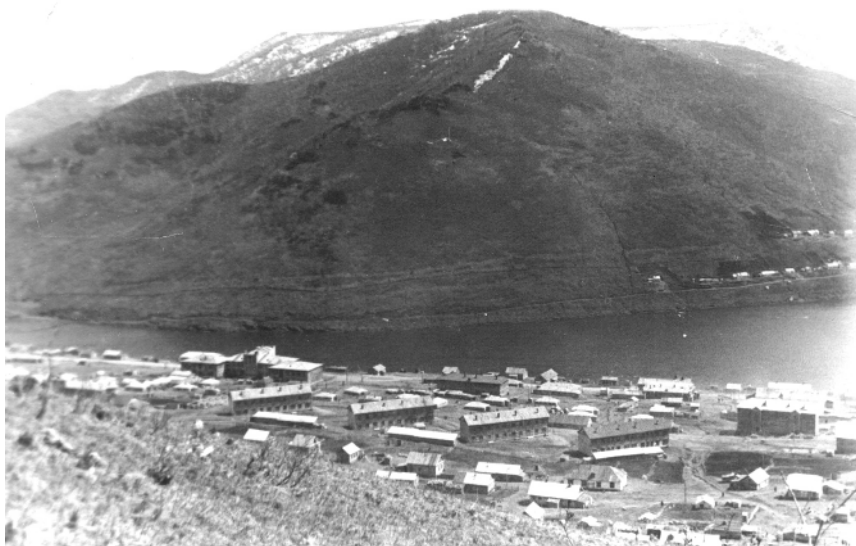
Камчатка. Панорама Кихчикского рыбокомбината.



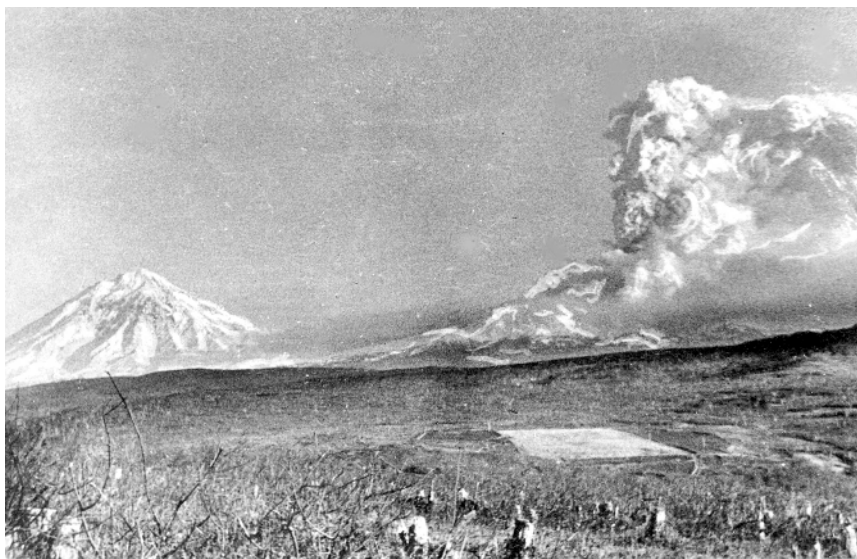
Рыбо-крабоконсервный завод № 4, середина 1930-х гг.



Петропавловский порт АКО, пароход АКОФлота «Чавыча»,
вторая половина 1930-х гг.



Вид с Мишенной сопки на АКОград, вторая половина 1930-х гг.
Слева — здание управления АКО (с «башенкой»)



Извержение Авачинского вулкана в октябре 1938 г.



В. И. Астапов (стоит справа) с семьёй и друзьями на отдыхе.
Сзади — Корякский вулкан, конец 1930-х гг.



Владимир Иванович Астапов и Елена Георгиевна Астапова (Базовая)



В. И. Астапов с дочерью Галей
(Лялей), 1938 г.



В. И. Астапов



За чаепитием. Е. Г. Астапова стоит рядом с дочерью Галиной.
Справа — В. И. Астапов



Внучка В. И. Астапова Ольга Ивановна
Флейтман у памятника ополченцам.
Москва, март 2015 г.



Памятная плита в честь дивизии
народного ополчения Фрунзенского
района г. Москвы, 2015 г.

В 1938 г. моя бабушка, оставив дочь во Владивостоке с родственниками, уехала в Москву, где ей удалось добиться встречи с Полиной Семёновной Жемчужиной-Молотовой, занимавшей с 19 января 1939 г. пост главы Народного комиссариата рыбной промышленности СССР. Эта встреча поспособствовала скорейшему назначению экспертизы консервной продукции Микояновского РКЗ № 5 для расследования дела и установления невиновности Владимира Ивановича.

После экспертизы он был реабилитирован, о чём свидетельствует сохранившееся «Постановление о реабилитации» к делу № 33 от 2 июня 1939 г. Экспертизу провела Приморско-Амурская госрыб-инспекция в Петропавловске-Камчатском, установив отсутствие нестандартной продукции. Был снят арест, наложенный на облигации и сбережения, всё было возвращено семье.

После реабилитации Владимир Иванович работал в должности исполняющего обязанности инженера по консервному оборудованию, а впоследствии стал инженером по заводскому оборудованию технического отдела АКО в Петропавловске, где трудился до 20 мая 1940 г.

В мае 1940 г. с женой и дочерью уехал в отпуск сначала в Ессентуки, а затем переехал Москву. В Москве жили на улице 2-й Мещанской, в доме № 6/10, комната 16. Отсюда он ушёл на фронт, на этот адрес позже приходили его письма.

С 25 ноября 1940 г. по 1 марта 1941 г. Владимир Иванович жил в Москве, работал сначала во Всесоюзном научно-исследовательском институте рыбного хозяйства и океанографии (ВНИРО), был технологом лаборатории утилизации. Затем по 30 июня 1941 г. — старший техник-химик Всесоюзного научно-исследовательского института водоснабжения, канализации, гидротехнических сооружений и инженерной гидрогеологии «ВодГЕО». От этого времени сохранилось его удостоверение № 400, выданное 19 февраля 1941 г.

В сентябре 1940 г. он поступил на первый курс Московского заочного института силикатно-строительной промышленности на силикатный факультет. Посещал Государственную библиотеку СССР имени В. И. Ленина. Его читательский билет № 11687 датирован 23 марта 1941 г. Сессию в мае — июне 1941 г. Владимир Иванович сдал на хорошо и отлично, что подтверждает институтская зачётная книжка № 537/40, выданная 9 июня 1941 г. Последний экзамен летней сессии 1941 г. по начертательной геометрии сдал на отлично 28 июня 1941 г., через несколько дней после объявления Великой Отечественной войны.

В. И. Астапов добровольцем вступил в ополчение, 13 июля 1941 г. был зачислен бойцом 5-й Московской стрелковой дивизии народного ополчения (МСДНО) Фрунзенского района, что удостоверено сохранившейся справкой политотдела дивизии № 3-93 от 13 июля 1941 г.

Эта дивизия формировалась в Московском государственном педагогическом институте иностранных языков, находившемся на улице Метростроевской, 38, сразу после митинга 4 июля 1941 г. В числе ополченцев были рабочие, служащие, студенты, аспиранты и профессора московских вузов.

С 31 августа 1941 г. Владимир Иванович числился бойцом 8-й роты 1-го стрелкового полка дивизии, что удостоверено сохранившейся справкой № 828 от 31 августа 1941 г. Обратный адрес, указанный на конвертах его писем: ППС-932, 1-й стрелковый полк, 8-я рота. Согласно «Справочнику полевых почтовых станций РККА в 1941—1945 гг.» этот номер ППС был закреплён за 5-й МСДНО.

Сначала дивизия размещалась в районе станции Катуар, расположенной на Старокалужском шоссе в тридцати километрах от столицы. Вскоре её перевели в район деревни Тишнево под городом Боровском. Бойцы окапывались, 9 июля развернулась боевая учёба. С Ржевско-Вяземского направления дивизию перебросили в район деревни Большая Бобровка.

30 июля 1941 г. дивизия вошла в состав 33-й армии Резервного фронта. Ополченцы приняли присягу 30 июля 1941 г., а через два дня под командованием генерал-майора А. И. Преснякова были переброшены в район Спас-Деменска и Кирова. 12—13 августа 1941 г. дивизии и её полкам были вручены боевые знамёна. 12 сентября 1941 г. ополченческой дивизии присвоили общearмейский номер, и она стала именоваться 113-й стрелковой; её 1-й стрелковый полк стал 1288-м. К концу сентября дивизия вошла в состав 43-й армии и выдвинулась на рубеж реки Шуйцы, западнее Спас-Деменска. 30 сентября 1941 г. дивизию перебросили к реке Десна (левый приток Днепра), она закрепилась на участке Гарь — Сергеевка — Ясная Поляна, перекрыв тем самым Варшавское шоссе во втором эшелоне 43-й армии.

Немцы, начав 2 октября наступление, прорвали переднюю линию обороны 43-й армии и оказались перед 113-й стрелковой дивизией. Танки противника атаковали её подразделения в районе Ямное — Ясная Поляна. На правом фланге дивизии артиллерии не было, и в результате её 1288-й полк отступил с реки Шуйца

к Каширино. Обтекая дивизию с юга, 2-я танковая дивизия немцев заняла Теревивлю и Суборово. Наши пытались отбить Суборово даже ночью, но безуспешно. 10-я немецкая танковая дивизия двигалась, не ввязываясь в боевые действия, дальше на восток через Дубровку и Мокрое. Было решено организовать круговую оборону в районе Желны. С наступлением темноты подразделения 113-й дивизии заняли новые позиции.

4 октября основной удар немцев пришёлся на 17-ю стрелковую дивизию, оборонявшую Варшавское шоссе во втором эшелоне. Одновременно она пропускала через себя отступающие части 43-й армии. Последними через Любунь в сторону северо-востока прошли части 113-й стрелковой дивизии. Утром 5 октября оставшиеся в живых бойцы и командиры 113-й дивизии после прохода боевых порядков 17-й дивизии сосредоточились в лесу, в урочище Мох. В этой группе было около двух тысяч человек, среди них — командир дивизии генерал-майор А. И. Пресняков. На коротком совещании он поставил задачу: быстро сформировать из оставшихся бойцов подразделения и подготовиться к движению на восток.

Участник тех событий А. Е. Гордон вспоминал: «Немцы перешли в наступление 2 октября 1941 г. и форсировали Десну. Им удалось смять войска первого эшелона и навалиться всеми своими силами на ополченские дивизии, в том числе и на бывшую Фрунзенскую, а теперь 113-ю дивизию. В Вяземском котле, в который попали четыре наши армии, погибли, были искалечены, попали в плен сотни тысяч бойцов, в том числе ополченцев — рабочих, служащих, студентов, аспирантов и профессоров московских вузов».

Письма семье от В. И. Астапова из учебного центра приходили ежедневно, все они сохранились. Последнее получено 27 сентября 1941 г. Больше ничего не было...

В октябре 1941 г., находясь на фронте, Владимир Иванович Астапов пропал без вести, о чём свидетельствуют две сохранившиеся справки: № 6141904 от 19 апреля 1945 г. и № 4/3 от 17 января 1972 г., выданная на основании учёта регистрации извещений за № 19-45.

Моя бабушка, Елена Георгиевна Астапова, почти всю войну работала в госпитале, находившемся в доме отдыха в Московской области на станции Зеленоградская Ярославской железной дороги. Сохранились её награды: медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» (удостоверение № 077575 от 2 апреля 1947 г.) и медаль «В память 800-летия Москвы» (удостоверение А № 915341 от 23 августа 1948 г.).

У погибших бойцов Фрунзенской дивизии народного ополчения нет даже братской могилы, поэтому каждый год 9 мая моя мама, Галина Владимировна Кашина, дочь Владимира Ивановича — его любимая Лялечка, возлагала цветы к памятнику 5-й дивизии народного ополчения, созданному скульптором Л. Кербелем и открытому 7 мая 1967 г.

Памятник установлен на том самом месте, откуда ополченцы уходили на фронт Великой Отечественной войны, перед зданием Московского государственного педагогического института иностранных языков имени Мориса Тореза на улице Остоженка (бывшая Метростроевская), 38.

Бывая в районе Остоженки, я всегда прихожу к памятнику почтить память моего дедушки, хотя дедушкой его называть странно: в год гибели ему было всего тридцать два года, меньше, чем возраст Христа, помянуть и всех погибших бойцов, возложить им цветы. Вечная им память!

Радует, что дедушкин род продолжается. Его правнуки — Михаил и Мария Флейтманы после окончания московского вуза — НИУ Высшей школы экономики работают. Мария — по специальности «графический дизайнер» в МФЦ Москвы, Михаил — тестировщик в московской компьютерной компании. День рождения правнучки почти совпадает с днём рождения В. И. Астапова — 13 февраля, но 1992 г. У Михаила растёт дочка Мия — праправнучка Владимира Ивановича, родившаяся 15 февраля 2021 г.

Т. А. Шубина

Фред Георгиевич Челноков
(биографические заметки)

Фред (Фридрих) Георгиевич Челноков принадлежал к поколению детей военного времени. Он родился 14 апреля 1935 г. в г. Глазове Удмуртской АССР, в семье служащих. Его родители — выходцы из крестьянских семей. Отец — Георгий Григорьевич Прохоров, преподаватель истории в средней школе, мать — Нина Матвеевна Челнокова, библиотечный работник, — представители советской интеллигенции. Оба были членами партии, учили молодое поколение служению своему отечеству, высокой духовности и здоровому честолюбию. Своих троих детей воспитывали в уважении к труду, к людям труда. Родители особенно поощряли интерес к знаниям,

к чтению книг, к тому же домашняя библиотека изобиловала исторической литературой. Фридрих был средним ребёнком, а имя, выбранное отцом, — дань времени. В студенческих кругах его звали Фредом, что больше соответствовало молодёжному духу, и на Камчатке сверстники также звали его просто Фредом, в особых случаях — Фредом Георгиевичем.

В годы войны (1941—1945) семья жила в селе Таборы Таборинского района Свердловской области, затем, в связи с переводом отца, переехала в г. Херсон. В 1953 г. Фред поступил в Херсонский сельскохозяйственный институт на зоотехнический факультет. Учился он легко, был активистом и заводилой студенческих затей, одновременно занимался в альпинистском клубе. В начале лета 1958 г. после окончания института с дипломом учёного-зоотехника и с первым разрядом по альпинизму он приехал в Петропавловск-Камчатский.

В 1960-е гг. начинался второй этап целенаправленного освоения дальневосточных регионов. Здесь требовались специалисты всех отраслей народного хозяйства. Нередки были случаи, когда вузы страны направляли сюда молодых специалистов целыми выпусками. Камчатка привлекала Ф. Челнокова ещё и потому, что на этом краю земли были действующие вулканы. А в том, что сумеет приложить здесь свои знания и энергию, он не сомневался. 1 июля 1958 г. областное сельхозуправление назначило его главным зоотехником сельхозинспекции Соболевского района. До отъезда к месту назначения он успел совершить восхождение на Авачинский вулкан. А через неделю горные пейзажи Петропавловска сменились на равнинные соболевские тундры.

В октябре 1959 г. молодой специалист переведён главным зоотехником Начикинского совхоза в Елизовский район. Он вспоминал: «В совхозе было больше живности, чем во всём Соболевском районе. Свыше тысяча голов крупного рогатого скота в летнее время выпасалось на пастбищах от Начикинского озера и почти до реки Вактан Малкинский (протяжённость более 60 км)». Работы и ответственности настолько прибавилось, что об активном альпинизме на время пришлось забыть. Зато теперь он много писал. В это время его талантливые очерки о совершённых восхождениях публикуются в местных газетах. Ещё через год, в октябре 1960-го, бюро Камчатского обкома комсомола направило его в Москву на курсы подготовки руководящих кадров молодёжной печати в Центральную комсомольскую школу при ЦК ВЛКСМ.

Этот выбор был сделан осознанно. Журналистика во все времена призвана обратить внимание на острые злободневные проблемы, ставить вопросы морали и нравственности общества. Быть в центре событий жизни полуострова, не бояться жизненных реаллий, а если надо, то принимать огонь на себя — таковыми были позиции Ф. Челнокова. После окончания с отличием журналистских курсов (удостоверение № 1328 от 27 июня 1961 г.) он более пяти лет возглавлял отдел рабочей и сельской молодёжи газеты «Камчатский комсомолец», был заместителем главного редактора. Одновременно на общественных началах занимался организацией альпинизма. В 1961 г. принят в Коммунистическую партию. В 1960, 1962, 1964 гг. избирался членом обкома ВЛКСМ. Его жизнь тогда была насыщенной, яркой и, как говорится, бурлила и била ключом.

Научная деятельность. Возможно, он так и остался бы журналистом, если бы не случай, определивший дальнейшую судьбу. Побывав с журналистским заданием на котиковых лежбищах острова Медного, он понял, что это именно то место, где он должен работать. Здесь могли в полной мере пригодиться и знания, полученные в институте, и его журналистский опыт, и навыки, приобретённые в альпинизме. Как выяснилось позднее, полевой сезон на острове Медном — это альпинизм каждый день. С декабря 1965 г. он — научный сотрудник лаборатории морских зверей Камчатского отделения Тихоокеанского института рыбного хозяйства и океанографии (КО ТИНРО, с 1995 г. — КамчатНИРО).

Лаборатория была организована в 1959 г. для изучения биологии морских млекопитающих на Командорских островах. Её главная задача заключалась в ежегодном прогнозировании численности популяции морского котика и возможного процента изъятия молодняка, то есть в научно обоснованное регулирование промысла котиков. Лаборатория находилась в здании КамчатНИРО в Петропавловске.

Первое поколение научных сотрудников лаборатории были первопроходцами, заложившими основы наблюдения за морскими млекопитающими на Командорах. Безусловно, они использовали опыт и результаты исследований предшествующих научных экспедиций. П. Г. Никулин, заведующий лабораторией, Г. А. Нестеров, Н. М. Старостин, Д. И. Чугунков, Б. В. Хромовских, длительное время работавшие на островах, были коллегами Ф. Г. Челнокова. В течение нескольких лет (1983—1990) со своими студентами

приезжала доктор биологических наук, профессор Кировского института Анна Ивановна Колеватова. На Северо-Западном лежбище (остров Беринга) она возглавляла исследования по лечению унциариоза (гельминтозное заболевание у котиков). Ещё одна легендарная личность на Командорах в те годы — рыбинспектор Егор Петрович Томатов. Сотрудники КО ТИНРО не только хорошо его знали, но и совместно охраняли командорские лежбища.

Полевой сезон тинровцев, как правило, длится четыре-пять месяцев в году, с мая по сентябрь. Остальное время уходит на обработку полученных данных, составление отчётов и подготовку к очередной экспедиции. Подготовка к полевому сезону — дело весьма хлопотное. Нужно предусмотреть всё до мелочей. Закупка продуктов, подбор научного оборудования, надёжная упаковка всего груза для транспортировки на морских судах, консультации лаборантов, оформление проездных документов и прочие, прочие заботы. И сколько бы ни было полевых сезонов за плечами исследователя, экспедиция — это всегда событие.

До острова Беринга тогда добирались только морем. Несколько суток, а то и неделя уходила на такие путешествия. Иногда судно сначала шло до Усть-Камчатска, а уже потом заходило в порт-пункт Никольское. Затем — привычная для Камчатки ювелирная перегрузка прямо в море, на рейде «сетками» пассажиров и багажа на плашкоуты, перевозившие всё доставленное на пирс. Если погода позволяла, научная экспедиция доставлялась на остров Медный малыми рыболовными сейнерами зверокомбината. Наконец, позади последняя выгрузка в бухте Преображенской. Для доставки груза наверх, к стационарным домикам учёных, использовали подъёмник. Но иногда багаж поднимали, так сказать, на «своих двоих» по крутой медновской лестнице в 315 ступеней!!! И у камчатских полевиков, привыкших к мучительным ожиданиям погоды, к всевозможным дорожным неожиданностям, окончание пути всегда вызывает радостный вздох облегчения: всё, экспедиция благополучно прибыла на место, можно начинать работу! Теперь руководитель обязан организовать и её, и быт в полевых условиях. Он отвечает и за безопасность.

Каждая такая поездка приносила массу новых впечатлений. Записные книжки Фреда Георгиевича хранят интереснейшие дорожные наблюдения. Что касается трудностей, так их испытывает каждый путешествующий по Камчатке и сегодня. Благодаря альпинизму, Фред в студенчестве много путешествовал. Добираясь до альпинистских лагерей, испытал на себе все виды транспортных

средств — от ишака до вертолѐта. Возможность летать самолѐтами появится только после 1980 г., когда на острове Беринга будет сооружена взлѐтно-посадочная полоса. Но, как правило, научные сотрудники до острова добирались морем.

Для учёных, особенно естествоиспытателей, результаты непрерывных наблюдений за исследуемым объектом являются информационно-научным сводом данных, позволяющим выяснять природные закономерности, делать прогнозы и выводы. Ф. Г. Челноков — единственный исследователь, проработавший на острове Медном четверть века. А это *двадцать шесть полевых сезонов*: конкретно с 1966 по 1987 и с 2000 по 2003 г. Полевые сезоны для него были событиями первостепенной значимости. Пропустить хотя бы одну экспедицию означало чуть ли не катастрофу. И здесь не помогали никакие уловки домашних, мечтавших о проведении отпуска вместе с главой семейства. По словам коллег, он стал неотъемлемой частью острова. Если имя В. Николаенко неотделимо от Долины гейзеров, то имя Ф. Челнокова — от острова Медный.

Даже близкие друзья добродушно подшучивали над его страстью к Медному. Сохранился юмористический экспромт «Песнь Командорского гостя (посвящается Ф. Челнокову)», написанный Э. Ширковым:

*День рожденья отпраздную свой,
И недолгими вновь будут сборы,
И лечу, наконец, я домой —
Командоры мои, Командоры!*

*Я лечу впереди самолѐта
И вдыхаю туман каждой порой,
Средь людей мне не можетя что-то
Командоры мои, Командоры!*

*Есть на Медном один уголок,
В дивных красках там лайда и горы,
Одинокий там вьѐтся дымок —
Командоры мои, Командоры!*

*Жизнь здесь всюду буквально кипит:
Выше леса растут мухоморы,
Всѐ живое торопится жить —
Командоры мои, Командоры!*

*Здесь уже я слегка «окотел»,
«Обморжею», наверное, скоро.
Очень много на острове дел —
Командоры мои, Командоры!*

Фред Георгиевич занимался изучением биологии почти всех видов млекопитающих острова: северных морских котиков, сивучей, песцов, каланов. На острове Медном находятся два лежбища: Юго-Восточное, протяжённостью 5,5 км, и Урилье — 4,0 км. Ежегодно для продолжения рода на них приплывают более 100 тыс. животных. Таковыми были его «медновские владения». Влияние промысла серых котиков на состояние популяций, их поведение на лежбище, миграционные пути, гаремный период жизни, внутривидовые взаимоотношения, человеческое влияние на численность популяции и многие другие вопросы были предметом исследований учёного.

Морские котики отличаются полигамностью, относительно большой продолжительностью жизни (30–40 лет), мигрируют на большие расстояния (в Японское море, к берегам Южной Америки). Очевидно, поэтому северный морской котик и стал его основным и любимым объектом. Как у любого исследователя, были у него свои наиболее «значимые» котики, за которых он «болел» годами.

Обязательная программа ведения наблюдений включает в себя определённый набор работ. Кроме ежедневных многочасовых наблюдений за животными и чтением меток, один раз в пять дней проводится общий учёт всех котиков на лежбище. В августе идёт мечение детёнышей, как правило, от одной до трёх тысяч особей. Охрана лежбищ и контроль котиковых промыслов — должностная обязанность сотрудников КО ТИНРО. Для выполнения такого объёма работ каждому учёному помогали технические работники — один или два лаборанта. По традиции, это были студенты-старшекурсники вузов — будущие специалисты-биологи.

До Ф. Г. Челнокова лежбища Медного, особенно Юго-Восточное, были не только не приспособлены для проведения наблюдений, но и опасны. Собственно остров представляет собой сложный горный массив. Вдоль него проходит Медновский хребет, крутые склоны которого, поросшие травой, падают вертикально в океан. В штормовую погоду иногда кажется, что этот ножевой хребет парусит под напором ураганного ветра. Мокрая трава на склонах и седловинах хребта, узкие карнизы над крутыми, почти вертикальными обрывами, не пропустили сопроводжали единственно возможный проход на 50–100-метровой высоте. «Вот и карабкайся, как знаешь! А внизу — острые пики скал, камни и сами лежбища. И если при падении не разобьёшься в лепёшку о камни, то котикисекачи уж точно не помилуют. И не потому, что они кровожадны, а защищая своё гаремное царство», — вспоминал Фред Георгиевич.

Для начала по крутым склонам Медновского хребта пришлось прокладывать тропы. Чтобы многотысячное Юго-Восточное лежбище было полностью доступно для обозрения и учёта, оборудовать непроходимые участки.

В природе не бывает мелочей, в ней всё закономерно и гармонично, и всё взаимосвязано. Многие природные экосистемы складывались веками. Фред Георгиевич обладал исключительной наблюдательностью, помогавшей ещё в журналистской работе докапываться до истины. Настоящий учёный-полевик, талантливый исследователь, он всегда тщательно отмечал все события и явления, происходившие в природе острова. Не замечая времени, мог часами сидеть на головокружительной высоте на свисающем над бездной уступе с биноклярной трубой и фотоаппаратурой. Через трубу вычитывал номера меток на лапах котиков. Занимаясь учётом, непременно увлекался художественной фотосъёмкой сюжетов из жизни своих подопечных. За всё время работы им отснято огромное количество фотоплёнок, не сотни — тысячи.

«Отличный скалолаз и неутомимый ходок, он мог пройти где угодно. Непреодолимых преград для него не существовало. Постоянные туманы и мороси не останавливали передвижений по острову, который он знал как нельзя лучше. Для него не составляло труда осуществлять рискованные пробежки от седловины к седловине, преодолевать десятки километров по камням, через непропуски и лабиринты рифов. А если прижимало приливом, шёл напрямик, через накат, выгадывая, чтобы не ударило волной о скалу. Для его предельно выносливой натуры это было не только нормой, а необходимой потребностью. Конечно, были и неординарные случаи в его практике. Однажды, по недостаточной опытности, испытал на себе зубы полусекача. Спасло то, что зверь оказался деликатно-добродушным и не стал в ярости мотать головой, иначе оторвал бы руку. Тогда всё обошлось, лишь на плече осталась отметина на память» (Л. Пасенюк. «Берег скупого солнца»).

Такая яркая, точная, правдивая характеристика, данная Фреду Георгиевичу, — не авторское преувеличение. Жизнь на острове была гораздо сложнее, и она ему нравилась. Исследователь не раз утверждал, что свой Медный ни за что бы не согласился променять на остров Беринга, где ему явно было бы скучно. В нём отлично сочетались неуёмная страсть к познанию и оправданный риск в постоянных путешествиях. Однажды он сказал: «Наука — это привилегия для очень здоровых людей. И если хочешь быть ей полезным, то надо работать, не щадя себя». Он так и работал.

Его творческим поискам, увлечённости, энергии и энтузиазму не было предела.

В 1968 г. учёный участвовал в подводных исследованиях котиков. Тогда на остров Медный прибыла группа спортсменов-подводников клуба «Океания» при Академии наук УССР для помощи в намеченных опытных подводных исследованиях каланов. Упустить возможность побыть с котиками в их родной стихии Челноков не мог. Вместе с Б. В. Хромовских спускался под воду в местах наибольшего скопления животных в районе Юго-Восточного лежбища и вёл многочасовые наблюдения. Это был первый подводный опыт, осуществлённый на Медном, и настоящий праздник для исследователей. Котики подпускали к себе на 7–10 м, и первые 10–15 минут вокруг аквалангиста кружился их целый хоровод. К большому сожалению Фреда Георгиевича, подводные исследования больше не проводились, так как они — прерогатива «чистой» науки. Но и сделанные наблюдения выявили новые факты из жизни котиков, позволили собрать интересный фотоматериал.

Успех прогнозирования численности морского зверя на лежбищах зависит от точности проведения учётов. Человеку дотошному, Ф. Г. Челнокову было крайне важным понять и обозначить принципы системы учёта. Решение поставленной задачи было найдено. Фред Георгиевич разработал методику районирования лежбищ. Благодаря его усилиям и активности все командорские лежбища котиков и сивучей были условно разбиты на сектора со своими названиями. Предложенная исследователем идея районирования прижилась и устоялась в науке. Теперь каждое лежбище имеет чёткую структуру. Такой, казалось бы, простой на первый взгляд подход позволил решить не только одну из ключевых задач — составление прогноза, но и намного облегчил её. Им была разработана и методика учёта котиков на Медном. Эти методические рекомендации для исследования командорских популяций стали основными, едиными и применяются в наши дни. И в этом, несомненно, огромная заслуга учёного.

Он применил собственную методику и приём мечения детёнышей на котиковых лежбищах. Кстати, так называемые «танки» — фанерные сооружения для безопасного прохождения по лежбищу, на Медном из-за сложности рельефа никогда не применялись. Учёный разработал и опробовал на практике приём чтения меток на живых животных. Сейчас он активно применяется в исследованиях биологии котиков и сивучей.

За каждым полевым сезоном следовал самый ответственный этап — составление рабочих отчётов, то есть научное прогнозирование промышленного изъятия котиков в предстоящем сезоне без ущерба для популяции.

Вообще, под защиту он брал любое зверьё. По возможности, даже обходил стороной, чтобы не спугнуть, спящих на тропе песцов. И так — двадцать шесть полевых сезонов и двадцать шесть научно обоснованных прогнозов. Компромиссные решения в пользу зверокомбината доставляли ему настоящие мучения. Но когда был уверен, то не боялся брать на себя полную ответственность. Отстаивая букву закона и обоснованность прогноза, категорически запрещал промысел. По этому поводу имел неприятности. Конечно, понимал необходимость промысла. Наблюдение и изучение влияния промысла на численность популяции требовали неизбежного его присутствия. В такое время его душевное равновесие нарушалось: на промысел глаза бы его не смотрели! Взаимная неприязнь имелась с браконьерами, которых, к сожалению, было немало.

Он умел ставить перед собой вопросы и на основании исследований решать их. Одновременно с программными наблюдениями работал над собственными темами. В неоднократных беседах с писателем Л. Пасенюком он, человек суховатый и ироничный, с восхищением говорил о безграничной мудрости и таинственности природы. Сколько лет занимается котиком, а тот всё равно остаётся загадкой, и не только для него. Одним словом, чем больше занимаешься наукой, тем больше она ставит перед тобой вопросов. Сетовал на отсутствие профессиональных знаний в области химии и математики, которые ему так необходимы. Не сомневался, что молодому поколению учёных будет полезен и его опыт.

Занимаясь исследованием фауны Командор, Фред Георгиевич стал настоящим знатоком природы. Умение связывать факты, понять и объяснить причины изменения популяции котиков помогало сделать правильные выводы. В одной из своих работ — «Динамика распределения котиков на лежбищах острова Медного в 1966—1986 гг.», вышедшей в 1996 г., учёный даёт обоснованное заключение. Распределение котиков на лежбищах тесно связано с состоянием их численности и антропогенным влиянием на режим лежбищ. Этот научный материал ценен тем, что собирался на протяжении более двадцати лет одним исследователем и по единой выработанной им методике.

Собрать достоверный многолетний полевой материал в условиях острова Медного — это уже научный подвиг. Более пятидесяти

исследовательских работ учёного опубликовано в специализированных научных изданиях. Кроме сугубо научных работ, его научно-популярные статьи печатались в газетах и журналах. Разумеется, все они написаны на основании только лично собранных материалов. Важно и то, что свои исследования он старался как можно скорее сделать достоянием научной общественности. Но публиковал только те материалы, которые считал самыми важными, самыми нужными, остальные оставлялись на обдумывание, дополнительное изучение.

Его отношение к собственной научной карьере было для многих коллег непонятным, у близких друзей вызывало недоумение. Без сожаления он отказался от предложенной московской аспирантуры. Доктор биологических наук, известный учёный В. А. Арсеньев, заинтересованный работами Ф. Г. Челнокова, мог стать научным руководителем его кандидатской диссертации. Позднее его близкий друг Э. И. Ширков, кандидат экономических наук, неоднократно и настойчиво убеждал в необходимости работы над диссертацией, но опять не хватало времени. Звания, учёные степени мало его беспокоили, не ущемляли самолюбия. Были дела поважнее.

Работа была для него самоотдачей, а не самоутверждением, творческим исканием, а не научной карьерой любым способом. Фред Георгиевич не только интересовался, а досконально знал труды и был знаком с исследованиями, проводимыми коллегами, особенно зарубежными. Им составлена уникальная аннотированная картотека из 10 тыс. наименований всех имевшихся работ в области биологии морских млекопитающих, в том числе зарубежных. В архиве учёного хранятся десятки собственноручно сделанных фотопанорам медновских лежбищ. Занимаясь фотоучётом, он подробно снимал все участки. Затем снимки аккуратно склеивались и крепились на тканевую основу, так появлялась очередная панорама. Они позволяли иметь полную картину лежбищ за определённое время. По ним он прослеживал по годам изменения численности животных, структуры лежбищ, береговой линии. Являясь достоверным материалом, эта работа, бесспорно, имеет важное научно-историческое значение.

Кстати, своеобразным достоянием родного коллектива были институтские стенгазеты, над которыми он работал вместе с Б. Б. Вронским. Этим общественным делом они занимались в перерывах между полевыми сезонами, когда весь «научный потенциал», по его словам, был в сборе. Газеты любили, они становились настоящим событием, коллектив института в течение недели веселился возле

каждого выпуска. В стенгазетах научная жизнь с её подводными течениями изображалась в карикатурном жанре, так как Борис Борисович Вронский был замечательным мастером шаржа. Юмористические стихи, порой не без едкого сарказма, сочинял Фред Георгиевич. Стенгазета КО ТИНРО была чуть ли не постоянным призером областных конкурсов.

Фантастическая экзотика острова Медного привлекала так же, как и знаменитая Долина гейзеров. На остров приезжали учёные и художники, журналисты и писатели, военные и чиновники всех рангов — гости, как именитые, так и без регалий. У каждого — свои цели. Американские и японские биологи посещали лежбища в порядке обмена опытом — увидеть командорскую популяцию котиков и систему их учёта. «Заграничные лежбища» Фреду Георгиевичу известны. В 1974 г. в составе научной делегации он побывал на островах Прибылова (США): «У американцев, на острове Святого Павла пятнадцать лежбищ да шесть на острове Святого Георгия, и к каждому проложена шоссейная дорога! И система учёта у них совершенно иная, «на глазок», что, конечно, позволительно, имея около миллиона котиков». Ну и, разумеется, следовало очередное утверждение, что Медный — это самый лучший остров. «Доктору Ф. Г. Челнокову» неоднократно присылались приглашения «пожаловать на приём...» от послов Японии и США в СССР. Хотя на званных приёмах он не присутствовал, получать подобные приглашения было приятно.

В разные годы на острове работали наши научные экспедиции, советские учёные с мировым именем — В. А. Арсеньев, С. В. Мараков. Челноков особенно был рад приезду С. В. Маракова (1967, 1969), которого считал своим учителем. С Сергеем Владимировичем, проводившим исследования на Командорах десять лет (с 1952 по 1962 г.), обсуждались многие вопросы.

Вероятно, нет ни одного камчатского художника, который хотя бы раз не побывал на Командорских островах. Народный художник России Ф. Г. Дьяков дважды (в 1975 и 1985 гг.) был гостем Фреда Георгиевича, там он написал цикл работ, посвящённых острову Медному (на этюде, подаренном Фреду Георгиевичу, изображена известная медновская лестница). Впервые он приехал вместе со своим другом — талантливым московским художником Р. И. Яушевым (позже заслуженный деятель искусств РФ, заслуженный художник РФ). О Челнокове в своих книгах («Иду по Командорам», «Берег скупого солнца») рассказал Л. М. Пасенюк, известный писатель, историк и краевед, лауреат премии имени

С. П. Крашенинникова. Леонид Михайлович долгое время жил в селе Никольское на острове Беринга и хорошо знал Челнокова.

13 июля 1976 г. Фред Георгиевич завёл особую тетрадь для «Регистрации лиц, посетивших Юго-Восточное лежбище». В примечании на её оборотной стороне его рукой написано: «Тетрадь заведена на примере традиции, существующей в учебном охотхозяйстве Кировского сельскохозяйственного института, факультет охотоведения».

Для вышестоящих лиц Ф. Г. Челноков был не совсем удобным человеком, вернее, неудобным. Свобода его поведения, независимость суждений вызывали неоднозначные отклики. Как учёный, он имел своё видение возникавших научных и текущих сложностей. Принципиальные разногласия (особенно по методике учёта) рождали споры, в которых он всегда обоснованно отстаивал свои убеждения. Достойных оппонентов он уважал, понимая, что споры — это естественный научный процесс. В конце 1980-х гг. в коллективе лаборатории произошёл не научный, а скорее околonaучный раздор. Соперничество в этической плоскости вызывало у Фреда Георгиевича раздражение. К тому же учёными степенями он не был защищён. Несколько лет надеялся на понимание и поддержку коллектива, а потом ушёл из института на пенсию. Собственное достоинство было для него превыше всего.

Старая гвардия учёных — золотой фонд КО ТИНРО. Многие из тех научных сотрудников, которые вынуждены были уйти на покой, хотели и могли плодотворно работать. Несомненно, от труда Ф. Г. Челнокова наука только бы выиграла. Ведь остались необработанными рабочие материалы, фотоснимки, собранные за многие годы. «Их у него этакая силища! Выводы могли быть значимыми и иметь ценность именно потому, что это анализ собственных многолетних научных исследований», — считали его коллеги. В разговорах с друзьями называл себя «симулянтом по неволе» и надеялся на продолжение исследований. Когда в 2000 г. был приглашён в экспедицию на остров Медный, не скрывал радости, был по-настоящему счастлив.

Исследования Ф. Г. Челнокова внесли значимый вклад в изучение структуры экосистемы острова Медного. Его научные работы весомы и основательны, это признают все специалисты. Сбранного им материала хватило бы не на одну диссертацию. В кругах биологов России, Японии и Америки имя Ф. Г. Челнокова пользуется заслуженным авторитетом. Имя — больше, чем любое звание. Докторов наук много, имя же одно-единственное.

Биолог, доцент Всесоюзной государственной сельскохозяйственной академии Е. Г. Мамаев, работавший с учёным на Медном, оценивая его труды, сказал: «Нам ещё предстоит оценить всю величину того вклада, который Фред Георгиевич внёс в изучение Командор. В этом плане ему нет равных. С полным основанием Челнокова можно поставить в ряд таких выдающихся исследователей фауны Командорских островов, как Г. Стеллер, Е. К. Суворов, И. И. Барабаш-Никифоров, Е. Д. Ильина, С. В. Мараков» («Неизвестная Камчатка». Петропавловск-Камчатский, 2005. № 1).

Альпинизм, краеведение. Альпинизм — очень надёжная проверка не только мужества, выносливости, но чистоты и порядочности отношений между людьми. Со своим другом Анатолием Соповым Фред познакомился в институте. Они учились на одном факультете, вместе занимались альпинизмом и одновременно стали перворазрядниками. Каждое лето Фред и Анатолий отправлялись в альпинистские лагеря. За годы учёбы они побывали в большинстве горных районов СССР, имели большой опыт горных восхождений. Не раз потрясённые и счастливые друзья в обнимку стояли на вершинах суровых неприступных гор. После окончания института они вместе приехали на Камчатку и, чтобы не разлучаться, оба согласились работать в Соболевском районе.

Свои успехи в альпинизме Фред объяснял тесным сотрудничеством альпинистских секций Херсона и Одессы. Руководителем одесских альпинистов был А. В. Блещунов, он же возглавлял спасательную службу в альплагерях, где проходили спортивные сборы. Выпуская группу на восхождение, он безжалостно предъявлял участникам самые высокие требования. Особое внимание Александр Владимирович уделял воспитанию таких качеств, как ответственность и взаимовыручка — альпинистских норм поведения. Привитые учителем навыки безоговорочного соблюдения дисциплины и правил техники альпинизма стали для Челнокова незыблемыми на всю жизнь. Фред Георгиевич очень гордился тем, что его наставником был А. В. Блещунов. Александр Владимирович был не только известным спортсменом, но и почётным гражданином города Одессы.

Там, где есть горы, обязательно будут и восходители. Из литературы известны восхождения на камчатские вулканы, совершённые ещё в XVIII в., но впервые целенаправленно ими стало заниматься «Общество изучения Камчатки», созданное выдающимся учёным П. Т. Новограбленовым в начале XX в. Более четырнадцати лет Прокопий Трифонович посвятил исследованию вулканов,

совершая восхождения на многие из них. Организовывал и проводил научные экспедиции, привлекал население к наблюдению за «домашними» вулканами. В 1933 г. вышел его исследовательский труд — первый «Каталог вулканов Камчатки». В нём описано 127 вулканов полуострова, из них 19 действующих.

После войны освоение альпинистских маршрутов продолжало новое поколение камчатских любителей гор. В 1955 г. состоялась первая дальневосточная альпиниада. Камчатские спортсмены совершили восхождения на Корякский, Авачинский, Кроноцкий вулканы. Группа альпинистов, прибывшая из Хабаровска, поднялась на вершины Ключевского вулкана и сопки Плоской Ближней. В 1956 г. экспедиция из четырёх человек (руководитель А. И. Яцковский, Хабаровск; члены Г. Г. Шелинский, Ленинград; В. Д. Милованович и Э. Н. Эрлих, Петропавловск-Камчатский) впервые взойшла на Ичинский вулкан. В мае 1957 г. камчатские альпинисты вновь на вершине Корякской сопки, а через год впервые выполнили траверс, то есть прохождение с последовательными подъёмами и спусками, без возвращения в лагерь, двух вулканов (Корякский и Авачинский). Руководил экспедициями М. П. Яськин.

К середине XX в. стала очевидна необходимость официальной организации для альпинистов и туристов области. *В марте 1958 г. при областном спортивном комитете была создана первая Камчатская альпинистско-туристская секция.* Председателем избрали М. П. Яськина, его заместителем — В. И. Семёнова, одновременно возглавлявшего и городскую туристскую секцию. Сразу же началась активная подготовка экспедиции на вулкан Камень. Поэтому приезд в Петропавловск в июне 1958 г. квалифицированных альпинистов Ф. Челнокова и А. Сопова был как нельзя кстати. В комитете по физической культуре и спорту (куда сразу обратились альпинисты) были рады пополнению спортивных рядов — сразу два перворазрядника на Камчатке! Состоялся обстоятельный разговор заинтересованных сторон. Разумеется, друзья были счастливы и готовы принять участие в предстоящем восхождении. А пока вопрос будет решаться, им порекомендовали обязательно отыскать В. И. Семёнова, работавшего в Дальгипропрорыбпроме. Тем более, что все участники экспедиции находились на тренировочном восхождении. Уже в то время Владимир Иванович был абсолютным авторитетом в камчатском самодеятельном туризме. Созданная им в 1944 г. альпинистско-туристская секция при Дальгипропрорыбпроме была самой популярной и, возможно, единственной в городе. Вскоре встреча состоялась, и Владимир Иванович

предложил друзьям принять участие в восхождении на Авачинский вулкан, намечавшийся на ближайшее воскресенье. День выдался солнечный. Участники экспедиции разделились на три группы, и каждая имела своё задание. Группа, в составе которой были Челноков и Сопов, преодолев высоту, без приключений поднялась на кратер. Ещё в Херсоне ребят больше волновала не предстоящая работа, а именно встреча с вулканами Камчатки. Уже десятки раз друзья стояли на вершинах гор, но у кромки кратера действующего вулкана — впервые. Позже Фред сам будет водить группы на камчатские вулканы, но кратер той Авачи он помнил и через сорок пять лет, ведь к такому зрелищу привыкнуть невозможно. Так состоялось знакомство с В. И. Семёновым и первое восхождение на первый в своей жизни вулкан — Авачинскую сопку.

Мысли о подъёме на Камень не давали альпинистам покоя. В Соболеве они с нетерпением ждали решения вопроса о составе группы. Вскоре пришёл вызов, оба спортсмена приглашались в экспедицию. К большому огорчению друзей, с работы отпустили только одного Фреда.

Разрешая восхождение, облспорткомитет брал на себя большую ответственность. Во-первых, скромная спортивная квалификация большинства участников — 3-й разряд по альпинизму. Во-вторых, предстояло покорить самую сложную гору, где ещё никто никогда не бывал. Кроме того, год назад, в 1957 г. при спуске с Ключевской сопки погиб альпинист. Поэтому и было согласовано освобождение Челнокова от работы на время экспедиции. Распоряжением председателя комитета по физкультуре и спорту А. К. Никулина он был назначен руководителем штурмовой группы. Экспедицию Фред догнал уже в Козыревске. А 27 июля 1958 г. камчатские альпинисты совершили первовосхождение на вторую по высоте (4 575 м) и самую труднодоступную вершину полуострова — вулкан Камень. Первопроходцами стали: начальник экспедиции М. П. Яськин, руководитель штурмовой группы Ф. Г. Челноков, участники З. А. Иванова, Г. Д. Иванов, Г. В. Моравец и С. М. Трубицин. Сложность маршрута тогда была оценена как 3-б — теперь это маршрут высшей категории сложности.

Вулкан Камень — грозная и величественная машина, славящаяся ледниками и скальными стенами. Экспедиция была чрезвычайно сложной. Она длилась 22 дня, из них 17 альпинисты находились в горах, и пять заняло восхождение. До подножия горы экспедиционный груз перевозили на семи лошадях. Трудности

появились уже в начале пути. Июль — самый комариный месяц. Огромное гудящее облако насекомых окружало каждое живое существо. От кровососов не было спасения ни животным, ни людям. И только с набором высоты пришло облегчение. Туманы, проливные дожди и мокрый снег попеременно преследовали группу. Экипировка альпинистов соответствовала времени: свитера, штормовые костюмы, пропускающие влагу. Одежду постоянно приходилось сушить. При восхождении регулярно велась разведка. Фред с одним из альпинистов шли вперёд, оценивая обстановку и прокладывая маршрут. Испытали всё: и холодные, трудные ночёвки на высоте, когда оттирали друг другу руки и ноги; и страшную штормовую ночь, когда ураганный ветер сносил палатки; и камнепады, когда сплошным потоком проносятся глыбы и со свистом летят увесистые бомбы, и страшную, до изнеможения, усталость. Но у каждого восходителя были воля и упорство, вера в себя и своих друзей.

Как бы тяжело ни было участникам экспедиции, их руководителю всегда труднее, так как именно ему приходится делать выбор и принимать окончательные решения. Безусловно, профессиональный опыт Ф. Г. Челнокова, единственного перворазрядника в группе альпинистов, его грамотное руководство восхождением, умение принимать верные решения в сложной обстановке позволили выполнить намеченное. И психологически труднее всех приходилось Фреду. Во-первых, он почти не знал возможностей спутников, познакомившись с ними только в дороге. Во-вторых, всё время его держала в напряжении ответственность за жизнь людей. В-третьих, он ни на минуту не забывал о долге перед своим учителем А. В. Блещуновым. К тому же, руководитель оказался самым молодым в группе, ему тогда исполнилось лишь 23 года.

Экспедиция оказалась замечательной и осталась в памяти каждого восходителя. О ней они столько мечтали и, наконец, первыми стояли на самой труднодоступной вершине Камчатки. Пока группа отдыхала и собиралась в обратный путь, Ф. Челноков и Г. Моравец сходили на вулкан Безымянный. От предложения Георгия устоять было трудно, тем более что вулкан — совсем рядом. Всё восхождение на Безымянный, подъём и спуск, заняло три часа десять минут.

Через сорок пять лет, вспоминая первое восхождение на Камень, Фред Георгиевич сказал: «Я и сейчас уверен в том, что без меня группа могла попасть в непредсказуемую ситуацию. Обстановка была очень сложной. Ветер обнажил ледники. На крутом склоне, покрытом льдом, кошки почти не держали. Приходилось постоян-

но рубить ступени и провешивать верёвки. (Спускались по 120-метровой верёвке. — *Т. III.*) Я шёл последним и обеспечил спуск всей группе без жертв. А они могли быть. Примечательно то, что все участники восхождения были камчатцами и проявили чудеса целеустремлённости, мужества и выносливости».

Первое восхождение на вулкан Камень навсегда вошло в историю камчатского альпинизма, а 27 июля 1958 г., день достижения вершины, стало отсчётом спортивного альпинизма на полуострове. И сегодня восхождение на вершину вулкана Камень является одним из самых технически сложных альпинистских маршрутов и заветной целью многих опытных спортсменов.

В январе 1959 г. состоялся первый лыжный поход Ф. Челнокова из Соболево в Петропавловск-Камчатский. С Эдуардом Ширковым, тогда секретарём Соболевского райкома комсомола, он был уже знаком. Идея похода возникла после разговора о восхождении на Камень. Поход, как тогда было принято, посвящался очередному съезду КПСС. Руководил группой Э. Ширков, ему по должности полагалось быть ответственным, Ф. Челноков его замещал. Состав группы — семь молодых (самому старшему 25 лет) крепких парней, из них наиболее подготовленным был охотник Н. Хаустов. Преодолев за 11 походных и девять ходовых дней более четырёхсот километров, группа в назначенное время пришла в Петропавловск, ежедневно проходя 45 и более километров. Шли без палатки, так как вес рюкзаков на выходе превышал 40 кг, потому маршрут проложили через брошенные посёлки, служившие местом для ночёвок. Путь из Соболево в Петропавловск проходил через Пымту, Усть-Большерецк и Начики. Самым сложным оказался переход из Усть-Большерецка в Начикинский совхоз. В тот день мела позёмка, рыхлый глубокий снег мешал идти быстро. Чтобы не сбиться с пути, шли по телеграфной линии. К тому же столбы служили прекрасными ориентирами для того, чтобы вовремя сменить впереди идущего. Приходилось постоянно тропить лыжню, поэтому менялись через каждые пять столбов. Глубокой ночью лыжники вышли к посёлку. Отыскав контору совхоза, они наконец-то могли отдохнуть. Заботливый сторож всю ночь топил печку. И тут Фред Георгиевич сжёг свои лыжные ботинки. Выручил директор совхоза, где-то раздобывший солдатские башмаки, которые прибили к лыжам гвоздями. На торжественной встрече у здания обкома партии группа проявила стойкость и товарищескую солидарность: как и Фред, дипломы и награды за совершённый переход ребята получали, не снимая лыж.

Молодёжь 1960-х гг. — наверное, самое романтическое и бескорыстное поколение. Тогда за туманами, чудесами, к «живым» вулканам ехали на край света. Вполне естественно, что Камчатка была притягательной для молодых специалистов, занимавшихся альпинизмом. Спортсмены, приехавшие с «материка», имели более высокий уровень подготовки, а главное — желание передать свои знания и опыт местным. После ярких публикаций об экспедиции на Камень, массовых восхождений на Авачу в Петропавловске резко возросло число увлечённых альпинизмом. Инициативные группы любителей гор появились в Военморпроекте, на судовой верфи, городской электростанции и других предприятиях. К сожалению, сектор альпинизма альпинистско-туристской секции не смог организовать курс подготовки для всех желающих заниматься этим видом спорта.

Вопросы улучшения работы секции обсуждались на скамейке в сквере обкома КПСС, у памятника Лаперузу. В этом импровизированном «слёте» участвовали Ф. Челноков, А. Сопов, Ю. Банников, В. Малыгин, В. Сергеев, С. Марченко, Р. Кан и другие любители гор. Их мнение было поддержано. *В августе 1959 г. при областном комитете физкультуры и спорта организуется Камчатская областная альпинистская секция* (областной совет по туризму, который возглавит В. И. Семёнов, будет создан позднее, в 1963 г.). Секцией с 1959 по 1961 г. руководил Юрий Банников, главный инженер городской электростанции. Он, как и Ф. Челноков, приехал на Камчатку в 1958 г., также пять лет учёбы в Уральском политехническом институте Свердловска совмещал с альпинизмом, имел 2-й разряд, был членом правления Свердловской федерации альпинизма. И хотя Фред в это время не жил в Петропавловске, он, по утверждению Ю. Банникова, всегда был «мозгом» экспедиций и «генератором» новых идей [20].

В начале осени 1959 г. московским кинодокументалистам, снимавшим фильм о камчатских вулканах, потребовалась помощь наших альпинистов. Экспедицию, куда входили съёмочная группа, вулканологи, альпинисты, организовала альпинистская секция и самое мощное в то время Добровольное спортивное общество «Труд». Среди представителей секции опытные альпинисты: Ф. Челноков (зоотехник), председатель секции Ю. Банников и А. Пузанков (инженеры-электрики), В. Малыгин (морской офицер) и С. Трубицин (фотограф). Все они работали, и собрать их было довольно трудно. В очень тяжёлых условиях камчатской осени альпинисты помогли кинооператорам достичь вершины Ключевской сопки (4 835 м), а затем дали им возможность снять

кратер самого высокого и наиболее активного вулкана Евразии. Позднее съёмочная группа создаст два документальных фильма о вулканах Камчатки. Кроме того, спортсмены успели поработать на себя — провели предварительную разведку территории Ключевской группы вулканов для организации здесь будущих альпиниад. И каждое восхождение, тем более категорийное, приносило им бесценный опыт. Руководил экспедицией Ф. Г. Челноков.

После завершения журналистских курсов в Москве, летом 1961 г. Ф. Челноков вместе с Ю. Банниковым и А. Соповым окончил школу инструкторов альпинизма на Кавказе. В то время альплагерем Джан-Туган руководил один из выдающихся спортсменов страны В. М. Абалаков. Челноков и Сопов подтвердили, а Банников выполнил норматив 1-го разряда по альпинизму.

Работая в редакции газеты «Камчатский комсомолец», Фред Георгиевич одновременно возглавлял альпинистскую секцию при ДСО «Труд». В неё перешло большинство квалифицированных альпинистов Камчатки, и прежняя секция перестала существовать. Несколько альпинистов были членами ДСО «Спартак». Деление по принадлежности к обществам было чисто формальным — для получения снаряжения, путёвок в альплагеря и финансовых средств. На деле же секция работала как единое целое. Ею руководил избранный президиум из семи человек, председатель — Ф. Челноков. Активно действовала маршрутная комиссия. Теоретические занятия и сборы шли в подвальном этаже здания обкома комсомола. Активисты секции часто собирались в квартире Челноковых. Здесь рождались идеи, обсуждались маршруты, намечалась работа секции, искались решения многочисленных сложностей. Спорили и балагурили, при этом не забывали гонять чай. Иной раз ребята расходились уже под утро. Фред мог зажечь их своими идеями, убедить в возможности выполнения. Ну, а когда идеи овладевают массами, то и вершины гор становятся ближе.

Имелась значимая цель, шла активная молодость, была любимая Камчатка. Было интересно, а потому челноковская команда работала много и результативно. Организовывали и проводили спортивные и массовые восхождения, своими силами готовили значкистов «Альпинист СССР», описывали горные маршруты Камчатки для включения их во всесоюзную классификационную таблицу, выбивали снаряжение и путёвки в «большие горы»: на Кавказ, Памир, Тянь-Шань, то есть в альпинистские лагеря на «материке». Извещали население о спортивной жизни секции, много и плодотворно сотрудничали с вулканологами и геологами. И это только

краткий перечень основных дел. А ведь каждому из них предшествовала огромная организационная работа, связанная с решением массы вопросов и сложностей! Всё это делалось, естественно, на общественных началах, что было нормой советского времени. Более того, к этому времени укрепились связи с альпсекциями из Перми, Свердловска, Темир-Тау, Хабаровска, они ширились, охватывая новые регионы Союза. Камчатку в альпинистских кругах уже не только знали — сюда стремились.

Уже в 1960-е гг. Фред Георгиевич первым отметил и объяснил сложность восхождений на камчатские вершины: «Высота Корякской сопки 3 456 метра над уровнем моря. Как будто не очень и много, если принимать в расчёт только высоту. Но если считать длину пути от подножия вулкана до его вершины, получается приличная цифра. Чтобы вступить на высшую вершину Европы — Эльбрус, человек может доехать на машине до отметки 3 700 и потом 1 900 метров преодолеть пешком. Если же он решил побывать на Корякской сопке, машина преодолет только первые 800 метров, остальные придётся дошагивать своими ногами. Вот в чём отличие камчатских вершин от любых других. Вот почему восхождения у нас зачастую физически труднее, чем где-либо на Кавказе или Тянь-Шане» [6].

Горы и вулканы не только покоряют своим могуществом, разнообразием, красотой, но и постоянно ставят перед альпинистами сложные и интересные задачи. Члены секции совершили восхождения на: Авачинский вулкан (22 июля 1962 г.), Козельскую сопку (9 июня 1963 г., 13 чел.), Вилучинский вулкан (22 июня 1963 г., 28 чел.). Намеченный траверс трёх вулканов ограничился подъёмом на Корякскую сопку (с 4 по 13 апреля 1962 г., 6 чел.).

Инициатором совершения *первого зимнего траверса* трёх вулканов (Корякского, Авачинского, Козельского) и его руководителем был Ф. Г. Челноков. Был разработан маршрут, проведены тренировки на скалах. Но 8 апреля 1962 г., при спуске с вершины Корякского вулкана, неожиданный яростный порыв ветра сбросил в крутой снежный кулуар первую связку-тройку. Не помогли и ледорубы. Трое спортсменов — А. Сопов, В. Малыгин, Ф. Челноков — получили серьёзные травмы. Тогда решили: Ю. Банников, А. Пузанков, А. Горшков уйдут вниз, чтобы отыскать у подножия землянку, забрать продукты и вернуться к оставленным товарищам. А трое «дважды рождённых» пять суток провели в снежной пещере на урезанном рационе. «И все эти пять суток шумела пурга. Ветер то ненадолго стихал, то вновь грохотал ураганом,

превращаясь на высоте в беснующееся чудовище. Но борьба со стихией была и всегда будет. И в ней человек учится побеждать» [3]. Фред, как руководитель, не снимал с себя ответственности за проявленную неосторожность. Но эти форс-мажорные обстоятельства в горах были единственными в его спортивной жизни.

В том же, 1962-м, году альпсекция организовала и 22 июля провела массовое восхождение на Авачинский вулкан. В нём участвовали 160 чел. На кратер вулкана поднимались двумя группами. Со стороны Елизова туристов вёл Ф. Челноков, радыгинской группой руководил Ю. Банников. Кроме того, восходители проявили инициативу и помогли занести вулканологам доски для постройки наблюдательного стационара на кратере Авачи.

Первые массовые восхождения на Авачу, организованные исследователем Камчатки П. Т. Новограбленовым, проводились уже в начале XX в. Сопка Козельская оставалась неисследованной и, конечно, привлекала альпинистов. До экспедиции под руководством Ф. Челнокова, совершённой 9 июня 1963 г., на вершине этого вулкана побывали только два человека. Альпинисты секции совершили восхождение на так называемый «Зуб» Козельской сопки. Исследовали безопасные пути подъёма и спуска. С тех пор проложенный маршрут используется для массовых восхождений при сопровождении опытных инструкторов. Из описания Ф. Челнокова: «Вершинный гребень Козельской сопки длинен и почти горизонтален. Лишь в нескольких местах его однообразие нарушается несколькими выступами — вершинами. Самый заметный выступ, “Зуб”, находится посередине гребня, но и он из города кажется крошечным. Мало кто представляет, что этот “Зуб”, сложенный из андезита, равен по высоте примерно двенадцатиэтажному дому. С трёх сторон он совершенно отвесен, и только с четвёртой к нему ведёт узкая перемычка, с обеих сторон которой зияют пропасти» [6].

1963 г. для Ф. Челнокова, профессионального альпиниста, организатора альпинизма, стал особенно значимым. В августе состоялась *первая камчатская олимпиада в районе Ключевской группы вулканов*, посвящённая 40-летию советского и камчатского альпинизма. Она блестяще решила поставленные задачи, как научную (руководитель А. Горшков), так и спортивную (руководитель Ф. Челноков). Челноков возглавил восхождения на Толбачик, Камень, Безымянный, Ключевскую сопку. «Юго-западной стене Камня, пожалуй, нет равных в стране. Во всяком случае, я о такой не знаю. И по-видимому, настанет время, когда альпинисты, облазившие

труднейшие вершины Кавказа и Тянь-Шаня, будут приезжать к нам на Камчатку, чтобы испытать себя здесь. Зрелище с вершины Камня потрясает. Под ногами — колоссальный обрыв. Если упасть в него, то первые две с половиной тысячи метров пронесёшься в свободном полёте...» [5].

В течение месяца 13 участников альпиниады проделали огромную работу, преодолевая погодные, организационные, транспортные (ведь только экспедиционного груза было 1 300 кг) трудности. Они исследовали район Ключевской группы вулканов, прошли и отквалифицировали пять новых альпинистских маршрутов. Восемь спортсменов *впервые, не выезжая за пределы области*, выполнили разрядные нормы.

Иерархическая лестница в альпинизме отшлифована годами, проверена поколениями. С купленным званием в горы не пойдёшь. Разряд, звание точно соответствует опыту и подготовке спортсмена. Исключения из правил крайне редки. Нынешнее время не является особенным, наоборот — нормативы стали ещё жёстче. Школы альпинизма в советское время были разными. Но обучение везде основывалось на трёх основах: строжайшая дисциплина, отличное знание тактики и владение техникой.

Так учили и на Камчатке. И если на советах, заседаниях Фред был «своим человеком», то на практических занятиях, не говоря уже о восхождениях, экспедициях, он становился совсем другим, требовал жёстко и категорично. Новички, в дальнейшем связавшие жизнь с альпинизмом, это оценивали позднее. Они и сами потом становились такими же «инструкторами-узурпаторами».

При Челнокове требования к дисциплине альпинистов заметно возросли. Технике восхождений обучали основательно. В горах каждый рассчитывать должен на себя, а если потребуется, то суметь оказать необходимую помощь другим. Постоянные скальные, ледовые, снежные занятия сменялись тренировочными восхождениями на вулканы. После каждого проводились не всегда лицеприятные, но обязательные разборы. Как в походе альпинисты обязаны безоговорочно выполнять требования инструктора, так на разборах каждый должен был дать обоснованную оценку действиям: своим, инструктора и группе в целом. Такая оправданная методика подготовки позволяла воспитывать думающих альпинистов-профессионалов.

Инструктор-разрядник, имеющий опыт восхождений высших категорий сложности и опыт руководства группой, как никто знает, что такое вершины гор и через что должны пройти ребята, чтобы

подняться на них. Начинающие альпинисты обязаны свято чтить и выполнять кодекс альпинизма. Если это вам не по силам, то извините, не туда попали. Горы требуют к себе почтительного уважения, в отношениях не терпят панибратства, тем более расхлябанности. Порой даже за малейшую оплошность приходится платить слишком дорого.

Афоризм «инструктор — первый после Бога» рождён в среде первого поколения советских альпинистов, хотя в «Справочнике альпиниста» это утверждение сформулировано по-другому, но суть остаётся той же. Ибо инструктор несёт полную ответственность за жизнь каждого подопечного. «Хотя риск и неизбежен, но альпинизм может и должен быть безаварийным», — утверждал Ф. Г. Челноков. Его лаконичное предупреждение: «Будешь возражать — отстраню от восхождения» — знали все, не только новички. Это был не всегда понятный аргумент, но самое страшное наказание, и его боялись больше всего. Соблюдение строгой дисциплины было первым условием. «В альпинизме строже, чем в армии», — запугивали новичков. По этому поводу хитромудрый Виктор Сергеев посвятил «непоколебимому и любимому Фреду» шуточный экспромт (1962 г.):

*Одесским блеском Блещунова он озарён.
Дай бог ему такую же удачу!
Пусть альпинисты все заплачут,
Но дисциплину соблюдём!*

В это время Фред часто встречался с В. И. Семёновым. Оба деятельно участвовали в работе спортивных активов, заседаниях, проводимых областным советом по туризму и экскурсиям и областными советами ДСО. Владимир Иванович представлял камчатских туристов, Фред Георгиевич — альпинистов. При встречах они обменивались впечатлениями о пройденных маршрутах, делились замыслами.

В апреле 1964 г. ДСО «Труд» и «Спартак» объединились под эгидой «Спартак». Соответственно и альпсекция изменила название, сохраняя областной статус. На основании постановления президиума Камчатского облсовета ДСО «Спартак» Ф. Г. Челноков назначен общественным председателем областной секции альпинизма ДСО «Спартак» (удостоверение № 02 от 15 июня 1964 г.). Секция продолжила работу. Приоритетным по-прежнему оставалось привлечение молодёжи и подготовка инструкторских кадров. Решая первую задачу, провели первый слёт альпинистов на Камчатке,

значительно пополнивший ряды новичков секции. Замечательные статьи и очерки, рассказывавшие о каждом восхождении, о жизни секции, были лучшей пропагандой альпинизма.

В 1964 г. 10 чел., пройдя полный курс альпинистской подготовки, получили значок «Альпинист СССР». Шестеро из них, выполнив норматив 3-го разряда в лагерях Кавказа, дополнили ряды младших инструкторов. Альпинисты организовывали и обеспечивали безопасность массовых восхождений на Авачу. Начиналось последовательное исследование альпинистских маршрутов в районах Вилучинского вулкана, Вачкажца, Ганальских Востряков.

Группа Ф. Челнокова первой изучила и открыла новый альпинистский район — Ганальских Востряков. Здесь словно специально собраны вершины всех категорий сложности — от простейших «единичек» до сложных «пятёрок». Сегодня Ганалы — это уже большой альпинизм, только они имеют маршрут высшей (5-б категории) сложности. Даже альпинисты иногда в шутку величают их «Камчатским Эверестом», настолько технически сложны восхождения на эту «Зубчатку».

В «Классификатор альпинистских маршрутов на горные вершины России» (М, 1999) вошли три восхождения, совершённые группой под руководством Ф. Г. Челнокова:

— вулкан Камень (4 575 м), первопрохождение, маршрут 3-б категории трудности, с северо-запада, 1958 г.;

— вулкан Большая Удина (2 943 м), первопрохождение, маршрут 3-а категории трудности, северный гребень, 1962 г.;

— вулкан Корякский (3 456 м), первопрохождение, маршрут 2-а категории трудности, юго-восточное ребро, 1962 г.

По предложению Челнокова был разработан маршрут и готовился траверс пяти пригородных вулканов (Козельский, Авачинский, Корякский, Ааг, Арик). Но только в 1980 г. и только со второй попытки траверс впервые совершила группа под руководством Михаила Острогорского. Кроме этого, Фред Георгиевич принимал участие в организации и проведении геологических походов среди учащейся молодёжи (в 1964 г. он награждён нагрудным знаком «Отличник разведки недр»).

Как руководитель, Ф. Г. Челноков отчётливо осознавал, что для дальнейшего успешного развития альпинизма на Камчатке секция должна выходить на новый уровень. Предложенная им концепция была убедительна. Полуостров имеет идеальную возможность (вулканы) организации альпинистской базы, могущей стать центром подготовки альпинистов всего Дальнего Востока.

Здесь можно проводить спортивные мероприятия самого высокого уровня. Камчатские альпинисты могли бы регулярно повышать своё спортивное мастерство, не выезжая в дальние регионы. Наконец, наличие подготовленных специалистов важно для исследования и классификации альпинистских маршрутов полуострова. Давно назрела и необходимость создания контрольно-спасательной службы (КСС) для помощи в экстремальной обстановке. С предложениями и доводами руководитель альпинистов обращался в органы местной власти. Для привлечения внимания к сложностям камчатских альпинистов Фред Георгиевич написал статью «Дым над вулканами», опубликованную 23 июня 1964 г. в газете «Советский спорт». На неё откликнулись ведущие альпинисты страны. В камчатский областной Совет профсоюзов пришло письмо, подписанное руководителями и мастерами спорта по альпинизму. Среди них были: председатель секции альпинизма Центрального совета ДСО «Спартак», заслуженный мастер спорта В. А. Кизель; члены президиума секции, заслуженные мастера спорта СССР В. М. Абалаков, Я. Г. Аркин, А. С. Угаров; почётный мастер спорта СССР Р. И. Иванов; председатель секции альпинизма российского Совета ДСО «Спартак» Н. И. Родимов; члены президиума секции — заслуженный мастер спорта СССР, член президиума федерации альпинизма СССР Л. Н. Филимонов, почётный мастер спорта СССР Г. Л. Аграновский.

Готовясь к общему собранию, Ф. Г. Челноков разработал перспективный план работы секции на 1965—1967 гг. и проект устава областной альпинистской секции ДСО «Спартак». 17 января 1965 г. состоялось ежегодное отчётно-выборное собрание, на утверждение которому были предложены разработанные документы. Проект устава не был принят из-за слишком, по мнению большинства, жёстких условий раздела «Обязанности». С мнением большинства — людей, недавно пришедших в альпинизм, руководитель согласиться не мог. Компромисса не получалось. Ф. Г. Челноков предложил освободить его от руководства секцией. После продолжительных и горячих дебатов председателем на очередной срок был избран В. Сергеев.

Ф. Г. Челноков был авторитетным идеологом и организатором камчатского альпинизма. Вокруг него, как направляющей оси, вращалась альпинистская жизнь. Выделяя её «челноковский» период, В. С. Сергеев, ветеран альпинизма, руководитель секции, кандидат в мастера спорта, скажет: «С приходом Челнокова камчатский альпинизм стал массовым. Пестовал народ альпинистский, но и требовал

жёстко. Члены секции были так подготовлены, что и после ухода Фреда не было ни одного случая травматизма. По большому счёту, базу для высотного альпинизма заложил Фред. Это ведь с его подачи будут на Камчатке свои и снежные барсы, и мастера спорта». Новому председателю Челноков оставил устойчиво действующую секцию. В январе 1965 г. в ней насчитывалось 60 чел., из них 16 разрядников и 14 значкистов. За четыре года альпинистская секция превратилась в центр подготовки спортсменов, готовых к самым сложным восхождениям. Вся эта огромная работа велась для осуществления цели, поставленной Фредом Георгиевичем: вывести камчатских альпинистов на союзный уровень. В 1966 г. за активную спортивно-массовую работу среди молодёжи Ф. Г. Челноков награждён грамотой ЦК ВЛКСМ.

Конечно, уход из секции не был для него безболезненным, но и поступить иначе он не мог. В конце 1965 г. Челноков оставляет журналистику и переходит на работу в КО ТИНРО.

Остров Медный — отличное место для альпиниста. Опыт скалолаза пригодился как нельзя кстати. Медный — это вам не остров Беринга! Отвесные скалы, обрывающиеся прямо в океан, не пропуски, ходить не только трудно, но и опасно, а уж про штормовую погоду говорить не приходится. На острове есть знаменитая «Тропа Фреда». Для полного обзора лежбищ и учёта котиков ему пришлось благоустраивать маршруты. На непроходимых участках, где тропу образуют только узкие карнизы, где с одной стороны — уходящая вверх скальная стена, а с другой — отвесные восьмидесятиметровые обрывы, он навесил страховочные перила. На крутых подъёмах выбил и укрепил ступени. В одном месте надо спускаться при помощи верёвки способом Дюльфера, которым обычно пользуются альпинисты, при возвращении — подняться со страховкой. Это и есть знаменитая «Тропа Фреда».

О ней сложены легенды и байки. Вот одна из них: «Фред составил акт о проделанной работе, полагая, что она должна быть оплачена. Однако “быстро сказка сказывается...” Только после того, как однажды затащили начальника на “верхотуру”, тот взмолился. Внизу, стоя на горизонтальной поверхности земли, дрожащей от напряжения рукой, подписал злополучный акт. А учёный так работал ежедневно». Находясь на Медном в течение четверти века, он всегда сохранял отличную спортивную форму — в этом помогал остров.

Альпинизм был неотъемлемой частью жизни Фреда Георгиевича. Он всегда знал о делах камчатских альпинистов. При первой возможности принимал участие в экспедициях. Многие его друзья

побывали на Медном, некоторые, увлечённые стихией острова, работали лаборантами во время отпусков. И позднее, будучи на пенсии, Челноков деятельно участвовал в работе альпсекции — читал лекции по истории камчатского альпинизма, проводил теоретические и практические занятия с молодёжью. Для него было очень важным передать знания и опыт молодому поколению. В октябре 2003 г. (в 68 лет) он участвовал в плановом восхождении на Корякский вулкан. Тогда дойти до вершины не удалось, помешала плохая погода, горы были завалены снегом. Но Фред Георгиевич остался доволен: «Наш выход стал хорошим “снежным” уроком для молодёжи». Зная о больном сердце наставника, председатель альпклуба «Кутх» Александр Биченко с трогательной заботой, незаметной для челноковских глаз, опекал его при восхождениях. Согласовывались и сроки восхождений, чтобы «неутомимый учитель» мог принимать в них участие.

В конце августа, перед восхождением на Корякский вулкан, он, ветеран альпинизма Михаил Острогорский и альпинист из Москвы сходили на Авачу. День был таким же солнечным, как и при первом его восхождении на этот вулкан сорок пять лет тому назад. *Как в первый, так и в последний раз в жизни он стоял на вершине именно Авачинского вулкана.*

Вместе ветераны камчатского альпинизма в последнее время собираются не часто, зато и радость встреч понятна без лишних слов. На юбилейном вечере в честь 75-летия советского и 40-летия камчатского альпинизма ветераны были почётными и самыми дорогими гостями. Праздник проходил в уютном зале бара «Зелёная карета». Редко, когда можно было увидеть весь цвет камчатского альпинизма: мастера спорта, «снежные барсы», руководители, маститые ветераны, за плечами каждого вершины семитысячных и восьмитысячных гор.

Эта встреча в одно мгновение перенесла «стариков» в мир их молодости: в глазах вновь засияли юный задор и энергия. Слышались шутки, возгласы и смех, сыпались профессиональные словечки, понятные только этим людям. Друзья и единомышленники собрались за общим праздничным столом. Ф. Г. Челноков высоко ценил дружбу, верных товарищей: «Дружба — дело важное. Без надёжного друга на хорошую гору не пойдёшь».

Эти качества Челнокова подчеркивал его друг Э. И. Ширков: «Главные качества Фреда? Прежде всего, высочайшая товарищеская надёжность и гипертрофированное чувство чести и справедливости. Он был предельно честным человеком. Гипертрофированный

правдолюбец!» Знакомство с Эдуардом Ивановичем переросло в прочную 45-летнюю дружбу семьями. Вместе отмечали праздники и семейные торжества, но, прежде всего, их объединяла любовь к природе Камчатки и увлечение туризмом. Вместе они много путешествовали: ходили на пригородные вулканы, на Тимоновские, Налычевские, Больше-Банные горячие источники, сплавлились на надувных плотках по рекам.

Жена Фреда Георгиевича, Галина Васильевна Челнокова вспоминала: «Если, возвращаясь с работы, вижу у подъезда своего дома команду Ширковых с рюкзаками, значит, всё! Идём в поход! Наши главы семейств начали приобщать нас к походной жизни ещё когда дети были маленькими. С пятницы начинались весёлые и шумные сборы в очередное путешествие. Сначала были походы выходного дня, довольно часто с ночёвками в палатках. А когда младшим детям исполнилось шесть-семь лет (в каждой семье по два ребёнка), наша туристская группа совершала уже многодневные походы, в том числе и водные. Не пропускали ни одного года, чтобы не совершить приличного путешествия. Красивое было время, жаль, что оно так быстро закончилось».

Душу Ф. Г. Челнокова после выхода на пенсию какое-то время ранило чувство опустошенности. Раздражала незавершённость научных исследований, но в то же время он был уверен, что обязательно к ним вернётся. А пока, не теряя времени, будет заниматься общественной работой. Поражаясь ясности ума и работоспособности 90-летнего В. И. Семёнова, он скажет: «И сейчас, когда и мой седьмой десяток лет уже разменян, память о Владимире Ивановиче вдохновляет — у меня разве возраст! В такие годы вон ещё что люди делали...» [18].

И вскоре времени стало не хватать, столько «навалилось» интересных и значимых дел. Да и невозможно было представить Фреда Георгиевича безмятежно отдыхающим — не тот человек. Заботы о природе, альпинистские экспедиции и туристические походы, работа в КО Русского географического общества и краеведческом обществе, но главная задача — написание истории камчатского альпинизма. А ещё успевал «огородничать на даче, так как пенсия научного сотрудника — сами знаете какая. А я планирую жить».

В 1997 г. вступил в Камчатское отделение Всероссийского общества охраны природы (удостоверение общественного инспектора КО ВООП № 25) и стал защищать природу в городе. Беспокоясь о проводимых вырубках городских лесов, обращался в Госкомкамчатэкологию и требовал принятия действенных мер. Вместе с инс-

пекторами оперативной службы комитета участвовал в проверках. Давал дельные советы по организации оперативной службы. Участвовал в природоохранных мероприятиях и конференциях.

Фред Челноков — действительный член КО РГО (с 1966 г.) и городского общества краеведов, всегда действенно помогал этим общественным организациям. Принимал активное участие в Крашенинниковских чтениях. История камчатского альпинизма его интересовала ещё в 1960-е гг. Исследуя литературные источники, он установил, что *советский альпинизм начинается с Камчатки*, а не, как это считалось, с восхождения 28 августа 1923 г. грузинских альпинистов на кавказскую гору Казбек. «На 23 дня раньше, ещё 5 августа 1923 г., группа в составе пяти человек под руководством В. К. Арсеньева и камчатского исследователя П. Т. Новограбленова не только совершила восхождение на Авачинский вулкан, но и провела один час и сорок минут в его кратере. Этот факт был доведён до Всесоюзной секции альпинизма в 1969 г. и был опубликован в третьем издании Большой Советской Энциклопедии» [20].

В юбилейном для горовосходителей 1998 г. ветераны альпинизма Ф. Г. Челноков, В. С. Сергеев, С. И. Гринкевич, А. У. Гусак, в разные годы на общественных началах руководившие альпинистским движением на полуострове, задались целью подготовить книгу об истории камчатского альпинизма. К 2003 г. Ф. Г. Челноков завершил её первую часть, охватывавшую время от присоединения Камчатки к России в 1697 г. до начала 1965 г. Добровольно возложенную на себя обязанность (кто, если не он!) выполнил блестяще. Более пяти лет работал над рукописью. Собирал материал по всем имеющимся литературным и архивным источникам, делал запросы в архивы и библиотеки Москвы и Санкт-Петербурга. Систематизировал огромный материал. Уточнял, сопоставлял, проверял и перепроверял события из истории советского альпинизма. В его книге «К вершинам Камчатки, России, планеты» [20], изданной по инициативе и на средства камчатских альпинистов в 2006 г., приведены все известные на сегодня горные восхождения, происходившие на Камчатке до 1965 г. и более сотни аннотированных фотографий.

Ему удалось установить ещё один исторически значимый факт: *Камчатка является родиной и российского альпинизма*. «В 1788 г. участник Русской Северо-Восточной экспедиции, проводившейся под командованием И. И. Биллингса и Г. А. Сарычева, шихтмейстер Данила Гауз с двумя спутниками совершил восхождение на кратер Ключевской сопки (4 835 м), которая в то время — до

присоединения Кавказа, Тянь-Шаня и Памира — являлась высочайшей вершиной России» [20].

Книга Ф. Г. Челнокова «К вершинам Камчатки, России, планеты (из истории камчатского альпинизма)» закрасила ещё одно белое пятно в истории полуострова. Она имеет историческую ценность не только для Камчатки, представляя собой и уникальный справочный материал, и летопись.

Первая же его книга «Берег туманов и чудес» (Петропавловск-Камчатский, 1967) написана после знакомства с островом Медным во время журналистской командировки в Алеутский район в 1965 г. Ф. Челноков — автор публикаций на краеведческие, природоохранные и спортивные темы. Он великолепно владел словом. Этот ещё один природный дар он использовал сполна. Все его спортивные материалы — яркие, правдивые, трогающие душу очерки — не зря ими взхлёб зачитывалась молодёжь. Автор подробно рассказывал об экспедициях, восхождениях, об экстремальных ситуациях, случавшихся на высокогорных маршрутах. Кроме того, именно Челноков дал запоминающиеся «альпинистские» описания многих вулканов. Челноковский язык — это отточенная, чётко и предельно ясно выраженная мысль, непременно с долей доброго юмора. Пишущий альпинист — явление довольно редкое. Потому оно весомо и значимо, так как автор — профессионал и в альпинизме, и в журналистике.

По просьбе краеведов, Фред Георгиевич готовил материалы для новой книги об острове Медном. В неё должны были войти рассказы о коллегах-биологах, научных экспедициях, собственных исследованиях, сложностях, которые приходилось решать, встречах с интересными людьми. Одним словом, о жизни острова на протяжении четверти века.

Увлекался он многим. Собрал великолепную коллекцию камчатских камней, теперь она подарена школе № 27. Живя на экзотическом острове, не мог не увлечься фотосъёмкой, а потому и стал профессиональным мастером. Перед фотографом раскинулся уникальный мир живой природы. Фред Георгиевич любил повторять: «На Командорах самое большое количество живности на душу населения во всём мире!» и при этом непременно ссылался на авторитетный источник сведений. Использовал фотоаппараты марок «ФЭД» и «Зенит», хорошо передававшие картины природы. В то время существовала цветная фотоплёнка, но предпочтение он отдавал чёрно-белой. Как у любого мастера, у Челнокова были свои приёмы и хитрости при съёмке. Азарт фотоохотника застав-

лял терпеливо выжидать нужного мгновения, того единственного, чтобы «полёт» сивуча попал в кадр. В его коллекции — сотни мастерски выполненных работ. Здесь и «портреты» его подопечных, и забавные сцены из их жизни, фотографии всего пернатого разнообразия острова. Одним словом, фотолетопись жизни зверей и птиц. Снимая коллег и друзей, он умел передать их характер и эмоциональный настрой. Особенно удачным считал портрет Е. П. Томатова. Его работы — это высокий уровень художественного мастерства, всегда неожиданность и новизна темы, вызывающие искреннее восхищение зрителей. На городских и областных фотовыставках работы Ф. Г. Челнокова занимали призовые места.

В 65 лет он легко и быстро освоил компьютер. Но уж чтобы досконально изучить новую технику, в 2000 г. окончил курсы операторов ЭВМ.

А ещё очень любил петь. Не имея слуха, изрядно фальшивил, но, увлекаясь, пел вдохновенно и громко. Солировать стеснялся, поэтому всегда организовывал хоровое пение. Песен знал много, в основном — дворовые шедевры послевоенных лет и самодельные альпинистские. Одной из любимых песен Фреда Георгиевича была:

*Лазили мы, где не лазили черти!
А не лучше ли было б собраться,
Опрокинуть стаканчик, другой?
Кончен маршрут без единого трупа.
А не лучше ли было всей группой
Опрокинуть стаканчик, другой?
Этот маршрут — вам не в парке гулянье.
Так забудьте ваши страданья,
Опрокиньте стаканчик, другой!*

В его личном архиве хранятся десятки рабочих тетрадей, богатейший фотоматериал, опубликованные работы, рукописи научных статей.

В квартире Челноковых множество природных экспонатов с острова Медного, сувениров, подаренных учёному в разные годы. Но самыми уникальными раритетами являются регистрационная тетрадь посетителей Юго-Восточного лежбища, «Алеутский букварь», приобретённый во время командировки в США, самодельный песенник, где рукой Фреда Георгиевича записано около сотни песен, и ковбойская шляпа, привезённая на Камчатку ещё из Херсона. Старенькая, до предела изношенная и уже необъяснимого цвета — серая в яблоках, как лошадь, она была для альпиниста талисманом. В ней он поднимался на многие вершины, путешествовал по Камчатке.



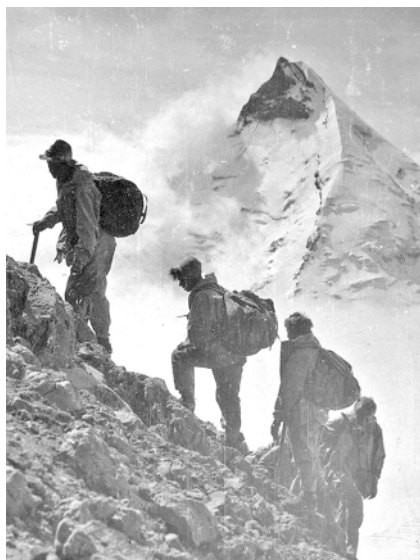
На вершине Камня, 27 июля 1958 г. Ф. Г. Челноков, З. А. Иванова.
Фото С. М. Трубицина
(все фото из архива семьи Ф. Г. Челнокова)



Вторые люди на Камне, 22 августа 1963 г. А. Горшков, Ф. Челноков, С. Марченко. Фото В. Сафроненко



Ф. Г. Челноков в любимой ковбойской шляпе



Идём на Ключевскую, 25 августа 1963 г. Ф. Челноков, И. Шевелёва, Г. Андреева. Фото Н. Смелова



Над бухтой Дырявой на Юго-Восточном лежбище, июнь 1981 г.
Фото В. Я. Абаева



Гаремное лежбище котилов.
Фото Ф. Челнокова



Кайры толстоклювые.
Фото Ф. Челнокова



Встреча на Юго-Восточном лежбище, июнь 1981 г. Фото В. Я. Абаева

Своими работами Фред Георгиевич Челноков вошёл в историю изучения Командор, в историю российского альпинизма и камчатского краеведения. Он скончался 20 ноября 2004 г.

Источники

1. Покорение вулкана Камень // Камчатский рыбак. — 1958. — 15, 17, 20, 22 авг.
2. С ледорубом сквозь облака // Камчатский комсомолец. — 1959. — № 123, 126, 128—130.
3. Дважды рождённые // Камчатский комсомолец. — 1962. — № 58, 59, 62, 70.
4. 160 у кратера // Камчатский комсомолец. — 1962. — 25 июля.
5. Первая камчатская олимпиада // Камчатский комсомолец. — 1963. — № 100, 109, 117, 118.
6. «Зуб» Козельской перестал болеть // Камчатский комсомолец. — 1963. — № 68.
7. Дым над вулканами // Советский спорт. — 1964. — 23 июня.
8. Берег туманов и чудес. — Петропавловск-Камчатский, 1967.
9. Остатки скелета морской коровы // Природа. — 1969. — № 1.
10. Первое восхождение? Скорее — первая попытка // Неизвестная Камчатка. — Петропавловск-Камчатский, 2000. — № 1 (5). — С. 31—37.
11. Первый горвосходитель Камчатки и России // Неизвестная Камчатка. — Петропавловск-Камчатский, 2005. — № 1 (7). — С. 30—31.
12. Покорение камчатских вулканов // Материалы XVIII Крашенинниковских чтений. — Петропавловск-Камчатский, 2001. — С. 116—118.
13. Чьи корабли украшают въезд в Петропавловск? // Материалы XVIII Крашенинниковских чтений. — Петропавловск-Камчатский, 2001. — С. 119—122.
14. Исследователь Командор и Камчатки С. В. Мараков // Материалы XX Крашенинниковских чтений. — Петропавловск-Камчатский, 2003. — С. 130—132.
15. Загадки публикации о первом советском восхождении на Авачинскую сопку // Ветер веков в парусах России. — Петропавловск-Камчатский, 2003. — С. 132—134.
16. На Авачу взойшли тысячи // Новая камчатская правда. 2003. Декабрь.
17. О взаимоотношениях песцов и детёнышей котиков. В воде с морскими котиками // Вопросы географии Камчатки. — Петропавловск-Камчатский, 1970. — № 6. — С. 151—158, 179.
18. Статья о В. И. Семёнове // Владимир Иванович Семёнов. — Петропавловск-Камчатский, 1997. — С. 53—57.
19. Научные статьи Ф. Г. Челнокова в сборнике «Аннотированные публикации КамчатНИРО по 2002 г.».
20. Челноков Ф. Г. К вершинам Камчатки, России, планеты (из истории камчатского альпинизма). — Петропавловск-Камчатский, 2006.
21. Первые люди на кратере Корякской сопки // Краеведческие записки. — Петропавловск-Камчатский, 2002. — С. 209.

«РАССКАЖУ О БЫЛОМ, ИНАЧЕ КТО ЖЕ ЭТО СДЕЛАЕТ...»

Н. И. Курохтина

Ох, Халактырка, Халактырка...

Ох, Халактырка, Халактырка! Мой родной аэропорт! Как ни странно, но с ним у меня связаны многочисленные жизненные эпизоды. События, которые спустя время складываются в целостную, необычайно яркую и незабываемую картину, видятся то нереальной фантазией, то какой-то сказкой, мифом, порой выдумкой. Но всё это было...

Вопрос только в том, смогу ли по памяти, глазами бывшего пассажира, воссоздать бурную, напряжённую, сложнейшую и уже исчезающую во времени, почти героическую деятельность Халактырского аэропорта? Через восприятие прямого свидетеля разворачивающейся картины показать отдалённое от центра авиационное предприятие в условиях становления и начального развития гражданской авиации на Камчатке? А возможно ли достоверно описать состояние его пассажиров? Выразить на бумаге их муки, страдания, обиды, разочарования, минутные радости, короткое счастье? Но кто, если не я, бывший многолетний пассажир Халактырского аэропорта? Как бы сейчас сказали — «пользователь».

Мой отец, Иван Александрович Захаров, военный финансист, призывался в Красную Армию с Камчатки в 1939 г. Последующие тринадцать лет он провёл в воинских частях Дальнего Востока. Служил на Хасане, потом в Хабаровском крае, Приморье, с 1948 по 1953 г. — на Камчатке. В местах, где приказывала Родина. Я, тогда совсем кроха (родилась в 1944 г.), помню, как мы «мотались» по воинским городкам и точкам. В октябре 1953 г. служба отца завершилась, но «мотание» не закончилось. Но уже не по воинским частям, а в ожидании положенного жилья от военкомата — по частным квартирам Петропавловска. Наконец мы получили маленькую квартирку по адресу Виллюйская, 70. Свою... Обжили, обустроили, полюбили наше уютное и, казалось, такое стабильное жильё.

В июле 1955 г. отец пошёл в свой первый отпуск. Люди военной поры и в послевоенные годы почти не знали таких понятий, как отпуск, отдых, досуг. К этому времени отец разыскал своего единственного на Камчатке родственника, который в конце 1930-х гг.

привёз его мальчишкой на полуостров с голодающего Поволжья. Родственник жил на базе Крапивной. Добраться туда можно было пароходом через Усть-Камчатск или самолётом из Халактырского аэропорта через село Эссо Быстринского района. Далее — сто километров по лесной конной тропе. Для поездки отец выбрал второй маршрут — самолётом, но конкретное решение лететь принял спонтанно. Утром пошёл получать отпускные, а в обед, запыхавшийся, вбежал домой и сообщил, что с Халактырки в Эссо летит борт, и, если поторопиться, на него можно успеть. Молниеносно собрался, прихватил с собой моего семилетнего брата и буквально исчез за дверью. И успел... как в тех условиях... но успел. Без задержек, проволочек, неприятностей и метеопреград — улетел. Вечером мы уже получили от него телеграмму: «Долетел хорошо, всё нормально». Кто мог подумать, что с этого времени впервые услышанное слово «Халактырка» на долгие лета войдёт в мою жизнь.

В 2008 г. в Петропавловске, в издательстве «Камчатпресс» вышла книга-альбом «Родом из Халактырки» — профессиональный печатный памятник замечательному аэропорту. Книга содержит подробную хронику развития первого камчатского авиапредприятия. На её страницах приведены воспоминания, рассказы работников и пилотов, биографические очерки, копии газетных публикаций, фотографии. Вместе они представляют полноценное историческое повествование о жизни трудового лётного коллектива. Но в издании ничего не рассказывается о тех, для кого собственно трудились халактырские авиаторы, то есть о многострадальных пассажирах. А они существовали, и существовали не сами по себе, а были если не участниками, то уж точно соучастниками сложнейшего процесса авиационного покорения камчатского неба. Что только не пришлось им испытать, пройти и вынести! Зачастую в предлагаемых обстоятельствах им приходилось проявлять чудеса напористости, ловкости, стремительности, иногда изворотливости. В опасной обстановке, в которую нередко попадали камчатские пассажиры, быть стойкими, сильными, выдержанными, организованными и крайне дисциплинированными. Все понимали, главное — надо доверять экипажу, не обсуждать, а неукоснительно выполнять его требования, просьбы, приказы и даже некие безмолвные знаки пилотов.

Но вернёмся к 1955 г. Отец — в Эссо. Там ему предложили работу, близкую к его военной специальности — завторга Быстринского рыбокооп. Погостив некоторое время у родственника на

Крапивной, отец отправился в Усть-Камчатск, где занялся организацией товарного снабжения Быстринского рыбокооп. В начале августа он сообщил нам, что надо переезжать в Эссо, где находится правление рыбокооп. Там есть школа, больница, клуб и всё остальное, необходимое для полноценной жизни. Мама, за плечами которой был большой опыт переездов, быстро упаковала в тюки наши небогатые пожитки, в основном постель, одежду, школьные принадлежности. С трудом приобретённую мебель (табуретки, кровати, столы) в очередной раз оставили чужим людям. Квартиру сдали Рыболовпотребсоюзу, организации, которой она принадлежала. Каким-то чудом, скорее всего на случайно пойманной на улице полуторке, вывезла наш скарб в Халактырку, купила авиабилеты и заказала такси. Это было новое, потрясающе восхитительное слово (значит, таксопарк в городе уже был).

В назначенный день рано утром к нашему домику подкатила кофейного цвета горбатенькая «Победа». Мы быстро и радостно в неё погрузились, твёрдо убеждённые, что сегодня будем на новом месте в своём новом жилище. «Победа» бойко промчалась по грунтовой изрытой грузовыми машинами Вилюйке, спустилась на Комсомольскую площадь и отправилась в сторону 75-го участка по утопавшей в глубоком и пышном слое пыли просёлочной дороге. Пыль быстро сгустилась в клубы, а потом в плотную малопросматриваемую пелену. Стояло замечательное тёплое августовское утро. По крыше легковушки весело стучали упругие ветки кустарников, а на лобовом стекле находили свой земной конец легкомысленные стрекозы, бабочки, шмели и прочая мошкара.

Вот мы и в Халактырском аэропорту. Аэропорт в моём детском воображении это — что-то очень солидное, крупное, представительное. Ну, уж никак не уступавшее по масштабам когда-то виденному мной владивостокскому морскому вокзалу. Каково же было удивление, когда я увидела среди вытоптанной лесной полянки здание, очень похожее на большой дощатый сарай. В нём едва размещались диспетчерский пункт, касса и крохотная площадка для пассажиров. Чуть поодаль — земляной сарай, в котором располагались камера хранения авиагрузов и жильё сторожа. Что представляла собой камера хранения — не помню. А комната сторожа — низкая, с одним маленьким оконцем, у которого громоздился неуклюжий стол, покрытый старой, истёртой пассажирами и временем клеёнкой. У стены — двуспальная панцирная, с облупленной краской на чугунных спинках кровать. Перед ней ещё некоторое пространство с некрашеным, затоптанным и давно немывтым

полом. Поодаль от земляного барака — низенький деревянный, голубого цвета забор. За ним отсыпанная галькой и щебнем взлётная полоса. То бишь сам аэродром. На нём самолёты — крупные зелёные стрекозы Ан-2, которые в быту любовно назывались «Аннушками». Через полосу — пешеходная дорожка к поселению на противоположной стороне аэродрома. Там, вероятно, располагалось жильё авиаторов и находился какой-нибудь магазинчик или ларёк. Вот и весь «аэропорт».

День, когда мы приехали в Халактырку, был ясный. Вокруг — цветущий шиповник, буйное переплетение кустарников, развесистый ивняк, монотонный звон комаров и стрёкот кузнечиков. В зарослях травы и дикого разноцветья — единственная, на пару сидящих, лавочка. Отдыхать бы и наслаждаться, но надо лететь по назначению. И вдруг — полная неожиданность: диспетчер через хриплый радиопередатчик бойким голосом сообщил: «Вылеты задерживаются по метеоусловиям до двенадцати часов местного времени». И так каждые последующие два часа до конца полётного времени — целый рабочий день. Видимость для вылетов замечательная, но где-то закрыты то перевалка, то Ганалы, то ещё какая-то далёкая от города, неведомая пассажирам географическая точка.

Вот мы и ждём. В полной надежде, что через три часа будем в Эссо, в своём доме, где на купленном отцом огороде поспела молодая картошка. Уже ощущаем на губах её молочный вкус... Но в Халактырке застряли аж... на две недели.

Отправиться в Эссо мы должны были первым рейсом, то есть первым бортом — среди нас был грудной ребёнок, да и по очереди мы — первые, так как именно нас застигло ухудшение метеоусловий. Слово «борт» с этого времени станет привычным.

А дальше, буквально на глазах, маленький аэропортик стал наполняться желающими улететь в разные концы нашей необъятной Камчатки. Тем более что в городе ещё держалась многообещающая лётная погода.

«Аннушка» — замечательный самолётик малой авиации на десять пассажирских мест и восемьсот пятьдесят килограммов груза. Он мог совершать грузовые и пассажирские рейсы в любых условиях, кроме метеоплохих. Мог приземляться на мало-мальски приспособленную взлётную полосу далёких камчатских посёлков. Тамошние «аэропорты» тогда представляли собой небольшие ветхие или бревенчатые служебные помещения, где трудились два-три работника (начальник, обязательно радист и, может быть, рабочий). В 1955 г. таковые имелись во всех райцентрах, в некоторых

отдалённых населённых пунктах, лишённых морского или сухого пути. А их в то время было предостаточно. Из Халактырки летали на Усть-Большерецк, Крутогорово, Мильково, Лазо, Богачёвку, в Центральное Эссо, к геологическим экспедициям и ещё много-много куда.

Почти вся Камчатка тогда погрузилась в глубокую нелётную погоду, но Петропавловск был открыт. Сколько же скопилось в аэропорту за первые несколько дней народу! Впереди, как оказалось, у нас было ещё две недели ожидания. Все волнуются: вдруг откроются долина, западное побережье, а Петропавловск закроется! А ведь сейчас — август, люди возвращаются из отпусков, семьи стремятся приехать домой к началу учебного года; торопятся на место назначенцы на партийные и советские должности, учителя к первому сентября. Среди последних много молодых специалистов, впервые попавших на полуостров. Пассажирам каждый день, ровно в девять утра, обязательно надо быть на регистрации. Автобусы же почти не ходят. «Такси» — камчадалам слово малопонятное и почти недоступное (мама его заказывала за несколько дней до отлёта). Редкие рейсы автобуса (маршрут № 4) нерегулярны и непредсказуемы. Проходящие мимо автобусы (тоже не по расписанию) идут до школы № 9 и куда-то на 75-й участок.

Халактырцы, как нас называли водители, высаживаются у развилки и километра полтора-два идут пешком. Многим в городе негде остановиться и переночевать. Единственный вокзальчик на ночь закрывается. Тем, кто остаётся бедовать в Халактырке, предлагается жильё сторожа. Для него отдавать под ночёвку свой пол — дело привычное, но, увидев нашу дружную семейку, да ещё с младенцем, сторож обречённо махнул рукой и уступил нам свою выдавшую виды с провалившимся «панцирем», то есть пружинной сеткой, кровать. Где он сам пребывал последующие две недели? А мы, пятеро, обосновали это единственное спальное место...

Последующие впечатления врезались в память навсегда. Ночью старшая сестра, не выдержав предложенных удобств, спускалась с кровати на пол, весь заполненный спящими, а утром выползала откуда-то глубоко из-под кровати. На полу расположилась в основном учительская молодёжь, проехавшая суток десять поездом и вволю повалявшись на полу морского вокзала во Владивостоке. Потом — морем до Петропавловска. И вот последний этап — самолётом до места работы в глухие камчатские посёлки.

Прошло всего десять лет после страшной войны. Больших запасов одежды ни у кого нет. В чём ходили днём, в том и ложились

спать. Подстиралось ли что-то на пол — не помню. Скорее всего, вечно выручавшее в таких положениях брезентовое полотно. Укладывались спать группками, в которые сплотились за долгую дорогу. Все утомлены, но не слышно никаких жалоб, ругани, стонов, недовольства. Наоборот, из какого-нибудь угла до нас доносились то шутки, то смех. Молодёжи без нас было бы, конечно, по-свободнее, веселее. Но все понимали, что рядом семья с детьми. А мой пятимесячный братик, не требуя особого внимания к себе, никому не докучая, тихо спал там, где его положат.

Чем питались? Рядом — ни столовой, ни магазина. Помнится, что у нас был запас тушёнки, сгущённого молока и наволочка, наполненная сухим печеньем «Крокет». За хлебом, маслом, ещё какой-то снедью, по-видимому, в магазин у развилки или через аэродром ходила сестра.

Ровно к девяти утра надо было поспеть к стойке регистрации. Все просыпались и, растягивая онемевшее тело, одновременно вставали. Умыться и то было негде. Оцинкованный бак с водой с зелёной эмалированной кружкой на цепочке стоял в углу «пассажирского салона». Будем называть это место всё-таки так. Кто-то отправлялся к близлежащему озеру. Все быстренько приводили себя в относительный порядок: расправляли одежду, расчесывались и мчались на регистрацию. А там снова: «Уважаемые пассажиры! Ваши рейсы задерживаются по метеоусловиям до одиннадцати часов местного времени». Слышен стон разочарования...

И так через каждые два-три часа до пяти-шести вечера. После очередного сообщения всё пассажирское сообщество впадало в глубокое уныние. Кто-то захватывал сидячие места (два-три расшатанных стула), другие, объединившись в небольшие компании, с обречённым видом бесцельно слонялись по привокзальной территории. Третьи, подложив руки под голову, укладывались спать на траву. Откуда-то появлялись игральные карты. Счастливики, сидя на земле, начинали азартно играть, болельщики — давать им советы, подсказывать. Кто-то сидел в одиночестве и, подперев щёку кулаком, пребывал в жуткой от собственной беспомощности тоске. Драматизм положения состоял и в том, что по первому признаку, какому-то знаку, надо было уловить приближение заветной регистрации, молниеносно отреагировать и в первых рядах на ходу стихийно складывающейся очереди отправиться к диспетчерскому пункту. Поэтому, несмотря на очевидное равнодушие, вялость, апатию, скуку на лицах пассажиров, все напряжённо прислушивались к случайному шороху, треску или шипению из служебного

динамика. Каждый старался заранее уловить любой намёк на начало регистрации до её официального объявления. Бывалые пассажиры давно изучили все её приметы: началась подозрительная суeta наземных служб, замелькали рабочие, пробежал кассир, на взлётную полосу прошли пилоты. По громкой связи прозвучало: «Склад перевозки, склад перевозки, возьмите загрузку!» И тут из разных уголков аэропорта на скорости горохом начинали сыпаться пассажиры, на бегу превращаясь в бесформенный, но плотный людской поток, стремительно наваливавшийся на высокий, деревянный, с мизерными оконцами барьер диспетчерской. Примитивную, но надёжную защиту служащих от напора возбуждённой толпы.

Диспетчерскую службу в своей основе составляли женщины. Из них ежедневно за стойкой регистрации дежурили две-три. Изредка за барьером в форме гражданской авиации мелькали отдававшие короткие распоряжения мужчины. Но главные тяготы регистрации пассажиров падали всё-таки на головы слабого пола. Некоторые женщины работали в Халактырке годами и, конечно, заслуживают отдельных слов и доброй памяти. Многих помню в лицо, кое-кого по имени и фамилии. Например, Лиду Лайко, Тоню Мелёхину. Весь психологический удар и моральные издержки предстоящего события они брали на себя. К началу регистрации у диспетчеров уже был готовый список пассажиров, которых следовало оформить в первую очередь и обязательно на первый борт, причём независимо от указанной в билете даты вылета. Это были партийные и советские деятели, члены научных экспедиций, особой важности командировочные, больные по санзаданию, знакомые, знакомые знакомых, пассажиры с детьми до пяти лет, учителя и прочие. Здесь уже чем больше беспорядка, тем лучше.

Стыдливо отвернув глаза от вопрошающих лиц рядовых пассажиров, все манипуляции по регистрации они проделывали с исключительной ловкостью и скоростью. Самым же напористым и требовавшим справедливости успокаивающе адресовали: «Всех отправим, всех отправим, будет второй борт, будет, будет, погода установилась». Но зыбкость этих обещаний в большинстве своём была очевидна. Хорошей погоды может хватить только первым рейсам. Пока самолёты из них вернутся, перевалка или ещё что-то вновь закроется. Начинались гвалт, истерика, ругань, слёзы. Особенно возмущались, и справедливо, те, кто пребывал в аэропорту дольше других. Именно им-то и доставались третьи и четвёртые борта. Через какое-то время оставшиеся пассажиры смирялись, затихали и с тревогой начинали рассматривать небо на предмет облачности.

По некоторым, известным только им приметам старались определить: продержится лётная погода целый день или после обеда Халактырка закроется; в каком состоянии на небе «гнилой угол», заволокло ли туманом вершины вулканов.

Но уж если погода позволяла, авиаторы работали быстро и слаженно. Взвешивался груз, проверялись документы, разогревались моторы самолётов. Сопровождающие, поторапливая пассажиров, своевременно завершали посадку без всякого формализма, проволочек и преступного затягивания. Аэропортовцы хорошо понимали нервность пассажиров и делали всё возможное для того, чтобы отправить желающих улететь. За многие годы, а мне часто пришлось летать из Халактырки с 1962 г. по начало 1990-х, я не слышала от работников ни одного грубого слова, окрика, не наблюдала хамства, нетерпения, раздражения. Слышала только привычное: «Не волнуйтесь, не волнуйтесь, погода установилась (что зачастую было очень сомнительно), всех отправим, всех отправим...»

Отправив первые самолёты по назначению, как-то успокоив невезучих пассажиров, диспетчеры ровным, вежливым тоном начинали отвечать по служебному (2-44-07, номер никогда не менялся), разрывавшемуся от звонков телефону: «Аэропорт открыт, уже ушли первые рейсы». И с трудом установившаяся тишина через какое-то время опять нарушалась. Это прибывали те, кто, не выдержав между задержками рейсов нудного прозябания в аэропорту, решил съездить в город. А регистрацию и отправление самолётов начали раньше объявленного срока. Вновь крики, шум, ругань. Тут под удар подставлял себя начальник аэропорта. Он деловито выходил из кабинета, всех внимательно выслушивал, кивал головой, со всеми соглашался. Отбившись от самых яростных, по возможности куда-то воровато прошмыгивал и исчезал. А вот если погода оказывалась лётной, то работали быстро, чётко, организованно. Как и обещали, «распихивали, расталкивали, разбрасывали» всех. Бывало, последние рейсы уходили из города вплотную к окончанию светового дня. Здесь, к большой радости быстринцев, Эссо для пилотов было приоритетным. В селе действовал общедоступный народный ключ с термальной водой, но гостиницы как таковой не существовало. Лётчикам приходилось коротать ночь или в далеко не комфортабельной пилотской, или их к себе на постой забирали аэропортовцы.

Но вернёмся в тот знаменательный день, день нашего первого полёта. Наконец объявили вожденную регистрацию. Всё разом всколыхнулось. Мама с братом на руках, мы с сестрой (мне один-

надцать, ей четырнадцать лет) — к грузчикам. Надо получить наши тюки, котомки, авоськи, взвесить ручную кладь, донести и погрузить её в самолёт. Нам, конечно, помогали. Кто-то подтаскивал, поддерживал, подносил, поднимал. Вот оформили и отправили первый такой долгожданный борт. Его пассажиров до сих пор помню поимённо. Летели четыре учителя: Валентин Михайлович Веремьёв — физик, Николай Петрович Сазонов — математик, две учительницы младших классов, совсем девочки, Нина Петровна и Вера Ивановна; направленный работать инструктором в Быстринский райком КПСС Петухов; фельдъегерь, сопровождавший секретную почту, и мы: мама, сестра, я — полбилетница, два младших брата — бесплатники. Все — радостные: закончились аэропортовские мучения, сложности и неудобства. Слышен вздох облегчения. Летим! Немытые, необстиранные, но счастливые и за время долгого ожидания самолёта сдружившиеся.

Пассажирский салон «Аннушки» представлял собой большую, склёпанную из алюминия бочку в форме конуса. По бортам из того же металла плоские, с болтающимися по бокам привязными ремнями, откидные сидения. На них лежали тоненькие стельки из дешёвой потёртой растрескавшейся кожи. В передней, широкой части конуса — кабина пилотов, всегда с открытой дверцей. Сразу за входом, в суживающейся части, навалом лежит багаж, какие-то грузы, ящики почтовых посылок, опечатанные сургучом бумажные мешки с письмами, бандеролями и периодикой. Наш борт «справедливый». Всё в соответствии с официальными правилами: учителя — к первому сентября, семья с грудным ребёнком и святая святых — партийный работник.

Пристёгивать ремни почему-то никогда не требовали, а сами пассажиры тем более нужды в этом не испытывали. Строго окинув взглядом пассажиров, командир выдал каждому по плотному бумажному пакету на случай болтанки (сейчас она называется «турбулентностью»). Мало кто долетал до места благополучно, не воспользовавшись этим пакетом, особенно дети. Наконец застрекотала наша «Аннушка» и, покачивая крыльями, взмыла в небо.

Возрастной состав рейса довольно молодой. Мама — самая старшая, ей аж тридцать два года. Взволнована она одна — переживает за нас, детей, да и сама впервые на самолёте. Остальные, прилепив носы к иллюминаторам, с небес любуются открывающимися пейзажами. Это всегда чудо. Но когда они перед тобой встают впервые, словно с ковра-самолёта, это настоящая волшебная сказка. Величественные, с заснеженными цвета маренго прогалинами

вулканы; изумрудные холмистые сопки; синие глаза озёр; извилистые русла рек; идеально вычерченные линии дорог; посёлки, словно на топографической карте. Впереди всего три часа полёта. Опять слышу мамину сакраментальную фразу: «Сейчас прилетим, сварим молодой картошки». Как мне её тогда хотелось!

Но не тут-то было. Измученные пассажиры, утомлённые бездеятельностью пилоты, впусую топтавшиеся работники наземных служб — всё это заставляло маленький аэропортик при первом признаке лётной погоды быстро отправлять в рейсы один борт за другим. Нередко неустойчивый камчатский климат прерывал долгожданное небесное путешествие в самом неожиданном для лётчиков, тем более для пассажиров, месте. Так закончился и наш первый полёт. Проплутав между разрывами облаков более трёх часов, на самом подлёте к Эссо, в Быстринских хребтах, которыми плотно окружён посёлок, мы попали в «молоко», то есть густой, непроницаемый туман. При приземлении самолёт совершил такой кульбит, такой пируэт, исполнил настоящую фигуру высшего пилотажа, что все мы разом слетели с сидений. Удержалась только мама. Она буквально повисла одной рукой на расположенном над головой поручне, другой крепко держала ребёнка. Остальные в куче мала ползали по днищу самолёта, пытаясь принять вертикальное положение. Но что значат молодость, детство...

Все, кроме мамы и партийного работника (ему тоже было лет тридцать), в полный голос хохотали. Минут через тридцать самолёт благополучно приземлился. Но где? В Козыревске! Из кабины вышли напряжённые, с бледными лицами пилоты. По их репликам поняли, что мы чуть не вбились в скалы Быстринских хребтов. Командир подошёл к маме: «Мамаша, вы, наверное, подумали, что всё... лётчики молодые, неопытные...» На что получил ответ: «Если бы это было так, вам бы не доверили наши жизни». Милые, дорогие пилоты! Какие же вы были мастера! Из каких только положений не выкручивали, не выходили победителями! Лицо командира помню до сих пор. Он ещё долго летал по маршруту Петропавловск — Эссо. С опозданием благодарно целую сильные руки пилотов, преклоняю колени, восхищаюсь их мужеством.

В Козыревске нас встретило яркое солнышко, безоблачное небо и великолепие первозданной буйной роскошной природы срединной Камчатки. Стройные, с нежнейшей хвоей, высоченные, плотно окружённые кустарниками, лиственницы. Бархатные, с рассыпанными бусинками восковой спелости брусники, одеяла камчатских мхов и утопавшие в них белейшие фигурные шляпки груздей.

Настоящие сказочные дебри, через густоту которых с трудом пробивались полосы нежаркого, уже по-осеннему печального солнышка. Посреди умытой многодневными дождями несказанной природной прелести — аэропорт. Вырубленная из окружающей тайги с отсыпанной взлётной полосой большая ровная площадь, для приёма «Аннушек» даже великоватая. Но в Козыревске приземлялись старые, доставшиеся гражданской авиации от ещё военных времён, Ли-2 — то ли американские «Дугласы», то ли бывшие советские бомбардировщики, приспособленные под мирные нужды. Воздушные труженики, эдакие гудящие «ишачки», отличавшиеся большой надёжностью и грузоподъёмностью, они работали днём и ночью, в любую погоду и непогоду. Они бороздили камчатское небо вплоть до середины 1970-х гг., пока на смену не пришли комфортабельные Як-40. К этому времени износ Ли-2 был так велик, что пилоты иногда шутили, называя их «два ли»: взлетишь ли, сядешь ли? Для них требовался аэродром попросторнее, чем для «Аннушек». Этим козыревский аэропорт отличался от многих других камчатских авиаточек. А остальное всё одинаково. Бревенчатое, побелённое снаружи здание. Внутри — низкое, тёмное, с маленькими оконцами и столом, где оформляли пассажиров. Было ещё одно помещение — какое-то складское, уже без окон. Там стоял ряд деревянных топчанов, больше похожих на арестантские нары. По моим воспоминаниям — без матрацев. На них нам и предложили провести ещё одну путевую ночь.

Аэродром находился в нескольких километрах от посёлка. Туда отправились ночевать пилоты. За ними в поисках пропитания потянулись некоторые пассажиры, в том числе и моя сестра. Несколько человек (скорее всего, у них уже не было денег) остались с нами у костра. Мама достала остатки своих продуктовых запасов, сохранившуюся банку тушёнки. Кто-то предложил бросить её в костёр, чтобы разогреть. Через некоторое время банка взорвалась. В лесной тиши грохот от взрыва прозвучал как от хорошей боевой гранаты. Посланцы за продуктами уже возвращались и довольно близко подошли к аэродрому. Среди них был фельдшер. Услышав громовой раскат, он решил, что уронил патрон в костёр, который перед уходом разжёг для нас. Фельдшер был при оружии и подумал, что взрываться больше нечему. Помню, как он бежал, какой ужас был написан у него на лице и какой радостью он сменился, когда выяснилось, что лопнула лишь банка консервов. Наскоро перекусив, как смогли, пережили ещё день, «перекантовались» ещё одну ночь.

Следующее утро, к нашей радости, встретило ярким солнцем и безоблачным небом. Показались пилоты. По их команде мы запрыгнули в самолёт и минут через сорок благополучно приземлились в конечном пункте нашего пути — селе Эссо. Навсегда запомнилась ещё одна мамина сакраментальная фраза: «Не говори гоп, пока не перепрыгнешь».

Таким, каким я описала Халактырский аэропорт выше, он оставался вплоть до 1960 г. Мои родственники, летевшие в Эссо в октябре этого года, пережили то же самое, что и мы раньше. Служебное помещение оставалось по-прежнему небольшим. Несколько недель они спали в землянке у сторожа, только на полу. Питались как получится. До этого много дней проехали поездом и проплыли пароходом. «Всё это было, было, было...»

В 1962 г. я окончила Быстринскую школу и с этого времени по начало 1990-х стала «многоразовым» пассажиром Халактырки. В июне 1962 г. удачно, без всяких проволочек, метеопреград и задержек, купив билет одновременно с вылетом, отправилась в Петропавловск поступать в пединститут. Это было редкостное пассажирское счастье, которое иногда дарила нам капризная камчатская погода. К моему удивлению, аэропорт заметно «оцивилизовался». На административном здании была отстроена мансарда с балкончиком. За счёт пристроенных по бокам крыльев увеличилась площадка для пассажиров. Диспетчерская стала просторнее, барьер — ещё выше. Но главное, в зале ожидания стояли современные с подлокотниками мягкие кожаные кресла, в которых можно было вздремнуть. На ночь теперь аэропорт не закрывали, и пассажирам, которым негде было остановиться, позволялось здесь переждать ночь. Исчезла знаменитая сторожка. На её месте выросло вполне приличное здание для камеры хранения и ещё каких-то служебных нужд. Увеличился парк самолётов. На привокзальной территории появились лавочки, цветочные клумбы, оформленные травяные бордюрики и асфальтовые тропинки. Таким аэропорт оставался до 1990-х гг., времени его закрытия как пассажирского. А пока мне предстояло многолетнее испытание более чем скромным сервисом, которым тогда баловала пассажиров гражданская авиация. Почти каждый рейс становился особым запоминающимся событием.

Зима 1963-го, мои первые студенческие каникулы. Короткие, каждый день на счету. Втроем уже пять дней болтаемся на Халактырке. После четырёх-пяти часов дня — отбой по метеоусловиям. Ранним утром в набитом махоньком автобусе-«пазике» маршрута № 9 едем до развилки. В течение дня не пообедать, да и просто

перекусить негде и нечем. Оплата за проезд дорогая — двадцать копеек за каждую остановку. Скудные студенческие финансы катастрофически тают, как и драгоценные дни каникул. Так хочется домой! Мы всё больше погружаемся в уныние. Наконец, регистрация!!!

Стремительно бросаемся к стойке. От волнения стучит сердце, трясутся руки. Вот всё позади. Мы в самолёте. Летим, летим... Но что-то слишком долго. Подслушиваем переговоры лётчиков с землей: Эссо закрылось по метеоусловиям. Пытались сесть в Мильково, но оно тоже закрылось. Теперь летим до Усть-Камчатска. Он тоже не принимает. Возвращаемся в город, где бушует полноценная пурга, нет видимости. Самолёт болтается как картонка. Из кабины выглядывает пилот: «Все пассажиры молодые — это хорошо. Садимся против ветра, держитесь крепче». Вцепляемся в расположенный над головой поручень. Хотя и садились против ветра, но на земле маленькую «Аннушку» так раскрутило, что уже по ветру вынесло далеко-далеко за взлётную полосу. Опять спасибо пилотам! Посадили, удержали, и, благодаря их мастерству, всё обошлось благополучно. Пурга уже разыгралась не на шутку. От места посадки, вволю натошнившись за несколько часов полёта, через весь аэродром до вокзала идём пешком, оттуда — также пешком до общежития, располагавшегося в районе нынешнего 5-го корпуса КамчатГТУ на улице Ленинградской. Автобусы из-за метели и до развилки не ходили.

На другой день — небо чистое, погода лётная. Мы в девять утра уже толкаемся на регистрации, на законных основаниях попадаем на первый борт. Но вдруг внезапно возникают какие-то «ценные» пассажиры или важный груз, и нас — двух студенток — прямо из самолёта снимают с рейса. Рыдаем от отчаяния, окружающие искренне нам сочувствуют. Один большой дядька по-отечески прижал меня к себе и успокаивал, словно ребёнка. Подбежали диспетчеры: «Отправим мы вас, отправим грузовым», хотя это обычно не допускалось. Но вот мы и в самолёте, вдвоём среди ящиков, мешков и пакетов. Начало февраля. Стужа необычайная. Лётчики отдали нам свои большие меховые куртки, в которые мы закутались поверх своих тоненьких осенних пальтишек. Приземляемся в Мильково — Эссо снова закрылось. Но «справедливость торжествует» — в Мильково торчит бросивший нас пассажирский рейс.

Аэродром находился посреди села. Лётчики ушли куда-то к знакомым или работникам аэропорта. Нам, девчонкам, уступили пилотскую с кроватями, матрасами и даже простынями. Надо отметить, что в такой «комфорт» я попала лишь единственный раз.

Где только потом не приходилось ночевать и пережидать непогоду! Сидели и в Усть-Камчатске, и в Ключах, и в Козыревске... Спали на стульях, на топчанах, искали знакомых. Если таковые у кого-то обнаруживались, к ним могли отправиться всей оравой. Отказа, как правило, не было.

Вместе с нами ровно такие же неудобства переносили и наши мужественные небесные пахари. Многие из них были совсем юные, выпорхнувшие из училищ мальчишки. Собранные, серьёзные, на лицах озабоченность, ответственность, никакого раздражения, нервозности, окриков. С пассажирами — достойное, профессиональное расстояние. Обращения к ним — строгие, уважительные; приказы — чёткие. А пассажиры в ответ только что под козырёк не брали, словно вымуштрованные солдатики. Бывало, на перепутье утром кто-нибудь задерживался, пассажиры начинали нервничать: «Как бы опять не застрять, как бы что-то где-то вновь не закрылось». Не помню, чтобы пилоты этого нерадивого когда-то оставили, на худой конец сердились и ругали, но обычно встречали молча. Всем приказ — на посадку, сами — в кабину, и полетели. Здесь хотелось бы отметить, что с экипажем пассажиры были хоть и на разных полюсах разворачивавшихся событий, но всё равно в одной лодке, одной командой, с одной целью — благополучно долететь до места назначения.

Можно ещё долго на личных примерах повествовать о рабочих буднях Халактырского аэропорта. Но его история была бы не совсем полной, если не рассказать о последнем и самом трогательном для меня рейсе с уже закрывавшегося для пассажиров этого малого камчатского авиапредприятия.

В феврале 1990 г. я сопровождала в Эссо свою смертельно больную маму. Как обычно, в это время на полуострове стояли морозы. В воздухе самолёт мгновенно превращался в обледеневшую металлическую бочку. Рейс с тяжелобольным считался санзаданием, поэтому вместо вылета по расписанию аэродромщики решили ждать возвращения из предыдущего рейса единственного в их авиапарке самолёта с тёплым поддувом. Наконец, дождались. Погрузили носилки с мамой на этот тёплый поддув. Я рядом на корточках. Заходит экипаж. Командир ахает: «Ой, какой у нас сегодня пассажир! Мы его довезём?» В голосе ни недовольства, ни упрёка. Только волнение, тревога, чисто человеческое сочувствие. Погода ясная, но морозы в долине уже до минус сорока. Тёплый поддув не спасает. Машина катастрофически остывает. У мамы, несмотря на пуховой платок, начала мёрзнуть голова. Я на неё

натянула ватное одеяло, в которое мама была завернута, и держала его руками подобно капюшону. Вдруг из кабины вышел лётчик. В руках проволочка. Молча соорудил из одеяла удобный головной убор, продержавшийся самостоятельно до конца полёта.

Мороз всё крепчал и крепчал. По маршруту в Эссо мы должны были приземлиться в Мильково и забрать оттуда транзитных пассажиров. В голове одна мысль: «При посадке наша “Аннушка” должна так остыть, что свою больную маму я явно до места живой не довезу». Слышу переговоры лётчиков с землёй: «У нас тяжелобольной пассажир, в Мильково садиться не будем, идём напрямую в Эссо». По прибытии там нас ждала карета «скорой помощи». О ней экипаж позаботился ещё в воздухе. Это был не только мой последний авиарейс из Халактырки. Вскоре её как пассажирский аэропорт закрыли. Три недели спустя в город я возвращалась уже рейсовым автобусом.

Хочется вспомнить и один комический случай. Где-то в начале 1980-х, неподалёку от здания аэровокзала, наконец открыли хорошую столовую, которую пассажиры попросту называли «лётчицкой». Кормили там всех на равных, очень прилично и недорого. Люди вздохнули: теперь не надо с собой брать сухой паёк, есть где пообедать. Столовая представляла современную витражную стекляшку с пластиковыми столиками и удобными стульчиками. Невзирая на некоторую антисанитарию, ходили мы туда с удовольствием. В один прекрасный «отбойный» день (летом рейсы задерживались до конца светового дня) я застряла в Халактырке с двумя детьми (сыну лет десять-двенадцать, дочери — четыре годика). Побежали обедать. Но, к сожалению, нас ожидала не как обычно гостеприимная столовка, а приклеенное на её двери объявление. На замусоленном клочке обёрточной бумаги большими корявыми буквами было написано одно слово: «Ревизия». Пока мы ломали головы над тем, что предпринять, подъехал ещё один желавший откусать. Он восседал на мотоцикле с коляской, где громоздилась груда металлических судков и ёмкостей для пищи на вынос. Были такие комплекты для первого, второго и салатиков. Эмалированные или из нержавейки судки устанавливались один на другой и как-то замысловато прочно крепились. Обвешанный такими судками молодой человек подбежал к двери и наткнулся на это же объявление. Постояв некоторое время в оцепенении, он вдруг истошно завопил: «Ворё!» Столько было в его голосе страсти, справедливого возмущения, гнева, желания поест, житейской безысходности, что, когда мы с сыном вспоминаем это (прошло

более сорока лет), то начинаем весело смеяться. Как показало время, столовая с того времени больше не действовала то ли по убыточности, то ли там работало, как кричал молодой человек, ворьё.

Немного об обратных рейсах. Из Эссо тоже надо было вылетать. Всем, как правило, срочно. Кому в отпуск, кому в больницу, кому на учёбу, на защиту дипломной работы, советско-партийным работникам — на пленум, съезд, конференцию и прочее. Дата в билете на вылет из города формально, но всё-таки проставлялась. Из Эссо билеты продавали согласно предварительно составленным спискам в час вылета самолёта из города. Одновременно с этим на крыше аэропортовской радиостанции выбрасывался красный флаг. Его появление тщательно отслеживалось уезжающими, провожающими, встречающими и просто любопытствующими. В момент появления флага из сельских дворов в окружении провожающих начинали выбегать потенциальные пассажиры с котомками, рюкзаками, тюками, свёртками, сетками-авоськами, фанерными и дерматиновыми чемоданами. Впереди, стайками, встречать самолёт мчалась детвора. Ей было интересно и важно посмотреть, кто прилетел, кто улетает, первыми узнать, какие пришли фильмы, что за товары привезли в рыбокооп, прислали ли почту.

Если рейсы совершались регулярно и желающих улететь набиралось не более десятка, тогда все спокойно оформлялись и отбывали. Но если самолётов не было несколько дней, а того хуже и недель, то что же начиналось в служебной комнатухе начальника аэропорта и у мизерного окошка открывшейся кассы! В первую очередь надо было отправить представителей властных структур, торговых работников, родных и близких, соседей. Тогда уже никакой флаг не вывешивали. Работники всеми силами старались скрыть вылет первого самолёта от сельчан, но и те не дремали. Начинало активно работать «сарафанное радио». Заинтересованные (особенно если самолёт был в Эссо с ночёвкой) начинали отслеживать малейшее движение в сторону аэропорта. Портовики в полном составе торопливо отправились на работу, лётчики пошли рано купаться на ключ и завтракать в столовую. Наконец, они повернули на аэродром, и тогда без всякого официального знака, сигнала, флага пассажиры кидались вслед за ними. Затем начиналась борьба за право улететь первыми. Счастливичики отправлялись, остальные, понунив голову, разбредались по домам ожидать следующий рейс...

Август 1965-го. Воскресенье, утро солнечное, лучистое, погода лётная. Отправляюсь в город с каникул. Задержек нет. Редкая

удача. Всего два пассажира: я и женщина-геолог с производственной травмой глаза. Улетаем с ночующим бортом рано. Всё складывалось благополучно и радостно, но на самом подлёте Халактырка закрылась. Вираж — приземляемся в Мильково. Лётчики, пообщавшись по радио с начальством, просят разрешить вылет в город без пассажиров. Никому не хочется болтаться по чужим углам, лётчикам тоже, особенно в воскресенье. Вылет одобряют. Нас быстренько вытряхивают из самолёта, твёрдо пообещав, что заберут в город первым проходящим бортом. Мы тоскливо сидим в какой-то аэропортовской каморке. Потом выходим на улицу, где стоит жара, звенит и стрекочет камчатский гнус, манит к себе шелковистый травяной ковер. Я укладываюсь на него. Геологиня говорит, что лежать на земле нельзя. Находит кучу корявых берёзовых обрезных брёвен. Укладывается на них и мгновенно погружается в здоровый крепкий сон. Мне не спится. Как-то непривычно возлежать на дровах. Ворочаюсь с боку на бок. В голове торчит упрямая мысль: где будем ночевать? И — о чудо! В воздухе самолёт! Вот он, всепроходимый Ли-2. Самолёт грузовой, перевозит что-то из геологической партии, пассажир только один — начальник экспедиции. Моя спутница бежит к коллеге, просится на борт. Её забирают. Я же лишь грустно наблюдаю за этим — одной на перепутье оставаться совсем невесело. Слышу голос: «Ну, давайте возьмём её с собой, что ж девчонке здесь одной оставаться». По кивку вспрыгиваю на трап. И вот я в самолёте то ли с рудой, то ли с ещё каким-то геологическим богатством. Через час — мы в Елизово. А там до города — рукой подать.

Случились на моей памяти и две аварии. Стала очевидцем одной из них. Во время схода снега, во второй половине апреля, взлётные полосы поселковых аэропортов раскисали. Наступала распутица, длившаяся, как правило, до начала июня. Точно не помню, какой это был год, пожалуй, 1959-й. Стояла, как никогда, затяжная весна. Уже заканчивалась первая декада июня, а полоса к приёму самолётов была ещё не готова. Перед распутицей все эссовчане старались побыстрее добраться домой, аэродромщики пытались по полной всех вывести. Но на этот раз несколько человек всё-таки застряли в городе. Более полутора месяцев они находились вне дома в походных условиях. Эссовские авиаторы взлётную полосу, пожалуй, тогда только грудью не сушили, что только не предпринимали для приведения её в готовность. Обычно первый после распутицы самолёт выпускали без пассажиров. Он даже назывался — пробный. Но на этот раз, скорее всего из сочувствия к оставшимся в городе,

их посадили на первый после распутицы борт. Мне тогда было лет пятнадцать, я находилась в толпе встречавших самолёт ребят-шек. Первый рейс после большого перерыва — это же так любопытно! Наконец, долгожданный самолёт показался в небе, пошёл на посадку и вдруг, уже приземляющийся, вместо пробега по полосе воткнулся носом в землю и стал медленно переворачиваться. Полоса оказалась не готова. Из остановившейся вверх шасси машины начали выбираться ушибленные пассажиры. Следом за ними вышел экипаж. Всё обошлось. Пассажиром в больнице оказали первую медицинскую помощь, и те разошлись по домам. Лётчики тяжёлых травм вообще не получили.

К сожалению, вторая катастрофа завершилась не столь благополучно. Где-то в конце 1960-х, зимой, самолёт попал в скверные метеоусловия на подходе к Эссо, по-видимому, там же, где мы пострадали в 1955-м. Только на сей раз пилоты не справились, машина врезалась в горные отроги, но, к счастью, не разбилась, а на лыжах скатилась вниз. Все находившиеся в ней потеряли сознание. Один из пассажиров очнулся быстро и стал приводить в чувство других. Взял из багажа тёплые вещи, горячительные напитки и с их помощью спас всех пассажиров. Экипаж, к нашей общей скорби, погиб...

Сейчас всё это в прошлом. За горизонтом времени скрылась целая эпопея далёкого от большой авиации камчатского аэропорта. Вспоминается она иногда, да и то по случаю. Если бы не попавшая мне книга «Родом из Халактырки», я бы никогда не решила написать об этом. А сейчас погружаюсь в былое, и встаёт передо мной вот такая картина. Утро... Мечусь по улице в поисках действующего телефона-автомата. Судорожно бросаю одну за другой заранее припасённые двухкопеечные монеты, набираю заветный номер 2-44-07. Из трубки через технические хрипы, треск и шорохи слышен с трудом различимый, но до боли знакомый голос: «Первый борт уходит, а второй — нет, отбой на целый день. Приходите завтра к девяти утра». А завтра — задержка до двенадцати часов...

Тем не менее, очень хочется пережить всё это заново. Увидеть славные и сочувствующие лица халактырских авиадиспетчеров. Конечно же, улететь первым бортом. С высоты птичьего полёта полюбоваться родным городом, окружающими его селениями, тремя красавцами вулканами, до которых, кажется, можно дотянуться рукой. За два часа преодолеть пятисоткилометровое расстояние. На подлёте к Эссо в предгорьях Быстринских хребтов с замиранием сердца побарахтаться в воздушных ямах. Наконец, выбраться из самолёта и, облегчённо вздохнув, бросить прощальный и благо-

дарный взгляд в сторону пилотов. Дорогих наших героев-соколиков. Каждый из них в своём роде Валерий Чкалов — ведь обычный рабочий день рядового лётчика с Халактырки требовал от него мужества, выдержки, решительных действий, порой граничивших с настоящим подвигом. Зато какой богатый практический опыт они нарабатывали на сложнейших камчатских авиатрассах! В дальнейшем он открывал нашим пилотам широкую дорогу в большую авиацию. Да и нас, пассажиров, Халактырка научила многим житейским мудростям. Во всяком случае, меня. Я никогда не строю в пути предварительных планов. Помню: «Не говори гоп, пока не перепрыгнешь». Опираясь на халактырский опыт, выработала стойкую привычку никуда и ни по каким делам во время технических задержек рейсов не отлучаться и попусту не нервничать. Убеждаю себя, а заодно и других, что мы на земле, это главное. Всё остальное утрясётся. Искренне верю, что авиация — самый безопасный вид транспорта. Когда-то, прикоснувшись через Халактырку к скрытой стороне работы авиаторов, я не понаслышке знаю, как много для этого делается. Нам остаётся им только помогать, неукоснительно выполнять все правила, законы и требования авиации, даже если порой они нам кажутся нелогичными, непонятными, необоснованными. У нас на Камчатке выбора нет. Сюда, как в песне — «только самолётом можно долететь». Поэтому за многие годы полётов я научилась полностью доверять экипажу, который ещё и лично отвечает за мою безопасность. Ни в каком другом виде транспорта не услышишь: «Экипаж приветствует вас на борту нашего самолёта. Командир экипажа — пилот первого класса Соловьёв Сергей Николаевич... Желаем всем приятного полёта!»

Закрываю глаза, передо мной встают тревожные лица дорогих моему сердцу лётчиков Халактырки прошлых лет. С этой минуты и до слов «наш самолёт приземлился в аэропорту города Петропавловска-Камчатского» я ощущаю себя одним целым с экипажем, который по-настоящему заботится обо всех, и обо мне тоже.

ИЗ ФОНДОВ МУЗЕЯ

Козыревский совхоз

Автором приведённых ниже воспоминаний, датированных 15 мая 1970 г. и оформленных как письмо на клетчатых страницах школьной тетради, является ветеран хозяйства, пенсионер Архип Евсеевич Дейнеко. Никаких данных о нём в музее найти не удалось, но в этом нам помог Государственный архив Камчатского края (ГАКК). Здесь сохраняются несколько дел, касающихся образования и деятельности совхоза.

В «Опросном листе», составленном партийным следователем контрольной комиссии ВКП(б) 15 августа 1932 г., об А. Е. Дейнеко имеются такие сведения [ГАКК. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 3. Л. 16]: родился в 1905 г., из крестьян, русский, окончил вышеначальное училище, в 1928 г. вступил в ВКП(б), получил политическое образование в объёме партшколы второй ступени. С октября 1927 г. по 10 января 1930 г. служил в Красной Армии, специальность на время опроса — тракторист, оклад 225 руб. в месяц.

В 1930 г. Акционерное Камчатское общество (АКО) предполагало создать на полуострове три сельскохозяйственных совхоза: Петропавловский, Большерецкий и третий, условно названный Усть-Камчатским. Эти хозяйства должны были снизить зависимость полуострова от поставки продуктов с материка и стать своеобразным «оплотом» советской власти в деревне. На их обустройство выделено 1,8 млн руб., сделана заявка на 27 тракторов и земледельческие орудия для разработки около 2 000 га. Получено право на ввоз 500 канадских коров. Деревянные постройки предполагалось изготовить на материке, разобрать и доставить на Камчатку с открытием навигации.

К 1 марта представитель АКО намеревался выехать в долину реки Камчатки для определения места размещения третьего совхоза. К концу месяца выяснилось, что он, первоначально наметавшийся к организации вблизи Мильково, теперь будет расположен в районе Козыревска.

20 апреля 1930 г. правление АКО приняло, а Хабаровский крайплан утвердил показатели промышленной колонизации Камчатки на 1930 г. Согласно им, в селение Козыревск намеревались переселить 128 чел. [Полярная звезда, 1930, № 5, 32].

Совхоз организован и начал своё существование на Камчатке с 27 мая 1930 г. Название ему было присвоено «Козыревский совхоз имени Особой Краснознамённой Дальневосточной армии», [расположение —] Мыс Крюки.

30 апреля 1930 г. во Владивостоке на пароход было погружено продовольствие, промышленные и строительные материалы, коровы, лошади, свиньи, а также и люди. В ночь на 1 мая пароход отправился на Камчатку, в Петропавловск. По пути заходил в Японию, в порт Хакодате, где заправился пресной водой, здесь был закуплен картофель. По прибытии в Петропавловск пароход стоял шесть суток в ожидании парохода из Америки, на котором были доставлены тракторы, сельскохозяйственные машины, спецодежда, палатки и брезенты для совхозов Камчатки.

В 1930 г. на Камчатке было организовано три совхоза: Козыревский, Петропавловский и Усть-Большерецкий.

В Петропавловске на наш пароход было перегружено с прибывшего из Америки 11 тракторов марки «Клетрак», из них восемь двадцатисильных и три сорокасильных.

По прибытии в Усть-Камчатск пришлось несколько дней ожидать открытия навигации по реке Камчатке. Через несколько дней река открылась, на кунгасы была погружена часть продовольствия, несколько коров и часть людей. Одновременно из Усть-Камчатска вышло три катера, и 27 мая катера пришвартовались у берега, где сейчас склад совхоза.

Выйдя на берег, мы спросили у директора совхоза, приехавшего с нами: «А где совхоз? Далеко ли до него?» Ответ был таков: «Здесь и будет Козыревский совхоз!» — «А где будем жить?» — «Здесь и будем жить. Поставим палатки и начнём строить совхоз».

В то время здесь не было никакого жилья и людей.

Первым директором совхоза был Борис Иванович Береговой, агрономом — Гавриил Леонтьевич Терещенко, зоотехником — Еремеев, завхозом — Критик, прорабом — Кирющенко, механиком — Стукалов, заведующим складом — Шабалин, заведующим магазином — Косицин.

27 мая к вечеру были поставлены палатки. Выгруженный скот и лошадей привязали к деревьям. Организовали котловое питание. Всего привезли 45 дойных коров, двух быков-производителей, 30 лошадей, в том числе двух производителей, пять свиней. Кроме тракторов и прицепных орудий, привезли конные плуги и бороны «Зигзаг», но ни одной автомашины.

Приехали 25 механизаторов, доярки, скотницы, конюхи, два кузнеца, сельхозработники. Позже, в июне, привезли 150 сезонных строителей, начавших сооружать жильё — бараки и производственные помещения — скотный двор, конюшню, пекарню, больницу.

В первое лето построили административный дом, где сейчас контора, общежитие для холостяков, кухню и контору (здесь сейчас сельский Дом культуры), четыре барака, пекарню, больницу (здесь сейчас кузница), конюшню и скотный двор, рядом с конюшней.

Люди — рабочие и администрация — все жили в палатках до октября, и по мере окончания того или иного барака вселялись в него. Часть рабочих зимовала в землянках, построенных ими самими на берегу, где сейчас склад горюче-смазочных материалов.

Сначала были построены временная столовая на берегу, пекарня, где выпекали хлеб (до этого дней семь питались лепёшками).

В первое лето было раскорчёвано и освоено 36 гектаров земли, посажено 3,5 гектара капусты, остальное — картофель и морковь, редис, лук-батун, турнепс. В октябре сезонные строители уехали на материк, зимой строительство не велось. В 1931 г. оно возобновилось, люди приехали снова, к зиме снова уехали. Так делалось в течение трёх лет.

Снабжение рабочих и служащих продовольственными и промышленными товарами велось через совхоз, через «закрытый» магазин. Всё отпускалось в кредит, без денег. Каждый рабочий и служащий имел три книжки: расчётную, заборную, сберегательную. Что бралось в магазине, записывалось в заборную книжку. В конце месяца все книжки сдавались в бухгалтерию, там начисляли зарплату, производили все удержания, записывая в расчётную книжку. Остаток заработанных денег записывался в сберегательную книжку.

Жили без денег. Если они были нужны, то бухгалтерия выписывала чек, нужно было ехать в Козыревск на почту и там получить деньги. Если кто рассчитывался, то ему выписывался чек только для проезда до Владивостока, там АКО выплачивало окончательный расчёт.

Первый год продукция совхоза — молоко, творог, сметана и продукция полеводства — редис, огурцы, лук, капуста — частью реализовывались на месте, а часть вывозились представителями совхоза в Ключи и Усть-Камчатск. Для перевозки продукции в Усть-Камчатск и доставки оттуда грузов совхозу был выделен двадцатипятисильный японский катер — кавасаки и кунгас на восемнадцать тонн. Кавасаки принимал до семи тонн груза.

В 1930 г. была организована партийная организация совхоза из шести человек, появилась комсомольская организация.

Вот какие проводились «культурные мероприятия»: была при рабочем комитете передвижная «немая» киноустановка, выпускалась стенгазета, имелись кружки — драматический и «Синяя блуза». Часто проводились танцы, кинопоказы, самодеятельные концерты. Молодёжи было много, притом активной. Большинство рабочих только что демобилизовались из Красной Армии. Хорошую организаторскую работу вели комсомольская и профсоюзная организации, они же активно участвовали в культурно-массовых делах.

Большую работу в развитии и строительстве совхоза в первые годы проводили механизаторы, особенно весной и летом. Наряду с весенним севом, они вели раскорчёвку и обработку полей, заготовку и вывоз силосной массы, подвозили строительный лес, заготавливали грубые корма, убирали и вывозили с поля овощи. В неурочное время разгружали баржи и вывозили грузы с берега. Механизаторы работали от десяти до шестнадцати часов в день. Зимой, после ремонта своего трактора и прицепных машин, механизаторы шли на вывозку кормов, заготовку дров, вывозку навоза и другие работы.

Летом полеводам большую помощь оказывали доярки, которые, не считаясь со временем, выходили в поле на прополку таких культур, как турнепс, капуста, а также на уборку турнепса и капустного листа на силос.

В трудные моменты во время уборочной кампании доярки после вечерней дойки выходили после десяти часов вечера на вывоз с полей капусты и турнепса, работая грузчиками на тракторных тележках. Это — М. Борец, М. Боровых, Р. Оселедец, Тахтурова и другие.

Быстро развивалось свиноводство. От каждой свиноматки получали не менее двенадцати деловых поросят.

В первые годы АКО не особенно щедро снабжало совхоз такой техникой, как тракторы, автомашины. До войны хозяйство имело всего одну автомашину — «полуторку» ГАЗ-АА и отечественные тракторы «Интер» в двадцать пять лошадиных сил, один-два газогенераторных трактора ХТЗ в сорок сил, газогенераторный трактор «Сталинец» в шестьдесят пять сил и два керосиновых трактора «Алтаец» по сорок сил.

Во время войны были выделены две грузовые американские автомашины марки «Студебеккер».

Хорошее снабжение техникой наладилось уже после войны. Начали поступать тракторы С-80, С-100, «Беларусь», ДТ-54, автомашины ГАЗ-53, самосвалы, легковые машины, бензовозы. Такие

сельхозмашины, как силосоуборочные комбайны разных марок, картофелекопалки, картофелеуборочные комбайны, капустопосадочные машины, тракторные широкозахватные машины, тракторные грабли, копнометатели, прессовочные машины и машины для уборки сена и одновременной переработки на сенную муку. Если всё это сравнить с тридцатыми годами, то техникой совхоз был снабжён во много десятков раз больше, и главное — все машины отечественных марок и качественнее американских и других.

Если совхоз в 1930 г. имел посевной площади только 36 гектаров, то сейчас одного картофеля засеивает более 100 гектаров, 30 — капусты, более 10 — других овощей плюс многолетних и однолетних трав не одну сотню гектаров. Можно сделать вывод, что совхоз вырос в крупное земледельческое хозяйство.

Если сравнить с 1930 г., когда совхоз имел сорок пять коров, то сейчас он имеет шестьсот дойных коров и несколько сот молодняка.

Молочная продукция совхоза сейчас имеется на прилавках Козыревска, Петропавловска. Капуста нашего совхоза не только бывает на прилавках района, но и вывозится в северные районы.

За время существования совхоза сменилось уже шестнадцать директоров. Семнадцатый — Н. И. Счастливцев. Хорошо руководил Алексей Гаврилович Милютин, это было в 1938—1939 гг.

Совхоз тогда, в 1939 г., завоевал по итогам развития животноводства право участия во Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в Москве, куда ездили скотники, доярки, в том числе Николай Талинцев. В 1939 г. было развёрнуто строительство жилья, особенно много построили индивидуальных домов для рабочих, а также бараки, скотные дворы и другие сооружения.

Получили хороший урожай картофеля, капусты, снизили плановые убытки. (Социалистическая экономика, нацеленная на развитие и повышение благосостояния всего общества, а не на извлечение сиюминутной выгоды, могла себе позволить иметь «плановые убытки» в отдельных отраслях хозяйствования. В нынешних «рыночных» экономических отношениях это — вещь небывалая. — *Ред.*)

Неплохо выглядел совхоз при Петре Ивановиче Декине, проработавшем директором больше всех.

Несколько слов о моей работе. В совхоз я прибыл в качестве тракториста первой категории. Работал на тракторе «Клетрак» с мотором в сорок сил на раскорчёвке. В 1931 г. был избран освобождённым председателем рабочкома (рабочего комитета, то есть профсоюзной ячейки. — *Ред.*), трудился год, потом — опять в трактористы. Была бригадиром тракторной бригады, два года

механиком, потом два года начальником животноводческого цеха. Затем снова был трактористом, два года — бригадиром дойного стада, два года заведовал складом, год был учётчиком в механическом цехе, временно — бригадиром полеводов и бригадиром заготовителей кормов. По четыре года проработал завхозом, председателем сельсовета, счетоводом-кассиром. Много лет был неосвобождённым председателем рабочкома. Последние четыре года перед уходом на пенсию был казначеем и председателем комиссии по социальному страхованию.

В комсомоле состоял с 1923 г, в партии — с 1928 г. За время работы в совхозе имею много почётных грамот от дирекции хозяйства, рабочкома, партийной организации. Получал денежные премии, грамоты райкома партии, райисполкома, областного совета профсоюзов. Награждён медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», юбилейной медалью к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина за долголетний добросовестный труд. Дважды занесён в Книгу почёта совхоза.

Авторское приложение

Список директоров Козыревского совхоза

Касьянов И. М.	Малинин	Чиж М. Н.
Кашуба С. С.	Король Н. И.	Коваль С. С.
Латышев	Отченашко Ф. И.	Бин Н. Н.
Милютин А. Г.	Журавлёв	Еликоев Э. К.
Шишкин В. Я.	Горенной М. Е.	Бахарев Н. А.
Никитин П. Г.	Ильин А. А.	Кобылинский П. В.
Декин П. И.	Разумнов А. Е.	Долманов В. Ф.
Степанченко	Счастливцев Н. И.	Еликоев Э. К.
Тульчинский Б. И.	Бушин М. А.	

А теперь вновь обратимся к документам, хранящимся в ГАКК, из коих можно более подробно узнать об отдельных сторонах организации и деятельности Козыревского совхоза, жизни его работников. В некоторых из них мы находим и имя автора приведённых выше воспоминаний.

Акт обследования земельных участков от 20 мая 1930 г.

...Мы, нижеподписавшиеся, управляющий Козыревского совхоза Мятежный-Касьянов Иван Михеевич, представители Петропавловской конторы АКО Афанасьев Прокопий Федотович, агроном совхоза Терещенко

Гавриил Леонтьевич, землеустроитель Козловский Георгий Иосифович и представитель Усть-Камчатского райкома партии Козловский-Уткин Георгий Васильевич, составили настоящий акт в том, что при подыскании места под совхоз в долине реки Камчатки нами были осмотрены два участка. Первый — в тридцати километрах от села Козыревска ниже по реке Камчатке и в 140 километрах от Усть-Камчатска в районе местечка под названием Крюки, бывший посёлок молокан, и второй участок — в районе устья реки Николки, 340 километров от Усть-Камчатска.

Третий участок, намеченный к осмотру в районе Ключи, посетить не удалось, так как невозможно было пробраться к самому участку ни на катере, ни на лошадях. Кроме того, по наведённым справкам, участок не подходит для совхоза и по экономическим, и по метеорологическим условиям.

Комиссия в основу обследования за неимением времени смогла положить три основных условия, которым должен соответствовать выбранный участок. Это — нормальные почвенно-ботанические, экономические и метеорологические условия. На первом участке, в районе местечка Крюки, нами осмотрена территория радиусом в пять километров. Весь участок покрыт редким лесом из берёзы, тополя, лиственницы, из кустарников встречаются жимолость, спирея иволистная, вереск. На раскорчёванных местах молоканами растёт пышный сомкнутый веник, в лесу же не встречаемый. Кроме веника — хвощ лесной, папоротник и некоторые осоковые.

Почва участка аллювиально-вулканическая, состоит из лесной подстилки до пяти сантиметров, перегнойного слоя до пятнадцати сантиметров, тёмного цвета. Снизу же под перегноем залегает след вулканического пепла до трёх сантиметров и далее идёт желтоватый песок.

Рельеф участка мелко холмистый, по нему изредка воронкообразные ямы, местами встречаются свободные от леса места, так называемые аласы (слово якутского происхождения, означающее плоские котловинообразные просадочные понижения в мерзлотных районах. — *Ред.*), покрытые зарослями спиреи (многолетний кустарник. — *Ред.*). На осмотренной нами площади таких участков около пяти гектаров.

По сообщениям старожилов, вблизи этого участка имеются обширные сенокосные угодья, но нам их за недостатком времени не удалось осмотреть. Из осмотренных же мест, годных для размещения с предварительной подготовкой, было не менее сорока гектаров.

К отрицательным сторонам данного участка, по мнению комиссии, следует отнести слабую защищённость от холодных ветров, бугристый рельеф, небольшой пахотный горизонт. По метеорологическим условиям данный участок пригоден для культуры некоторых злаковых и многих огородных растений. Данные были взяты в селении Козыревск.

Второй участок находится в пяти километрах от реки Николки и в четырёх километрах от реки Камчатки. Участок состоит из целого ряда аласов, всего замечено до ста гектаров, заросших преимущественно спиреей, местами жимолостью и багульником. Заросли спиреи настолько значи-

тельны, что трав видно незначительное количество, преимущественно веник, хвощ, осока и другие.

Большая часть этой площади покрыта сфагновым мхом, не менее десяти сантиметров, под которым ещё в мёрзлом виде перегнойный горизонт до десяти сантиметров, от наличия сырости слабо перегнивший. Под ним находится слой вулканического пепла и далее песок.

Вокруг аласов идут густыми массивами лиственница, ель, изредка с примесью берёзы и осины с подлеском из кустарника жимолости и других. Почвенного слоя под сфагновым мхом почти нет, несколько слабо перегнивших древесных и травянистых остатков, не освободившихся в настоящее время ещё от мерзлоты. Трав почти нет, встречаются изредка лесной хвощ, осока и веник. Из положительных сторон можно взять только сравнительно ровный рельеф. Для приведения участка по аласам в более культурный вид потребуются значительный промежуток времени, привести в культурный вид не удастся.

На основании приведённых выше обследований, комиссия находит более подходящим местом под совхоз район Крюки...

ГАКК. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 3. Л. 25

Протокол № 3 объединённого заседания ячеек ВКП(б) и ВЛКСМ
Козыревского совхоза от 14 августа 1930 г.

Присутствуют члены ВКП(б) 6 чел., комсомольцы 2 чел. и беспартийных 12 чел.

Председатель Дейнеко, секретарь Кирющенко.

Повестка дня: 1. Доклад о работе объединённого рабочкома совхоза и строителей.

2. Организация женделегатского собрания.

3. Закрытая часть.

Слушали: доклад месткома, тов. Осокина, о работе месткома с начала организации месткома во Владивостоке по сие время.

Вопросы:

1. Какая культурная работа? — Нету ввиду отсутствия палатки и т. д.

2. Почему нет стенгазеты? — Трудно проверить, все в разбросе работают.

3. Что помогала партячейка? — Вначале не было руководства, сейчас есть.

4. Когда будет разобран коллективный договор? — 17 августа читка.

5. Проводится ли постановление? — Проводится.

6. Сделаны ли отчисления администрацией на культурные нужды? — Нет.

7. Чем руководствуется финансово-контрольная комиссия? — Общим положением.

8. Имеет ли рабочком промышленно-финансовый план? — Нет его у нас.

9. Меры по отношению явного симулянтства? — Моральное воздействие более строгое.

10. Прижимает ли вас администрация? — Один случай был.

11. Как дальше будет идти культработа? — Составлен план, выписаны литература, кино, радио.

12. Что принимается против карт? — В совхозе на деньги не играют.

13. Есть ли случаи неправильной оплаты рабочих? — Нет.

14. Почему при закрытии сезона стреляют охотники? — Случай есть.

15. Следит ли охрана за рабочим временем? — Да.

16. Почему коллективного договора нет у землеустроителя? — Запрошен.

17. Имеется ли коллективный договор у строителей? — Да.

18. Что сделано по снабжению товарами рабочих? — Меры принимаются.

19. Почему строителям не дают водку? — Это дело администрации, пока для трудных работ.

20. Почему вообще даётся водка? — Нельзя обойтись в наших условиях.

21. Как будут делить робы? — Это спецодежда.

22. Что будет делать рабочком о невыходе пильщиков на работу? — Я договорился с рабочими и администрацией.

Высказались:

Дураков. Работа по силе возможностей шла в силу обстоятельств. Плохо руководила ячейка ВКП(б). Работа вообще... Плоховата культурная работа — слабовата ввиду ряда причин. Вообще даже совхоз работал слабовато, нет промфинплана. Нужно больше заняться рабочей культурой и производством.

Терещенко. Нет твёрдого мнения в рабочкоме в вопросах взаимоотношения рабочих с администрацией. Ориентировочный промфинплан был, но он частичный.

Береговой. Я дал распоряжение о варке на ужин щей и супов.

Заключительное слово. Культурную работу будем нажимать, то же на труддисциплину. Двойственности у меня нет, я нахожусь между двумя огнями (рабочие и администрация) и стараюсь сделать правильно. Строительные материалы не даём, их у нас к зиме нет. Есть у нас очень плохие рабочие, но мы против них принимаем меры.

Слушали: организация женделегатской группы. Слово секретаря ячейки ВКП(б) тов. Дуракова.

Постановили: организацию женделегатской группы поручить товарищу Наумцевой.

Закрытая часть партсобрания.

Слушали: информацию секретаря ячейки ВКП(б) тов. Дуракова о том, что у нас сильно развито у некоторых членов симуляция в явно выраженной форме. Вчера на профсоюзном собрании это воплотилось в особенности явно, проявляется она в [поведении] тов. Леднянского, Астапова, Пестова и Колосова, которые даже начинают вести организацию беспартийной молодёжи под предлогом «борьбы против недостатков Берегового и других работников в совхозе».

Высказались: Карымов, Кирющенко, Наумцева, Тукалов и Дейнеко, подтвердив все явные факты симуляции вышеупомянутых товарищей, в особенности Пестова, Астапова и Леднянского.

Постановили:

1. Выяснить партийную принадлежность Астахова и Леднянского. Если они комсомольцы, то разобрать их дело о симуляции, и в случае, если они в этом не будут подавать надежду на исправление, то из комсомола исключить. Дело поручить тов. Дуракову и Дейнеко. 17/VIII на общем профсобрании поставить вопрос о труддисциплине на повестку дня.

2. На наших рабочих совхоза и землеустроителях на собрании особо выпятить вопрос о симуляции упомянутых четырёх товарищей. К собранию по вопросу симуляции отдельных товарищей подготовиться всем комсомольцам, партийцам, подготовить надёжных беспартийных, с тем чтобы выступить и дать резкий отпор нетерпимым явлениям — симулянтам. Выводы сделать таковы, чтобы упомянутую четвёрку, в случае если подтвердится этот материал, с работы совхоза считать с удержанием подъёмных и других расходов, связанных с тем, что они ехали сюда не на три года, а на половину сезона.

Доклад о труддисциплине поручить Кирющенко.

ГАКК. Ф. П-138. Оп. 1. Д. 1. Л. 5—6

Протокол № 10 закрытого общего собрания ячейки ВКП(б)
Козыревского совхоза от 7 декабря 1930 г.

Присутствовали пять членов. Секретарь собрания Дейнеко, председатель собрания Касьянов.

Повестка дня: 1. О комсомольской ячейке. 2. О снабжении совхоза. 3. О соцсоревновании и ударничестве. 4. О готовой отчётности бухгалтера. Слушали: о комсомольской ячейке.

Постановили: предложить прикреплённому к ячейке ВЛКСМ т. Дейнеко вплотную взяться за работу комсомольской ячейки, строго придерживаться календарного расписания и руководствоваться решениями XVI партсъезда.

Слушали: о снабжении совхоза.

Постановили: ответственность за снабжение совхоза возложить на т. Берегового, составление заявок и смет. Использовать все возможности по заготовке мяса и овощей в окрестностях совхоза. Поставить вопрос перед райкомом, чтобы снабжение весной поступало вместе с рабочими.

Слушали: о соцсоревновании и ударничестве.

Постановили: местному провести организацию ударных бригад, где не организованы. Созвать совещание бригадиров ударных бригад. Администрации распределять работу так, чтобы не разбивались бригады. Местному провести в жизнь постановление о соцсоревновании с Петропавловским совхозом.

Слушали: о годовой отчётности бухгалтера.

Постановили: годовую отчётность после отчётного года отправить нарочным или по почте. Поездку бухгалтера в Петропавловск считать нецелесообразной.

ГАКК. Ф. П-138. Оп. 1. Д. 1. Л. 21



С. С. Кашуба, директор Козыревского совхоза, 1932 г.
(КОКМ, НВФ 3740)

„Партийные, советские и хозяйственные организации, в том числе политотделы МТС и совхозов, должны по деловому организовать работу по выполнению государственных планов под'ема животноводства, а партийные и советские работники должны овладеть ее техникой и заниматься им повседневно так же настойчиво и внимательно, как и вопросами зернового хозяйства, привлекая к этому вселучшие и активные беспартийные силы“

(из постановления июньского пленума ЦК ВКП(б).

Лозунг из газеты «Камчатская правда» за 10 августа 1934 г., № 183
(КОКМ, ККМГИ 5475)



Свинарник Козыревского совхоза, 1932 г. (КОКМ, НВФ 3764)

А К Т.

Копия:

1932 года июня 15 дня Козыревский совхоз АКО нижеподписавшиеся бригадир тракторной колонны Стукалов Л.Ф. трактористы Декин П.И. и Крамор, представитель от рабочего комитета Дейнеко Архип.

Сего числа составили настоящий акт о том, что с совхоза был взят катер №2, который в настоящее время экспортируется в место кунгаса Ключевским Комбинатом /по перевозке свежей рыбы/ от чего портится и гниет корпус катера №2. Грузоподъемностью 6 тонн. Вильбот изготовлен из американской елки с рубкой штурвалом без палубной надстройки /открытый/ установленный на нем мотор "Фризби" С Н Р с реверсивной муфтой валом и винтом при катере имеется следующее оборудование 1/.Якорь 10 кг. с цепью 10 метров 2/.Бак для керосина 1 шт. 3/.Бак для бензина 1 шт. 4/.Фонарь летучая мышь 1 шт. 5/.Примус Кан инвентарь при катере 1. Ведро 2. Банка пусая.

ИНСТРУМЕНТЫ.

1/.Молоток слесарный 1. 2/.Отвертка 1. 3/.Зубило 1. 4/.Барабан 1. 5/.Ключ французский ст. 1. 6/.Ключи 2-х конечн. 3/8. Х/2, Х/4. 5/16, и 1/2. Х. 3/4. 3 пор. 6/.Пипетка 1.

К сему и подписуемая :Бригадир. /Стукалов/.

Трактористы. /Декин/.

/Крамор/.

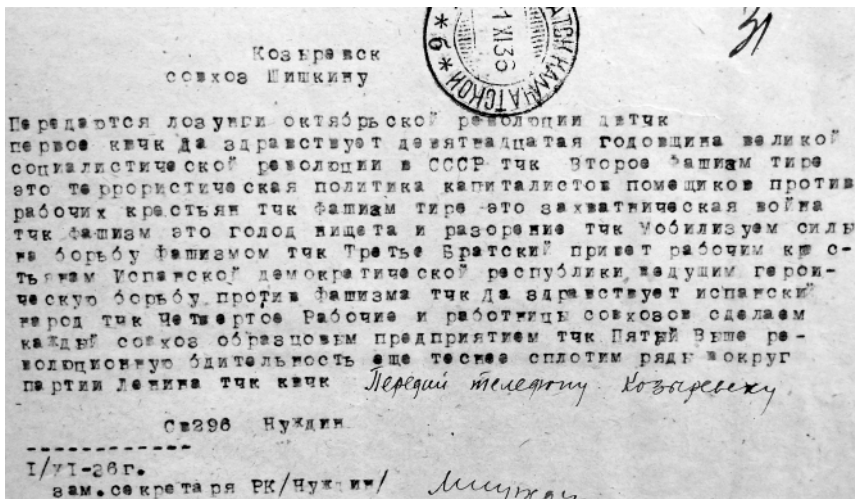
Представитель от рабочего комитета. /Дейнеко/.

Копия верна:Секретарь. *М.И. Иванов* /.

Катер
Якорь

1700 =
62 =

Акт обследования, 1932 г. (ГАКК. Ф. Р-504. Оп. 1. Д. 1. Л. 137)



Из переписки с Козыревским совхозом, 1936 г.
(ГАКК. Ф. П-138. Оп. 1. Д. 8. Л. 31)

Резолюция

Заслушав доклад тов. Кирющенко об объявлении штурма с 6/X-31 по 7/XI-31 и выполнении весьма срочных работ, общее собрание рабочих и служащих Козыревского совхоза, учитывая трудности совхоза, в которые он поставлен ввиду недостатка рабочей силы, нужной механизации и других причин, постановляет:

1. С 6/X по 7/XI, то есть по день Октябрьской революции, все рабочие, служащие и женщины, кои не связаны дома малыми детьми, объявляют себя мобилизованными для заполнения прорыва и берут его штурмом. Женщины с детьми будут работать по желанию. Отпуска во время штурма прекратить, кои ещё не ушли в отпуск.

В день штурма все силы — на достройку дома в десять квартир, барака, скотного двора, склада, мехмастерской, она же и клуб, конюшни. Сделать вновь прачечную и теплицу, подобрать все материалы, убрать огород, сено и прочее. Для ускорения работы по постройке школы на распиловку просить пильщиков в селе Ушки от колхоза. Администрации строго следить за распределением рабочей силы, не допуская скученности и простоев.

2. В дни штурма с 6/X по 7/XI-31 все рабочие и служащие, также домашние, контора, склад, больница, хлебопекарня и лавка работают без выходных, рабочий день — 10 часов, не менее, а по желанию отдельных рабочих — может быть и больше. В дни штурма — ни одного прогула без уважительных причин, также ни одного опоздания на работу, добросовестное отношение к работе, максимальная производительность труда. Улучшение питания за счёт покупки свежего мяса.

3. Поручить местному и администрации срочно выяснить всех женщин, не связанных дома с малыми детьми, составить на них список и включить таковых в общий список рабочих штурма.

4. Для проверки штурма и принятия нужных мер создать контрольный пост: 1) от администрации — Терещенко Г. Л., 2) председатель месткома Чумаков, 3) табельное строительство — Мишин, 4) секретарь ячейки ВКП(б) Дейнеко, 5) секретарь ячейки ВЛКСМ Щёкин, 6) от женщин — Рабут, 7) от рабочих — Бурков. Руководство постом поручить тов. Дейнеко и Мишину.

5. Все хозяйственники ежедневно руководителям поста дают сведения о лицах, кои срывают штурм, если таковые случаи будут иметь место.

6. Лиц, кои будут срывать штурм, предоставляется право посту выносить на чёрную доску, а лучших рабочих — на красную доску. Злостных лиц передавать в товарищеский суд и судить немедленно.

7. С 1/XI подвести итоги штурма и связаться с летней работой. Лучшие группы рабочих премировать в день Октябрьской революции.

8. Вызвать на штурм Козыревский леспромхоз, для чего им выслать свою резолюцию с первым попутчиком.

ГАКК. Ф. П-138. Оп. 1. Д. 2. Л. 67—67об.

Из протокола № 9 открытого партийно-комсомольского собрания
Козыревского совхоза от 17 декабря 1932 г.

...Слушали: о проведении отчётно-выборной кампании. Докладчик Мартынов.

В прениях:

Кожин остановился на бесхозяйственности скотного двора, что поросятадохнут, а депутатская группа никаких мер не принимала, работы депутатской группы совхоза рабочие не видят. Не уделялось внимание... отдельным участкам быта рабочих. Об отчётно-довыборной кампании должны говорить в каждом углу совхоза. Мы должны сегодня резко ударить по лицам, проводившим религиозную пропаганду в совхозе, а здесь, как указал нам докладчик, свила гнездо организованная группа — Чеснов Алексей, Чеснова Софья, Слугин Филипп и ещё, видимо, кто-то, внеся глубокие корни, которые мы должны общими усилиями выявить и вырвать. В дни чтения библии и жития святых срывались занятия ликбеза, школы партпроса, под влиянием религиозной пропаганды повелась и часть молодых, совершенно неграмотных рабочих

Белобородов. Мы должны сказать, что классовому врагу в отчётно-довыборной кампании нет места в Советах и на производстве. Мы не должны допускать Слугина, религиозного пропагандиста, на собрания, выгнать с пределов совхоза, а рабочие поймут, что Слугин своим библейским религиозным дурманом не опутает тенетой, не возьмёт под своё влияние, а часть рабочих попала под влияние Слугина.

Наша задача — оградить отсталую часть [рабочих], доказать вредность религии и вовлечь их в ликвидацию и ликвидировать неграмотность, просить районные организации и дирекцию совхоза выселить из пределов совхоза Чесновых и Слугина, очистить совхоз от чуждых нам элементов, на это мобилизовать рабочие массы и по-большевистски провести отчётно-довыборную кампанию.

Коркин. Классовый враг распустил свои щупальца и привлёк отсталую часть рабочих. Вместо ликбеза в квартире Чеснова и Слугина открывались религиозные читки. Предложение Белобородова я поддерживаю, надо выселить, лишить избирательных прав Чеснова и Слугина.

Шубин. По инициативе рабочкома было проведено обследование скотного двора, в свинарнике обнаружена невероятная грязь, свиньи на пол не ложатся, а спят стоя, прислонившись к стене. Когда комиссия обследовала, то ей заявили, что случаев падежа поросят не было, тогда как пропали поросята и один телёнок. Это всё в результате бесхозяйственности со стороны зава Мороза, который, вместо исправления ошибок, на заседании рабочкома заявил, что завтра же подаст заявление об увольнении меня с работы. Этим самым тов. Мороз показал, насколько боится критики. Да и сами рабочие не по-коммунистически относятся к труду и порученной работе, работу зачастую бросают, не дождавшись часов окончания, не развивают в должной мере соревнование и ударничество. Я также, товарищи, остановлю ваше внимание на кулацкой вылазке Слугина и Чесновых,

проводивших религиозную пропаганду и после того, как у них отняли книги. Вам, рабочие, должно быть понятно, что эти гады религиозную пропаганду используют, чтобы сорвать отчётно-довыборную кампанию, сорвать работу ликбезов, ибо грамотного рабочего им на удочку уже не поймать.

Мороз. Дело доходит до того, что без вины вина ложится на меня, а я работаю всего только два месяца. Если требуется за бесхозяйственность отдать меня под суд, то не возражаю. Меня надо научить, и после меня ещё двадцать человек отдадите под суд. Скотный двор с начала организации совхоза был не оборудован, и помощи мне никто не оказал.

Старосельцев. Отчётно-довыборная кампания должна пройти при нашем полном участии, по-большевистски. Я заострю ваше внимание, что сельсовет не руководил работой совхоза, да и мы его здесь не видали, а сельсовет необходимо было заслушать. Наши представители, то есть депутатская группа, в период отчётно-довыборной кампании должны отчитаться о своей работе. Товарищ докладчик подробно останавливался, как классовый враг и его агентура в совхозе поднимает свою голову в проведении кампании. Мы должны осудить вылазки религиозной пропаганды, разбить осиное гнездо и выселить из совхоза.

Большаков. Отчётно-выборная кампания играет роль в международной обстановке, и в особенности эту кампанию должны провести по-большевистски. Сейчас нужно поговорить о наших достижениях и недостатках, особенно о бесхозяйственности на скотных дворах. Скот кормят гнилым чёрным сеном, и не удивительно, что скот у нас худой. Не лучше обстоит и с финансами. Докладчик уже осветил этот вопрос, но мы должны тоже сказать своё слово, чтобы задолженность по зарплате рабочим и служащим в сумме 80 000 руб. дирекция ликвидировала. Мы, рабочие, должны беречь каждый рубль, бригады — выполнять планы, ввести жестокий хозрасчёт, этим самым выйдем из финансового провала.

Товарищи! Классовый враг всеми путями старается мешать нашему строительству, и в совхозе он тоже проявил свою активность. Мы не допустим даже религиозной пропаганды, решительно ударим по лицам, проводившим кулацкую работу. Я тоже присоединяюсь к ранее выступавшим рабочим о выселении из совхоза Чесновых и Слугина.

Туревич. Я скажу некрасиво, но рабочим языком, ведь качество сена последнего года плохое. Мы погнались за количеством, а о качестве забыли. Больше ничего не скажу.

Заключительное слово тов. *Мартынова.* Ещё раз заостряет внимание на классовой бдительности, выявлении классового врага. Не допустим проникнуть в выборные советские органы. Мобилизация рабочих на выполнение планов и решительную борьбу против оппортунистических методов в работе, на неослаблении самообследования бригад, цехов, налаживании работы депутатской группы. Отчётно-довыборная кампания должна сопровождаться ростом ударных хозрасчётных бригад, ростом партийно-комсомольских ячеек за счёт лучших ударников, рабочих, колхозников.

Обеспечить стопроцентную явку на довыборное собрание, проведя массовую работу среди женщин.

Постановили: просить дирекцию совхоза выселить религиозных пропагандистов — классового врага. Планы проведения отчётно-довыборной кампании утвердить...

ГАКК. Ф. П-138. Оп. 1. Д. 3. Л. 33—36

Заключение по хозяйственной деятельности Козыревского совхоза
за 1934 г.

...Базируясь на оперативных данных, можно сделать следующие выводы о работе совхоза за 1934 г.: план по растениеводству, как по посеву, так и по валовому сбору, совхозом не выполнен. Урожайность по картофелю составила 38 ц с гектара против плана в 80 ц с гектара. По капусте — 13 ц с гектара против 250 по плану, и только по турнепсу плановая урожайность совхозом была выдержана. При сравнении урожайности 1934 г. с урожайностью, полученной совхозом в 1933 г., будем иметь следующие цифры (в т с 1 га):

- капуста в 1933 г. — 5,9, в 1934 г. — 1,3;
- картофель в 1933 г. — 2,44, в 1934 г. — 3,8;
- турнепс с 1933 г. — 11,44, в 1934 г. — 10,0.

Как видно из приведённых цифр, в 1934 г. не только не произошло сдвигов в работе в сторону повышения урожайности, но, наоборот, по некоторым культурам, как например, капуста, имел место регресс. Также не выполнен план и по животноводству, как по поголовью, так и по выходу продукции:

- молоко: план 73,5 тыс. л, факт — 52,4 тыс. л;
- мясо: план 11,3 т, факт — 5,2 т.

За отсутствием в отчёте данных по труду приходится руководствоваться оперативными данными (не совсем полными), из которых видно, что совхоз не имел за истекший год намеченной планом рабочей силы, что, без сомнения, оказало сильное отрицательное влияние на выполнение производственной программы. Очевидно, что недостаток рабочих рук не позволил совхозу произвести необходимые полевые работы, в результате чего и получилось столь значительное снижение урожайности.

Какие результаты имеет совхоз в вопросе себестоимости за отчётный период, сказать трудно при отсутствии в бухгалтерском отчёте калькуляций. Однако, судя по низкой урожайности, полученной совхозом, а также по получению убытка в сумме 135 309 руб. от сбытовых операций продукции собственного производства... можно вывести заключение, что в части себестоимости дело обстоит также неблагоприятно. Представленный совхозом отчёт определяет чистый убыток совхоза за 1934 г. в 179 392 руб.

На основе вышеизложенного можно констатировать, что руководство совхоза не справилось с поставленными перед ним задачами и что работу совхоза за 1934 г. следует признать неудовлетворительной.

ГАКК. Ф. Р-504. Оп. 1. Д. 1. Л. 66—66об.

Численность работников Козыревского совхоза

1933 г. (план/факт): рабочие — 144/96, инженерно-технические работники — 7/2, служащие — 10/15, обслуживающие — 9/10.

Итого: 170/123.

1934 г. (план/факт): рабочие — 398/251, инженерно-технические работники — 67/24, служащие — 53/87, обслуживающие — 26/19.

Итого: 544/381.

ГАКК. Ф. Р-504. Оп. 1. Д. 1. Л. 66—67

Объяснительная записка о хозяйственной деятельности Козыревского совхоза АКО за 1939 г.

Впервые за десять лет существования совхоз имеет накопления в сумме 149 тыс. руб. вместо 35 тыс. убытков, предусмотренных планом. Эти достижения получены в результате:

1) правильно установленного плана сева овощных культур, что позволило высаживать овощные культуры на плодородных участках вокруг центральной усадьбы совхоза;

2) обеспечения навозным удобрением, рыбным туком и минеральными удобрениями всех площадей, занятых овощами;

3) своевременной обработки всех овощных культур. Посадка картофеля, капусты, турнепса, прополка и окучка всех культур проведена своевременно;

4) закрепления ранее достигнутых высоких показателей животноводства в результате работы ранее расставленных кадров, имеющих хорошие производственные навыки, а также широко развёрнутого соцсоревнования и стахановского движения;

5) использования опыта и организационных навыков руководящих кадров совхоза, ранее работавших в совхозе (директора, заместителей директора, помполитчасти, начальника животноводческого цеха), положительно сказалось на организационно-хозяйственном укреплении совхоза.

На высоких урожаях совхоза положительно сказалось также отсутствие ранних августовских заморозков. Наряду с хорошими производственными результатами, совхоз имеет ряд недоработок, в частности: не выполнен план по корчёвке леса под пахотные угодья, имеется большая текучесть рабсилы, недостаточно заготовлено грубых и концентрированных кормов в зимовку 1939/40 гг., имеется значительный отход поросят и телят, а также неудовлетворительно проводились ветеринарные и селекционно-зоотехнические работы.

Отмеченные недоработки совхоза явились следствием:

1) отсутствия керосина и бензина для автотракторного парка. По этим причинам парк почти не использовался в работе в течение года;

2) отсутствия плавединиц, что повлекло недозавоз продовольствия рабочим, концкормов и стройматериалов. Отсутствие катера срывает

своевременную доставку овощей и молочной продукции совхоза в комбинаты восточного побережья;

3) обеспеченности имеющегося поголовья скота на 50 % скотоместами. Прежде всего, отсутствие свинарника для выращивания поросят и отсутствие телятника повлекли скученное размещение животных в плохих животноводческих помещениях. Вследствие этого имеется падёж поросят и телят. Ветеринарная помощь больным животным за отсутствием ветеринарного работника в совхозе оказалась недостаточной.

Недозавоз концентрированных кормов на 40 % потребности и относительно скудное кормление откормочного поголовья свиней и быков-кастратов привело к тому, что совхоз имеет низкий убойный вес откормочного поголовья животных.

План завоза рабсилы в 1939 г. количественно выполнен, однако состав завезённых рабочих не соответствовал заявкам совхоза. Вместо сельхозрабочих завезены рабочие городских профессий: парикмахеры, телеграфисты, милиционеры и т. п. В результате этого, а также вследствие необеспеченности рабочих жилплощадью, постельными принадлежностями, спецодеждой, что было предусмотрено договорами, совхозом было уволено 34 прогульщика, отчего на балансе образовались долги в сумме 106,5 тыс. руб. (вербовочные расходы по завозу прогульщиков).

В течение года совершенно не завозились специальные и производственные хозяйственные материалы, что тормозило работу совхоза.

Планом 1940 г. совхозу увеличиваются на 20 % посев овощных, исключительно трудоёмких культур, а также предусматривается соответствующий рост поголовья скота. Для выполнения плана 1940 г. необходима серьёзная помощь рыбтреста АКО. Требуется обеспечить совхоз:

1) рыбным туком и минеральными удобрениями для внесения под посев картофеля и овощей на площади 100 га на участке Красный Яр;

2) завезти к 15 мая 1940 г. три газогенераторных трактора, газогенераторную автомашину, обеспечить завоз горючего для использования в период сева имеющихся керосиновых тракторов;

3) немедленно выделить один судовой мотор в 50–60 сил для установки его на выделенный совхозу корпус катера Ключевского лесокombината. Обеспечить завоз нефти к 14 мая 1940 г. для работы катера;

4) отпустить капитальные вложения на строительство жилья для приёма вновь завозимых до 90 семей постоянных рабочих, учитывая, что поголовье скота обеспечено только на 50 % скотоместами; капвложения на строительство телятника, свинарника и помещения для больных животных;

5) в целях улучшения противопожарных мероприятий завезти противопожарное оборудование в соответствии с заявкой совхоза;

6) не позднее 1 июня завести в Усть-Камчатск 700 тонн разнообразных концентратов для животноводства;

7) занарядить промышленные стройматериалы для полного выполнения титула строительства, а также средства текущего и капитального ремонта;

8) обеспечить завоз совхозу необходимых производственно-материальных грузов.

Только в результате оказания необходимой помощи совхоз может в 1940 г. выполнить поставленные перед ним задачи с хорошим результатом.

Директор Козыревского совхоза *Милютин*

ГАКК. Ф. Р-504. Оп. 1. Д. 1. Л. 20—21

Из протокола закрытого партсобрания совхоза
от 29 декабря 1943 г.

...Итоги работы V пленума райкома ВКП(б), доклад тов. Никитина.

Докладчик остановился также на работе Козыревского совхоза. Он сказал, что семьи военнослужащих продуктами и топливом обеспечены. Для переселенцев сделан один дом и две землянки. Семенами совхоз обеспечен полностью. Навоза на поля вывезено 676 тонн, золы 17 тонн, фекалий 18 тонн. Отремонтировано семь плугов, 40 борон.

В прениях выступили:

Дейнеко А. Е. Надо больше привлекать к работе женщин, развернуть техучёбу, наладить партийно-массовую работу, организовать изучение книги тов. Сталина с рабочими совхоза.

Хмырова А. И. С женщинами работаем мало, агитаторы не работают, их не собирают. Социалистические договоры не проверяются. Производственные совещания не собираются, профорги не работают.

Мишин. Не все коммунисты изучают книгу тов. Сталина (Богомолов). Коммунист Ненашев не проявляет максимума инициативы в работе, поэтому имеет много недостатков в работе. Слабо поставлена агитработа, профсоюзная работа не стоит на должной высоте.

Ищенко. Изучение книги тов. Сталина проходит неудовлетворительно, потому что посещаемость плохая. Отдельные коммунисты не выполняют партийные поручения.

Кальпус, секретарь райкома ВКП(б), остановился на достижениях района. Отметил недостаточную работу отдельных коммунистов совхоза — ИONOBA, Дейнеко, Шатилова, Хмыровой. Парторганизация растёт слабо. Партийно-массовая работа на отдельных участках отсутствует. Мало коммунистов, которые изучают самостоятельно книгу тов. Сталина.

Решение.

Заслушав доклад тов. Никитина об итогах работы V пленума райкома ВКП(б), партсобрание Козыревского совхоза постановляет:

1. Решение V пленума райкома ВКП(б) одобрить. В соответствии с этим партсобрание обязывает: а) тов. Никитину — обеспечить окончание ремонта тракторов не позднее 12 марта 1944 г., сельхозмашин — к 1 февраля 1944 г.; б) добиться в 1944 г. надоя молока на фуражную корову 1 700 литров; в) по увеличению поголовья скота в 1944 г. — получить от каждой свиноматки 12 поросят, от каждой 100 коров — 80 деловых телят;

г) к 1 мая 1944 г. дать десять рационализаторских предложений, из них пять внедрить; д) организовать курсы трактористов и прицепщиков на 16 чел. к 10 января 1944 г. Заменить мужские профессии женскими, 18 чел. Обучить техминимуму 60 чел. к 1 мая 1944 г.; е) обеспечить ремонт и поделку парниковых рам 1 600 шт. к 1 марта 1944 г.

Обязать тов. Мишина развернуть массовую разъяснительную работу среди рабочих. Не позднее 1 апреля 1944 г. обеспечить сбор верхушек клубней картофеля (для посадки. — *Ред.*).

ГАКК. Ф. П-138. Оп. 1. Д. 13. Л. 54—56

Выступление секретаря парторганизации Козыревского совхоза
Рутковского на 6-й сессии Камчатского областного
Совета депутатов трудящихся 5-го созыва
12 октября 1956 г.

Товарищи депутаты! Козыревский совхоз в 1956 г. работал несколько лучше, чем в предыдущие три года. Отмечены недостатки в развитии полеводства, животноводства и его продуктивности, в увеличении урожайности, в освоении новых земель, капитальных вложений. Все эти недостатки имели место. Причины неудовлетворительной работы Козыревского совхоза заключаются в том, что у нас ещё низкая производительность труда и трудовая дисциплина.

Рабочие зачастую, особенно в полеводстве, не выполняют нормы выработки, в самое «горячее» время часты случаи невыхода на работу. Безответственно к этому относится руководство совхоза, директор не вникает в экономику хозяйства.

У нас много лет работает старший зоотехник тов. О. Это человек, потерявший ценность как специалист, пьяница, больной. С декабря прошлого года он, по существу, не работал, но директор совхоза не принял мер, чтобы освободиться от работника, который не приносит пользу хозяйству. Агроном совхоза — это барин, который никогда не выезжает в командировки и редко бывает на полях.

У нас была тенденция развивать центральное отделение, а другие отделения были заброшены, тогда как в отделении Красный Яр можно было бы быстрее и лучше провести раскорчёвку земель, чем на центральном отделении.

Другая причина плохой работы совхоза заключается в подборе кадров. Жилищные условия у нас тяжёлые, а также низкая оплата труда, особенно в полеводстве. Человек за восемь часов напряжённой работы получает 12 руб. 80 коп. Или на заготовке сена до 1 сентября, то и она стоит 90 руб., тогда как в соседних организациях заготовка сена стоит 300 руб. Такие расценки сказываются на закреплении кадров в совхозе.

Есть ряд недостатков в работе наших руководителей управления совхозов. Надо сказать, что управлением не всё сделано для того, чтобы наш совхоз сравнялся с лучшим Петропавловским совхозом. Взять вопрос

подбора кадров. Надо сказать, что такие кадры подбирать нельзя. Например, у нас бухгалтер был пьяница — его выгнали. Управление присылает нового бухгалтера, но он только вышел из машины и упал, тоже был пьян. В результате крайне запущен учёт в совхозе. Два года управление совхозов не знает, что у нас плохо работает механизация из-за отсутствия квалифицированного механика. Совхоз просил заменить механика, и нам прислали со школьной скамьи.

Был у нас в командировке главный зоотехник управления тов. К. Спросите его, что он сделал полезного совхозу — ничего. Почему товарищ Багаев (начальник управления совхозов Камчатского облисполкома. — *Ред.*) не спросит, какую пользу дают приезды специалистов в совхозы? Часто управление совхозов выносит необоснованные решения, например, заготовить 5 700 т органических удобрений. Из чего они исходят? Откуда мы возьмём столько органических удобрений?

Такой несерьёзный подход к планированию создаёт трудности в работе, и мы не видим реальности в этом. Плановый отдел управления совхозов никакого участия в деятельности совхозов не принимает, а начальник планового отдела никогда не бывает в совхозах.

Ещё плохо управление совхозов занимается электрификацией. Мы не можем дать электроэнергию даже школе, из-за чего срывались занятия. В течение года мы просили дать нам генератор, нам ответили — ищите, но где мы можем найти? Наши отделения не радиофицированы и не электрифицированы. Этим вопросом также управление не занимается.

Мне хочется остановиться ещё на расценках. Управление совхозов расценками не занимается, а переложило всё на директоров отделений, которые могут увеличивать или снижать расценки до 15 %, но перевести на сдельную оплату директор совхоза не может. Если бы работу механизаторов и тракторных бригад перевести на сдельную оплату, они были бы заинтересованы в выполнении плана, а то они получают оклад...

Хочу сказать, что главк и управление совхозов неправильно подошли к сокращению штатов. Нам дали двух бригадиров полеводческо-тракторных бригад. Они не обеспечивают работу в совхозе.

Если учесть, что дороги у нас плохие и до Ключей мы не можем попасть никаким транспортом, кроме как по реке, мне кажется, с точки зрения таких отделений, как Ключевской, Красный Яр, с целью перспективного их развития надо увеличивать количество штатных единиц.

Плохо дело обстоит с механизацией трудоёмких работ. Три года на складе лежат электрооилки, автооилки, но так как они засылались некомплектными, ими мы не пользуемся.

Если совхозы нашей области дадут ещё большее количество продукции, то на сегодня наши торговые организации не будут удовлетворять приём овощей. В этом году рыбоопы несвоевременно начали и проводили приём капусты.

Книга приказов Пенжинского оленеводческого совхоза
(5 декабря 1931 г. — 25 августа 1933 г.)

Приводимая ниже «Книга...» представляет собой не вполне хорошо сохранившуюся общую тетрадь в клеённой обложке. Часть листов из неё вырвана, часть — повреждена. Складывается впечатление, что это — итог весьма сложных отношений между отдельными сотрудниками этого хозяйства. Впрочем, читатель вскоре сам сможет составить своё представление о правильности такого утверждения.

Помимо этого, из публикуемых ниже приказов можно узнать, как был основан совхоз, как он развивался, создавались его участки, комплектовались пастушьи звенья, проводились, причём не всегда удачно, первые организационные и зоотехнические начинания. В них нашла отражение и классовая борьба, шедшая в стране в те годы.

Оленеводческий совхоз «Пенжинский» был организован 18 сентября 1931 г., первоначально он входил в состав сельскохозяйственного отдела АКО. К концу этого года хозяйство передано Оленеводтресту Народного комиссариата земледелия СССР (НКЗ СССР). Об этом свидетельствует угловой штамп, стоящий на титульном листе «Книги приказов». На нём обозначено: «РСФСР — НКЗ. Пенжинский Оленеводческий совхоз, с. Каменское, Камчатский полуостров». Первым директором хозяйства стал П. П. Иванов, его сменил Е. И. Никитенко.

Вначале центральная база совхоза располагалась на Корякской (Пенжинской) культбазе, основанной в середине 1930 г., затем была перенесена в село Каменское. Культбазы (культурные базы) являлись «оплотом большевиков на Севере», комплексной формой обслуживания и развития малых народностей. Они появились во второй половине 1920-х гг.

Задача культбазы — приобщение аборигенов к новой, социалистической жизни на основе европейской культуры. На базе размещались тузсовет (туземный совет, вид самоуправления аборигенов под присмотром коммунистических «старших товарищей»), больница, школа, клуб, интернат, магазины, склады, ветеринарная служба, радиостанция, баня, жильё. Иногда действовали даже краеведческие пункты. Сотрудники культбаз среди прочего вели просветительную, образовательную и нередко научную работу.

Приказ № 1 от 9 декабря 1931 г., Корякская культбаза.

Ввиду моего отъезда в Рекиннико-Лесновский район по закупу оленей и обследованию территории, заместителем своим оставляю т. Сайдарова И. Я.

Директор совхоза *Иванов*

Приказ № 2 от 26 февраля 1932 г., Корякская культбаза.

1. Заместителя директора совхоза Сайдарова И. Я. считать в командировке в Пал-Пальский район по закупу оленей, подготовке табунов к отбивке и найму пастухов с 15 февраля сего года.

2. Заведующего материальной частью совхоза т. Косицына А. перевести на должность агента по закупу оленей по Ассоваямскому району.

Директор совхоза *Иванов*

Приказ № 3 от 14 марта 1932 г., Корякская культбаза.

Уезжая в командировку по руководству отбивкой оленей для совхоза в Ассоваямский и Пал-Пальский районы, заместителем своим оставляю т. Ильзина А. Я.

Директор совхоза *Иванов*

Приказ № 4 от 4 марта 1932 г., Корякская культбаза.

Ответственным руководителем отбивки оленей и формирования табуна в Куполваямске назначаю старшего агента по закупу оленей Бровина Л. В.

Директор совхоза *Иванов*

Приказ № 5 от 12 апреля 1932 г.

1. Сего числа возвратился из командировки по Пал-Палу и приступил к исполнению обязанностей директора совхоза.

2. Заместитель директора Скидатов И. Я. увольняется от занимаемой должности за бездеятельность, грубое обращение с туземцами.

3. Коряк Харито, Хаятго и Рейтела зачислить старшими пастухами табунов совхоза в Пал-Пальском звене с окладом в 112 руб. в месяц с 5-го сего апреля.

4. Коряки Хутек, Какаа, Тывынургин, Апанна, Иувут, Геливхут-Нутелхут, Уткавав, Ятхвегин зачисляются с 5-го апреля сего года на должности младших пастухов в Пал-Пальском звене с окладом 95 руб. в месяц.

Директор совхоза *Иванов*

Приказ № 6 от 18 апреля 1932 г.

1. Ветеринарного врача Казакова М. считать с сего числа прибывшим к месту службы. Зачислить т. Казакова на должность

ветврача с окладом 400 руб. плюс 25 % нагрузки за разъезды, итого 500 руб. в месяц.

Директор совхоза *Иванов*

Приказ № 7 от 19 апреля 1932 г.

1. Коряк Эвеко, Яйкыгина зачислить на должности старших пастухов по Ассоваямскому району с 1-го апреля сего года с окладами содержания 112 руб. в месяц.

2. Коряк Овъячгына, Умтява, Уйневыги, Хайли, Магогина, Пятра, Яйтатыгин, Элитеневи, Кикат, Коллэк, Хутек, Василий (ламут), Вална зачислить с 1 апреля сего года младшими пастухами по Ассоваямскому звену с окладами в 95 руб. в месяц. Коряка Налия зачислить учеником в один из табунов Ассоваямского звена.

3. Коряк Иввычан, Кочхелхут, Ковавыргин зачислить на должность младших пастухов по Куполваямскому табуну с 16 февраля сего года. Коряк Нутельхут, Попова Ивана, Нутельтев, Хатхвегин зачислить на должности младших пастухов по Куполваямскому [табуну] с 20 февраля сего года. Оклад содержания 125 руб. в месяц.

4. Коряка Янаврагей зачислить старшим пастухом по Куполваямскому табуну с окладом содержания в 150 руб. в месяц с 20 февраля сего года.

Директора совхоза *Иванов*

Приказ № 8 от 28 апреля 1932 г.

1. В целях контроля над пастьбой совхозных табунов, изучения путей перекочёвок, кормовищ, принятия соответствующих мер в случае массовых заболеваний оленей командировать в Ассоваямское звено на весь летний период агента т. Косицына А., в Куполваямское звено — ветврача Казакова М.

2. Дьячкова И. Д. зачислить на должность санитаря-переводчика в Куполваямском табуне с окладом содержания в 175 руб. в месяц с 25 апреля 1932 г.

Директор совхоза *Иванов*

Приказ № 9 от 29 апреля 1932 г.

1. Сего числа уезжаю в командировку по обследованию состояния пастьбы Куполваямских табунов.

Директор совхоза *Иванов*

Приказ № 10 от 12 мая 1932 г. Корякская культбаза.

Директор совхоза Иванов П. П. вернулся из командировки по Куполваямскому звену 12-го сего мая 1932 г.

Директор совхоза *Иванов*

Приказ № 11 от 16 мая 1932 г.

1. Баранова К. Н. зачислить с 15 мая сего года практикантом-контролёром при табунах совхоза с окладом содержания 200 руб. в месяц. Основание: договор от 15 мая 1932 г.

2. Баранова К. Н. откомандировать на весь летний период для работы в Пал-Пальском звене в качестве практиканта-контролёра.

Директор совхоза *Иванов*

Приказ № 12 от 15 июня 1932 г. Село Каменское.

1. Прибывшего из треста через Дальневосточное отделение зоотехника гр. Волошановича А. И. считать на службе в совхозе с 23 марта 1932 г., а прибывшим к месту службы с 11 июля 1932 г., с окладом содержания 400 руб. в месяц. Основание: трудовой договор треста с гр. Волошановичем.

2. Прибывшего из Дальневосточного отделения треста экономиста гр. Валова П. В. считать на службе в совхозе с 4 июня 1932 г., а прибывшим к месту службы с 11 июля 1932 г., с окладом содержания 400 руб. в месяц. Основание: трудовой договор.

3. Возлагаю временно, до прибытия бухгалтера с материка, ведение отчётности на экономиста совхоза гр. Валова П. В.

Директор совхоза *Иванов*

Приказ № 13 от 7 августа 1932 г. Село Каменское.

1. За выявленные хорошие показатели в работе по Куполваямскому звену премировать работников. Формы премирования и размеры установить по окончании летних перекочёвок стада.

Основание: протокол административно-технического совещания № 1 от 6 августа 1932 г.

2. Отмечаю факт бесхозяйственности, граничащей с преступно-халатным отношением к доверенному стаду, со стороны старшего пастуха Ассоваямского табуна № 3 гр. Эвека, выразившейся в самовольном убое 18 оленей на посторонние нужды без моего разрешения и вопреки запрещению моего представителя в табуне гр. Косицына А. М.

Старшего пастуха гр. Эвека с работы снять и обеспечить покрытие нанесённых совхозу убытков.

3. Для организации работ по борьбе с хищниками, а также и введения в систему борьбы с потерями в стадах и хозяйстве совхоза, создать штаб. Начальником и ответственным исполнителем назначаю старшего агента гр. Бровина Л. В., которому предлагаю провести всё подготовительное формирование этой работы на основе имеющихся материалов и связаться с главным штабом треста.

4. На основе имеющихся материалов в совхозе и данных установок дирекции треста в лице заместителя директора треста гр. Силкаина В. Н. (см. акт от 24 августа 1932 г.), предлагаю всему руководящему аппарату совхоза приступить к составлению промфинплана совхоза на 1933 г.

Составление ведущей части плана возлагаю на экономиста гр. Валова под моим непосредственным руководством. Составление полной сметы и плана эксплуатации транспорта совхоза, а также полностью раздел в плане «Оборудование совхоза в 1933 г.» возлагаю на гр. гр. старшего агента Бровина Л. К. и зоотехника Волошановича А. И.; раздел по ветеринарии — на ветеринарного врача гр. Казакова М. Н. и по зоотехнике — на гр. Волошановича А. И.

Агента Косицына А. М. на время составления плана прикрепляю к гр. Валову. Составление контрольных цифр промфинплана совхоза на 1933 г. в черновых набросках предлагаю закончить в декадный срок, окончательно — к 5 сентября 1932 г.

После составления промфинплана приступить к подготовке материалов по переводу на хозрасчёт звеньев совхоза.

5. На основании поступивших директив дирекции треста и телеграммы отделения треста за № 1118 при совхозе организуются курсы пастухов и санитаров одной очередью с открытием 15 декабря 1932 г. и окончанием в феврале 1933 г.

Составление сметы и учебного плана возлагаю на зоотехника гр. Волошановича. В учебном плане предусмотреть ликвидацию неграмотности. Определяю контингент слушателей курсов в 20 чел. пастухов стада совхоза с участием Интегральной кооперации дополнительно. Местонахождение курсов — центральная усадьба совхоза.

Директор совхоза *Иванов*

Приказ № 14 от 10 августа 1932 г. Село Каменское.

Представленную инструкцию о делопроизводстве в совхозе, а также список дел утверждаю.

Директор совхоза *Иванов*

Приказ № 15 от 27 августа 1932 г. Село Каменское.

1. С сего числа 27 августа 1932 г. назначаю заведующим хозяйством и комендантом центральной усадьбы совхоза агента тов. Косицына Алексея Михайловича с прежним окладом содержания. Приказываю в трёхдневный срок старшему агенту совхоза т. Бровину Леониду Васильевичу сдать все находящиеся на его ответственности материалы и продукты, а также отчитаться в леташках по товарным фондам АКО, а тов. Косицыну Алексею Михайловичу — принять.

О сдаче и приёмке составить надлежащий акт и представить мне на утверждение.

2. Прибывших в совхоз от Пенжинской раймилиции гр.гр. Нутанват и Конгие для отбывания принудительных работ зачислить... (далее утрачен значительный фрагмент текста. — *Ред.*).

...Корякской врачебно-контрольной комиссии ветврач совхоза т. Казаков М. Н. уезжает для специального лечения на материк, а поэтому предлагаю бухгалтерии произвести с тов. Казаковым М. Н. окончательный расчёт с 11 сентября 1932 г.

Директор совхоза *Иванов*

Приказ № 21 от 11 сентября 1932 г. Село Каменское.

Директору совхоза Иванову П. П. за выслугу лет устанавливается 10 % надбавка к основному окладу содержания в сумме 50 руб. С 1 сентября 1932 г. считать оклад содержания 550 руб. в месяц.

Директор совхоза *Иванов*

Приказ № 21 от 17 сентября 1932 г. Село Каменское.

1. Объявленный приказом от 30 августа 1932 г. за № 17 выговор с занесением в трудовой список старшему агенту совхоза т. Бровину Л. В. оставить в силе без занесения в трудовой список. Основание: заявление т. Бровина.

Директор совхоза *Иванов*

Приказ № 22 от 20 сентября 1932 г. Село Каменское.

1. На тов. Бровина Л. В. временно возлагаю обязанности кассира совхоза с 19 июля 1932 г.

Директор совхоза *Иванов*

Приказ № 23 от 9 октября 1932 г. (зачёркнуто: «от 26 октября». — *Ред.*). Село Каменское.

1. Прибывшего с пароходом «Фенг-пу» тов. Никитенко Ефима Ивановича, назначенного на должность директора совхоза, полагать налицо, коему приступить к приёмке совхоза и ознакомлению с работой.

2. Тов. Пономарёва Феодосия Николаевича, прибывшего с пароходом «Фенг-пу», назначенному на должность заместителя директора совхоза, полагать налицо и приступить с сего числа к исполнению своих обязанностей и ознакомлению с работой совхоза.

3. Прибывших с пароходом «Фенг-пу» сотрудников: 1) старшего бухгалтера Михайлова Н. Ф., 2) помощника бухгалтера Шин П. Ф., 3) зоотехника Долбилова В. И., 4) десятника-строителя Жеребина А. М., 5) инструктора-сырьёвщика Виноградова В. Ф. полагать налицо и с сего числа приступить к исполнению своих обязаннос-

тей. Основание: приказ № 51 от 28 августа 1932 г. Дальневосточного отделения Оленеводтреста и договор работников.

4. Прибывшего с пароходом «Фенг-пу» т. Шпака А. Я. принять на работу на должность кладовщика с окладом содержания 250 руб. с выплатой последнему подъёмных и прочих пособий, связанных с переездом.

5. Тов. Ефремова Якова Михайловича, прибывшего с пароходом «Фенг-пу», принять на должность слесаря-моториста с выплатой последнему подъёмных и прочих пособий, связанных с его переездом.

До оборудования своих мастерских совхоза т. Ефремова прикомандировать в мастерские строительной части Комитета Севера при культуре.

Директор совхоза *Иванов*

Приказ № 24 от 9 октября 1932 г. Село Каменское.

Для проведения общей инвентаризации всего имущества совхоза назначаю комиссию в составе старшего зоотехника Л. В. Бровина, старшего бухгалтера Михайлова, кладовщика Шпака под председательством Л. В. Бровина. Комиссии приступить к работе по уходу парохода «Фенг-пу».

Первоначально провести инвентаризацию имущества, находящегося в селе Каменском. Срок выполнения работы в селе Каменском — три дня.

Директор совхоза *Иванов*

Приказ № 25 от 27 октября 1932 г. Село Каменское.

1. Тов. Шпак остаётся на работе заведующего складом совхоза в селе Каменском, который в своей работе руководствуется распоряжениями дирекции совхоза, отвечая за сохранность находящихся на его ответственности товаропродуктов и материалов. Всякий отпуск может производить только с распоряжения моего или за моей подписью приказа, моим заместителем.

В связи со своим отъездом на базу оленесовхоза, назначаю руководителем по переброске на базу оленесовхоза прибывших работников — тов. Шпака. При сем в первую очередь отправить работников тт. Виноградова, Шеина, Жеребина. Отправку семей производить по особому моему распоряжению с базы, после учёта и распределения жилой площади.

Директор совхоза *Иванов*

Приказ № 26 от 31 октября 1932 г.

1. С 14 октября 1932 г. завхозу-коменданту базы тов. Косицыну устанавливается 10 % надбавка к основному окладу жалования

за выслугу лет, то есть 35 руб. в месяц из расчёта получаемого оклада 350 руб.

2. Принимаются на службу гр.гр. Дьячкова Васса и Кошейникова Прасковья, временно, до подписания трудового договора, первая на должность кухарки и вторая уборщицей с окладом содержания 50 руб. в месяц.

Директор совхоза *Иванов*

Приказ № 27 от 2 ноября 1932 г.

1. С 2 ноября 1932 г. оперативное руководство производством совхоза со всем наличием штата я, директор совхоза Иванов П. П., передаю вновь назначенному директору тов. Никитенко Е. И.

Все сотрудники и рабочие совхоза сего числа переходят в прямое и непосредственное подчинение тов. Никитенко.

2. Я, директор совхоза Никитенко Е. И., принял оперативное руководство Пенжинским оленесовхозом и сего числа вступаю в должность директора. Считаю принятой денежную наличность кассы и текущие счета согласно актов и контокоррентных выписок. Наличие денег в подотчёте временного кассира Л. В. Бровина на 19 октября 1932 г. — 115-00 руб., на текущем счету № 15/4200 в Камчатском отделении ГТСК — 4 111 руб. 18 коп. На текущем счету № 8/4200 в окружной сберкассе на 25 октября 1932 г. — 4 938 руб. 84 коп. Всего 9 165 руб. 02 коп. Наличность оформлена актом одновременно с передачей всего имущества совхоза.

3. Для инвентаризации оленьих стад и имущества, находящегося в разных пунктах, а также отбивки и выбраковки стад, назначается комиссия в составе: 1) по Шейбоваямскому звену — старший зоотехник Л. В. Бровин, зоотехник В. И. Долбилов и представители райисполкома — переводчик; под председательством тов. Бровина. По прибытии на место работы в состав комиссии вводятся представители тузсовета, председатель Шейбоваямского колхоза; 2) по звеньям Пал-Пальскому, Ассоваямскому, Куполваямскому в комиссию назначаются: зоотехник Волошанович, завхоз Косицын, переводчик Брагин, под председательством тов. Волошановича, с привлечением на месте работы в состав комиссии представителей тузсоветов.

4. Назначенным комиссиям производить работу согласно специальной инструкции (составление которой поручается тов. Валуу совместно со старшим зоотехником и страшим бухгалтером).

Работу комиссии закончить с представлением всех исчерпывающих сведений на базу совхоза не позднее 5 января 1933 г.

5. Окончательное оформление передачи совхоза соответствующим актом произвести не позднее 20 января 1933 г.

Директор совхоза *Иванов.*

Директор совхоза *Никитенко*

Приказ № 28 от 17 ноября 1932 г.

1. На зоотехника тов. Волошановича А. М. с 15 ноября 1932 г. возлагается обязанность заведующего производственным участком Ассоваям с прежним окладом содержания.

Основание: докладная записка старшего зоотехника с распоряжением директора т. Никитенко.

2. Тов. Шапиро Р. А. зачисляется на должность делопроизводителя с 9 ноября с окладом 150 руб.

Директор *Никитенко*

Приказ № 29 от 22 ноября 1932 г.

1. Тов. Косицын А. М. назначается заведующим производственным участком Пал-Пал № 2 с 15 ноября с. г. с прежним окладом содержания.

2. Тов. Долбилов В. И., зоотехник, назначается на работу на производственный участок Шейбоваямский с возложением на него обязанностей заведующего участком с 15 ноября с. г. с прежним окладом содержания.

3. Тов. Белоусова А. принимается на должность собаководы с 15 ноября с. г. с окладом содержания 100 руб. в месяц.

4. Тов. Ефремов Я. М. временно назначается кладовщиком склада № 2 при центральной усадьбе совхоза с 15 ноября с. г. с прежним окладом содержания.

Директор *Никитенко*

Приказ № 30 от 27 ноября 1932 г.

Всем пастухам производственных участков № 1—4 приказываю перечислить на наш текущий счёт № 8 в окрсберкассе 40 % от зачисления на ваши текущие счета зарплаты 31 октября с. г. на покрытие образовавшейся задолженности за вами по забору товаро-продуктов.

Основание: данные бухгалтерии.

Директор *Никитенко*

Приказ № 31 от 1 декабря 1932 г.

1. Старший зоотехник т. Бровин Л. В. назначается техническим директором по зоотехнике по всем производственным участкам совхоза с прежним окладом содержания.

2. Экономиста тов. Валова П. В. считать уволенным по собственному желанию с 10 ноября с. г.

3. Дьячкову Вассу считать уволенной с 10 ноября с. г. Кошейникову Прасковью считать уволенной с 25 ноября с. г. А так как т. Кошейникова П. зачислена в штат согласно приказу № 26 с 31 октября с. г., фактически работы никакой не проводила до 10 ноября с. г., с какого времени и начислять зарплату.

4. Суммы, выплаченные Дьячковой и Кошейниковой, отнести за счёт столующихся сотрудников.

5. Курсант культбазы Яганова М. А. зачисляется в штат в качестве женработницы с 25 ноября с. г. с окладом содержания [не указан].

6. Курсант культбазы Панкарин Н. Я. зачисляется в штат в качестве [пропуск] с окладом содержания [не указан].

7. Возвратившегося с курсов культбазы младшего пастуха Уварова К. И. считать налицо.

Директор *Никитенко*

Приказ № 32 от 4 декабря 1932 г.

1. Мною неоднократно давалось устное распоряжение десятнику по строительству тов. Жеребину утеплить два двухквартирных дома, жильцы в коих: директор, технический директор, главбух, сырьёвщик, кладовщик, завхоз, собаковод, переводчик, и помещенные конторы.

Дома без крыш, с настланными потолками из сырых досок с двухвершковой (вершок равен 44,5 мм. — *Ред.*) наверху тундровой кочкой. Стены проконопачены скверно, светятся.

Жеребин не только не выполнил моего распоряжения по утеплению, но, наоборот, умышленно скрыл материалы для утепления (строительный картон), воспретил доставку дров указанным квартирам, иронизируя плохое положение рабочих и служащих совхоза. В результате с 25 ноября 1932 г. по настоящее время температура в квартирах по Цельсию ниже нуля от минус четырёх, и в квартире директора — до минус 12 холода.

За невыполнение моих распоряжений, как по утеплению квартир жилых помещений, а также за недоставку дров, что влекло болезнь и прекращение работы в совхозе, т. Жеребину объявляю строгий выговор с занесением в личное дело. Копию настоящего приказа послать в Оленеводтрест директору т. Кошелеву для сведения как о сотруднике, присланном непосредственно трестом.

2. Тов. Жеребину приказываю в 24-часовой срок утеплить две квартиры с северной стороны, одну квартиру директора, вторую — главного бухгалтера. Остальные — во вторую очередь, но не позднее 7—8 декабря с. г.

Немедленно обеспечить квартиры рабочих и служащих дровами.

Невыполнение настоящего приказа влечёт передачу тов. Жеребина стройтресту с отнесением всех расходов, связанных с его переездом, и немедленное снятие со всех видов довольствия.

Директор *Никитенко*

[Пропуск] ...нению своих обязанностей, выразившихся в безразличном отношении к выбраковке оленей, проявление полной зоонеграмотности, чем компрометировал руководство управления совхоза как перед окружными организациями, так и перед коряками-пастухами (на мой вопрос пастухам, чем вызван подобный пригон табуна, последние заявили, что они сами удивлялись подобной ошибке).

Тов. Волошановичу объявляю строгий выговор с предупреждением.
[Отметка: приказ читал, расписаться отказался.]

Директор совхоза *Никитенко*

Приказ № 35 от 30 декабря 1932 г.

1. На кладовщика тов. Ефремова временно возлагается исполнение обязанностей заведующего хозяйством с 30 декабря 1932 г.

2. Считать выбывшими на участки технического директора тов. Бровина с 9 декабря в Шейбоваямский табун, Косицына, заведующего производственным участком Пал-Пал, с 29 декабря с. г.

Женработницу т. Яганову с 20 ноября; практиканта, заведующего участком т. Панкарина — с 26 ноября с. г.

3. 31 декабря с. г. убываю в командировку по принятию табунов оленесовхоза на участки Пал-Пал, Ассояам и Куполваям. Заместителем своим назначаю главбуха Михайлова Н. Ф. Все вопросы организационного характера приказываю Михайлову увязывать с заведующим окружным земельным управлением т. Ильзиным. Телеграммы во Владивосток и Москву о строительстве посылатъ за двумя подписями — Михайлова и Ильзина.

Директор оленесовхоза *Никитенко*

Приказ № 36 от 15 января 1933 г.

1. Тов. Ефремову, как временно исполняющему обязанности заведующего хозяйством, было дано приказание следить за доставкой дров, каковое не было выполнено, и в пургу с 12 по 15 января с. г. база оказалась без дров.

13 января дано распоряжение перебросить от барака к двухквартирным домам две нарты дров, Ефремов отказался выполнить, каковая работа была выполнена мною.

15 января с. г. даю письменное распоряжение — выдать технику строительного треста т. Титову два килограмма нерпичьего

жиру, Ефремов, вместо исполнения, пришёл в контору и стал наносить оскорбления.

Тов. Ефремову, как дезорганизатору хозяйства, наносящему материальный ущерб совхозу, объявляю строгий выговор с занесением в личное дело.

2. Тов. Ефремова с возложенной на него обязанности заведующего хозяйством снимаю.

Заместитель директора совхоза *Михайлов*

Приказ № 37 от 12 февраля 1933 г.

1. С 13 февраля с. г. считать вернувшимся из командировки по Пал-Палу и Ассоям.

Директор совхоза *Никитенко*

Приказ № 38 от 19 февраля 1933 г.

1. С 1 января 1933 г. по 12 февраля с. г. я уезжал на участки Пал-Пал и Ассоям. Заместителем моим оставался главный бухгалтер Михайлов. В моё отсутствие на базе совхоза оставался бывший директор совхоза Иванов.

Оставшихся сотрудников на базе совхоза т. Иванов втянул в азартную карточную игру (очко). Кроме того, занялся производством браговарения, делая брагу у себя в квартире и отдавая семье переводчика Брагина на прокисание. Своим примером браговарения т. Иванов заразил сотрудников совхоза — сырьёвщика Виноградова и кладовщика Ефремова.

Ефремов, не удовлетворившийся азартной карточной игрой с русскими — Ивановым и сотрудником культбазы, специально приходившими играть, организовал у себя в квартире картёжный «клуб», куда втянул восточников, строительных рабочих.

Главный бухгалтер, узнав о картёжной игре в квартире Ефремова с восточниками (так называли выходцев из Китая, Кореи и Японии. — *Ред.*) и другими, сказанную группу разогнал.

В ночь на 19 февраля с. г. я зашёл к Ефремову, чтобы узнать о противопожарных мероприятиях в совхозе. В квартире Ефремова сидела группа сотрудников во главе с Ивановым, играя по-прежнему в азартную игру (очко). Мною было предложено игру азартную прекратить и впредь не возобновлять.

2. Азартная карточная игра калечит бюджет сотрудника и делает его неспособным, а в некоторых случаях — вредным для работы в государственных предприятиях. Сотрудник, нарушивший свой бюджет, ищет выхода за счёт рвачества, пускания щупальцев в кладовые и кассы. Поэтому карточная азартная игра по советским законам вообще воспрещена.

По вверенному мне совхозу эта зараза бывшим директором совхоза Ивановым внесена. Некоторые сотрудники все свои подъёмные и сбережения проиграли. Я плечо с плечом стою с проигравшими подведомственными мне сотрудниками на посту строительства столь грандиозного Государственного Оленехозяйства в Корякском национальном округе среди туземцев-коряк. В задачу мою и сотрудников входит внести свет и культуру материка. В результате совхоз распространяет заразу браговарения и азартную карточную игру.

Клеймлю позором русских сотрудников, распространяющих указанную выше заразу в столь (неразборчиво) неиспорченный корякский народ.

Категорически воспреещаю на территории центральной базы и участках совхоза карточную азартную игру, браговарение и возможное самогоноварение.

Лиц, нарушающих настоящий приказ, буду выселять из квартир без предупреждения об очистке квартиры и привлекать к судебной ответственности.

3. Кладовщику Ефремову за организацию в предоставленной ему квартире «карточного клуба», азартной игры, объявляю строгий выговор с предупреждением и занесением в личное дело.

В десятичасовой срок с момента объявления настоящего приказа т. Ефремову очистить занимаемую им комнату и занять комнату в квартире переводчика Брагина.

4. О разившемся браговарении и азартной карточной игре на территории совхоза донести начальнику окружной милиции. Просить последнего возбудить судебное преследование против лиц — зачинщиков подобной заразы.

5. Копию настоящего приказа послать спешной почтой отделению Оленеводтреста во Владивостоке, поставив этим в известность Оленеводтрест о поведении ответственного работника, бывшего директора совхоза Иванова. Одновременно просить окружной отдел ОГПУ принять соответствующие меры о выселении с территории совхоза бывшего директора совхоза Иванова, как дезорганизирующего работу совхоза.

6. Агроному огородно-тепличного хозяйства Юрковскому Ф. Ф. занять комнату Ефремова по её освобождению.

Директор совхоза *Никитенко*

Приказ № 38 от 22 февраля 1933 г.

Тов. Виноградов назначается заведующим хозяйством с 19 января. Заведующему хозяйством тов. Виноградову вменяю в обязанность

с 22 февраля ежедневно производить осмотр топкам и дымоходам во всех зданиях совхоза на предмет предупреждения пожара.

Ежедекадно о принятых мерах и о состоянии печей докладывать мне.

Директора совхоза *Никитенко*

Приказ № 39 от 23 февраля 1933 г.

1. Долбилова В. И. считать выбывшим на участок Шейбоваям с 18 февраля с. г., повышая оклад до 400 руб. Считать выбывшим Дьячкова И. Д. на участок Шейбоваям с 8 февраля с. г.

2. Тов. Сан-Чин-Ли с 11 февраля с. г. считать принятым временно уборщиком-истопником по конторе совхоза с окладом 100 руб. в месяц.

3. Котельникову П. Н. считать уволенной с 13 февраля с. г.

4. В связи с неустановлением плана заготовки юколы за отсутствием данных о месте положения участковых баз, а также срывом снабжения собачьим кормом в этом году, разводить ездовых собак на участках воспрещаю.

Никакие мотивировки, нарушающие настоящий приказ, не будут приняты. Нарушители будут привлечены к ответственности.

Директор совхоза *Никитенко*

Приказ № 40 от 9 марта 1933 г.

1. Бывшему директору совхоза Иванову П. П. произвести расчёт с выдачей справки о выбытии его в Дальневосточное краевое отделение треста.

2. Иванову П. П. предлагаю в трёхдневный срок выехать с базы совхоза с освобождением квартиры.

Заместитель директора совхоза *Михайлов*

Приказ № 41 от 23 марта 1933 г.

1. Шпака А. Я. назначаю заведующим производственным участком Куполваям с 1 марта с. г. с окладом содержания 400 руб. в месяц.

2. Считать директора выбывшим 20 марта с. г. на участок.

Директор *Никитенко*

Приказ № 42 от 9 марта 1933 г. [Вписан в книгу приказов 19 марта 1933 г.]

1. По данным бухгалтерии совхоза, в Куполваямском участке числятся 1 700 голов оленей. 9 марта мною закончена отбивка важенок и произведён точный учёт стада. В наличии оказалось оленей 850. По наличию шкур, оказавшихся у пастухов, и опросу их я установил, что ввиду необеспеченности продуктами питания пастухи 50 % стада израсходовали на продовольствие себе и угощение гостей. Исправить немедленно подобную ненормальность и пре-

ступную бесхозяйственность невозможно ввиду отсутствия совхозного участкового оленного транспорта и дальнего расстояния от базы совхоза до Куполваямского участка. Подобная ненормальность с обеспечением продуктами питания существует и на сегодня с участками Ассояам и Пал-Пал.

Сложившиеся обстоятельства требуют немедленно от совхоза перестроиться в направлении прекращения убоя оленей на продовольствие.

2. Заведующему Куполваямским участком т. Шпаку приказываю: отбитых важенок старого табуна и важенок купленного табуна соединить в один табун. Также соединить в один табун молодняк, ездовых и производителей. Образовавшиеся два табуна с прежней стоянки Осиновой речки снять и кочёвкой перегнать в направлении села Таловка в устье реки Аппяна. Отёл производить в устье указанной реки.

Летнее пастбище в направлении берегов Пенжинской губы и Рекинского тузсовета, план пастбища будет выслан дополнительно. По прибытии табуна к новому месту участка немедленно организовать оленный транспорт и обеспечить пастухов продуктами питания, с того же момента категорически воспретить убой оленей на продовольствие, за исключением вынужденного приреза.

3. По Ассояамскому участку, тов. Волошановичу. Немедленно собрать участковое совещание с пастухами, учесть с последними расход оленей за прошлый год и с момента совещания прекратить убой оленей на мясо, за исключением вынужденного приреза. На совещании предложить, по примеру Куполваямского участка, всех своих ездовых [оленей] с упряжью и санками продать совхозу. На совещании добиться в табунах совхоза ничьих более оленей не иметь. На совещании построить перспективный план развития стада участка, беря за пример уход и рост оленей в прошлом году, предупредив, что на летнюю кочёвку убивать оленей я категорически воспреещаю.

На совещании заострить внимание о катастрофе с нашими стадами, предупредить о недопущении упадка стада, а найти пути к получению роста в 60 %, как минимум. На совещании вы встретитесь с отсутствием совхозного транспорта и побочных продуктов для питания пастухов. Поэтому я предлагаю обсудить следующее: в случае [если] Ассояамский участок не сможет расти, не убивая оленей на продовольствие себе, не найдёт путей к тому, чтобы пасти оленей, их растить, а продукты питания приобретать из склада совхоза и других мест, промыслять, как медведя, зайца, гуся, рыбу, то

весь Ассоваямский участок перебросить к побережью Пенжинской губы, то есть соединить с бывшим Куполваямским участком, который будет строиться на реке Аппяна. Куполваямский участок, таким образом, будет обеспечивать себя рыбой, мясом лесного зверя, птицы и морзверя, чем, безусловно, избавит участок от поедания оленей. Кормовая площадь богата, как по качеству, так и по количеству, летнее пастбище хорошее.

Если вашему участку это будет приемлемо, немедленно шлите нарочного на базу совхоза, а сами, отбив важенок, соединив по одной тысяче в табун, направляйтесь с кочевьем по Пенжинскому хребту к Таловке. Сделать табун тёлочек, бычков по числу их производителей и производителей для важеночек, старых с ездовыми и другим табуном двигаться туда же.

Лишних лончаков, бычков, нетелей сгруппировать, направить на Оклан к Егору. Если последнее будет неприемлемо, ищите свои пути, но с данного момента совхозных оленей на продовольствие убивать я строго воспрещаю.

Директор совхоза *Никитенко*

Приказ № 33 от 2 апреля 1933 г.

1. Виноградова В. Ф. считать уволенным за отказ от работы со 2 апреля с. г. Сдать спецодежду. До подыскания работы перейти в барак, освободить комнату. Уплатить совхозу все затраченные средства на переброску на Камчатку с семьёй.

2. Говорина Н. Ф. считать уволенным с 25 марта с. г. как временно принятого на работу.

3. Шпака И. Я. считать прибывшим на базу совхоза 28 марта с. г.

4. Сыначалина считать уволенным с 30 марта с. г. за отказ от работы.

5. Тимофеева Л. считать принятым на работу в совхоз с 30 марта с. г. рабочим с окладом содержания 150 руб. в месяц.

6. Ефремова считать вернувшимся из командировки с района.

7. Старшего бухгалтера Михайлова считать выбывшим в командировку с 4 апреля с. г.

Заместитель директора совхоза *Михайлов*

Приказ № 44 от 28 марта 1933 г. Ассоваямский участок.

Заведующим участком, сдающему участок т. Волошановичу и принимающему последний т. Панкарину, привести в исполнение не позже 15 апреля с. г. следующее:

1. По всем табунам участка пересмотреть старших пастухов на предмет комплектования работниками, соответствующими своему назначению.

2. Кооперативный табун, по данным Райинтегралсоюза 927 [голов], просчитать соответствующей комиссией, составить акт подсчёта. Из указанного табуна отбить лучшие экземпляры важенок, на отбитое количество составить акт.

Остаток табуна в количестве 500 голов отправить не позже 1 апреля с. г. на Оклан Райинтегралу. В случае если не окажется в кооперативном стаде остатка в 500 голов, пополнить последний за счёт табунов № 13 и 14. Из табуна № 13 отбить брак, отправить в первую очередь, из табуна № 14 — во вторую очередь. Сформированным бракованным табуном для Райинтеграла отправить кочёвкой на Оклан пастухов табуна № 12, мною намеченных ранее.

3. Отбитых важенок из кооперативного табуна соединить с табуном важенок № 18, после соединения немедленно ямке (стоянке. — *Ред.*) табуна № 13 кочевать к ямке Тыроки (Патанейский Камень), где принять табун Тырока, отбив важенок, соединить с табуном № 13, после чего ямке Тыкока кочевать в табун № 12.

4. Во всех случаях отбивки, как правило, должны принимать участие в подсчёте пастухи. Кроме того, во всех случаях отбивок составлять акты с перечнем по полу животных.

5. Купленный мною живой и мёртвый инвентарь у пастухов проверить с актами покупки и составить соответствующий акт, передать старшим пастухам табунов.

6. При передаче и приёме участка проверить расход оленей по записям от пастухов, состояние и приход шкур. Изжить хранение шкур настоящим способом, а перейти к их хранению согласно инструкций. С первым транспортом, отходящим на базу совхоза, отправить все лишние шкуры.

7. Провести разъяснительную работу по хранению имущества участка среди пастухов.

Директор совхоза *Никитенко*

Приказ № 45 от 7 апреля 1933 г. По Пал-Пальскому участку.

1. За затяжку отбивки важенок до 3 апреля с. г., за неумение организовать оленный транспорт за продуктами на базу совхоза в течение зимы для пастухов, вследствие чего пастухи с 1 января по 1 апреля буквально съели стада совхоза.

В бывшем табуне Тейкельхута, где жил заведующий участком, из 2 300 голов при отбивке отказалось 1 078 голов. Кроме того, по участку стихийное скрытие... отсутствует... среди пастухов (далее текст частично вырван. — *Ред.*)... заведующий участком тов. Косицын... нимаемой должности снять... ить уголовному

розыску о принятии мер к расследованию по недостатке оленей в табу-не № 7 до 1 500 штук.

2. Тов. Косицыну принять меры к немедленной переброске всего кожсырья на Ассоваямский участок к ямке Тыкак.

3. Табун № 9 немедленно соединить с табуном № 8. Пастухов табуна № 9, родственников Тейкельхута, распустить, забрать у них все кожсырьё и совхозное имущество.

4. Из табуна № 8 пастухов... Харитто за затяжку... важенок с работы... предложив в 24 часа...

5. За затяжку отбивки... важенок табуна № 6 и... нение моего распоряжения... Хоятти с работы снять... предложив последнему очи... ямку табуна № 6 в 24 часа.

6. От пастуха Пуннона за полную бездеятельность и поедание табуна, выразившееся: в 1932 г. весной сдано ему 240 голов, сейчас, то есть в 1933 г., пригнал 74 головы. За подобную бесхозяйственность снять с работы, предложить очистить ямку табуна.

7. Из оставшихся пастухов немедленно... две пастушьих брига... старших пастухов... ющих своему назначению.

8. ...даления элементов, занимавшихся расхищением народных табунов и имущества... участкам, тов. Косицыну отогнать на одну линию два табуна... на реку Автовейм, где брать... В случае, если не будет достаточно рабсилы, письменно просить тузсовет о присылке на помощь из соседних ямок.

9. По прибытии нового заведующего участком, последнему сдать всё имущество совхоза по акту, а также поголовье по счёту.

10. Категорически воспрепятствую убой важенок. Виновных в нарушении снимать с работы и передавать дело в суд.

11. Из табунов № 6—7... сформировать два табуна... Табун № 6 комплектовать исключительно из важенок... после отёла выделить... производителей. Табуну №... лить максимум внимания... табуну № 6. Составить из... животных, влив ему к моменту перехода на восточный берег 500 важенок с телятами.

12. Отправляя кожсырьё на Ассоваямский участок, в последнем получить необходимые для вашего участка товары, для чего написать заве... (далее листы вырваны. — *Ред.*)

...старший пастух Явхут, пастух Нутельхут, ученик Явхут.

Пастухов табуна № 3 с поголовьем 1 400 голов оленей утверждаю: старший пастух Ивылло, младших — Аллак, Вачаган, Елхунин, Хачилхут, Комок.

Пастухов табуна № 4 с поголовьем в 1 600 голов оленей утверждаю: (список отсутствует. — *Ред.*).

2. По Шейбоваямскому участку табуны в количестве четырёх. Организационная работа в табунах отсутствует. Отбивка важенок не произведена. Там, где пытались сделать отбивку, табун № 1, не изъяты телята рождения 1932 г. Табун № 1 в трёх стадах на расстоянии десяти километров каждое. Руководство участком не чувствуется.

Семьи пастухов табуна № 1 из убитых телят вместе с личинками овода кушают и кожи, съедено пять телячьих кож. Табун № 4 численностью в 1 600 голов, находится от табуна № 3 в тридцати километрах. Административное руководство возглавляется старшим пастухом табуна № 3. В табунах № 4 пастухов четверо. Важенки не отбиты. 22 апреля, во время моего посещения табуна № 4, последний находился от табуна кулака Иныла в трёхстах метрах. По следам невозможно было определить, какой табун первым пользуется мхами.

Половина наших пастухов табуна № 4 живут в ямке кулака Иныла. В табунах № 3 важенки не отбиты. В табунах участка отсутствует система движения стад. Табуны разбросаны на сотни километров друг от друга.

Пастух табуна № 3 чувствует себя хозяином стад. Ведёт себя очень подозрительно: 1) при посещении врачом Василиченко табуна № 3 последнему старший пастух предложил выехать из ямки и в ямку не возвращаться, 2) о движении стад не считает нужным докладывать заведующему участком, 3) табун № 4 без ведома администрации участка подогнал к табуна кулака Иныла.

3. Все сроки отбивки важенок истекли, отёл начался, движений стадам переходных делать нельзя. Поэтому, как только закончится отёл все табуны подогнать на одну линию. Табун № 1 соединить с табуном № 2.

4. Старшего пастуха Ира рекомендую использовать помощником заведующего участком с окладом 250 руб. в месяц. Ознакомить последнего со всеми обязанностями, ввести в курс работы по всем табунам, предоставив ему право подбора пастухов, младших и старших.

5. Категорически воспрещаю убой важенок и телят, вновь родившихся.

6. Ввести как правило во всех табунах — открыть кладовые для хранения кож. Категорически воспрещаю расходовать выпотков и пыжиков пастухами без ведома заведующих участками. Виновных в нарушении привлекать к ответственности.

7. Заведующим участками завести книгу посещений табунов, ежедневно заносить отметки о происшествиях в стадах и убыли в стадах поголовья.

8. Заведующему участком тов. Долбилову предлагаю немедленно приступить к подсчёту поголовья по полу и роду оленей всех табунов. Для подсчёта привлечь всех пастухов табуна. В каждом отдельном случае подсчёта составлять акт, последний немедленно нарочным через ямки Парень направить в совхоз.

9. Тов. Долбилову немедленно приступить к организации охотничье-рыболовецкой бригады, последнюю отправить в Тайгонос. Старшего артели прислать на центральную усадьбу совхоза для получения материалов и охотприпасов.

10. Заведующему участком Долбилову построить летний пастбищный план с соответствием перегона всех табунов осенью на Тайгонос.

11. Тов. Бровину, моему заместителю, изыскать пути приёмки оленей от Омского тузсовета, около 5 000 голов, в весну и лето текущего года.

Директор совхоза *Никитенко*

Приказ № 53 (без даты. — Ред.)

1. Наблюдаются случаи бесхозяйственного растранижирования совхозных денег заведующими участками. Пример. Шпак И. Я., завучастка Куполваямского, оплачивал пастухам по 7 руб. 50 коп. в день за перегон оленей от бывших владельцев в табуны совхоза. Во-первых, расчёт оплаты Шпаком взят произвольно, без учёта надобности такую сумму выплачивать. Во-вторых, по Куполваямскому участку был излишек пастухов, которые должны быть использованы по перегонам.

2. Всех завучастками предупреждаю о бережливости к расходованию денег. В будущем такие расходы, как списывает завучастком Шпак и завучастком Волошанович, по покупке и передаче совхозу старых журналов и книг — «Советский Север» и других, приниматься не будут.

3. При замещении работников по совместительству выплачивать разницу в получаемой зарплате, коего сотрудник замещает.

Настоящий приказ вводится в силу с 1 мая 1933 г.

Никитенко

Приказ № 54 от 17 июня 1933 г.

1. За перевод складов совхоза по учёту на суммовое выражение главному бухгалтеру Михайлову объявляется строгий выговор с последующим извещением треста.

2. Бухгалтеру Михайлову приказываю в недельный срок исправить допущенное безобразие с учётом материалов и продуктов.

3. Бухгалтеру Михайлову немедленно подготовить остаток товаров по складам в Каменске.

4. Бывшему кладовщику Шпаку И. Я. немедленно приступить к передаче Каменского склада кладовщику Андросову.

Никитенко

Приказ № 55 от 17 июня 1933 г.

1. Затяжка оформления сдачи и приёма совхоза Ивановым мне в дальнейшем терпима быть не может. Главному бухгалтеру Михайлову предлагаю безоговорочно оформить сдачу совхоза Ивановым и приём мною не позже 1 июля с. г. на основании присутствующих в конторе документов.

Никитенко

Приказ № 56 от 17 июня 1933 г.

Во изменение приказа бывшего директора Иванова... (текст утрачен. — *Ред.*) на службе в совхозе, выданные ему, Иванову, справки т. Михайловым считать аннулированными.

Увольнение Иванова будет считаться с момента подписания приёмо-сдаточного акта.

Директор совхоза Никитенко

Приказ № 57 от 19 июня 1933 г.

Сего числа убываю в служебную командировку Микино — Парень — Иткана.

Никитенко

Приказ № 58 от 13 июля 1933 г.

Сего числа прибыл из служебной командировки Микино — Парень — Иткана.

Никитенко

Приказ № 58 от 18 июля 1933 г.

1. С сего числа по сдаче живого и мёртвого инвентаря и ценностей Пенжинского оленесовхоза бывший директор Иванов освобождается.

Основание: приёмо-сдаточный акт, подписанный обеими сторонами.

2. Главному бухгалтеру т. Михайлову произвести расчёт с т. Ивановым, считая жалование т. Иванову по 20 июля с. г. Суточные, проездные и командировочные Иванову выплачивает трест во Владивостоке.

Директор совхоза Никитенко

Приказ № 59 от 31 июля 1933 г.

С 12 июля 1933 г. зачислить на сдельную работу в совхоз:

1. Соболюков Гаврил. 2. Соболюков Сидор. 3. Соболюков Мартын.
4. Соболюков Пантелей. 5. Подوماхин Иннокентий. 6. Алин Иван.
7. Алин Василий. 8. Шарипов Иван. 9. Снафидов Николай.
10. Алин Алексей. 11. Подымах Пётр. 12. Сновидов Иннок.
13. Алина Мария — по ловле рыбы на участке Слаутном. Поименованных лиц зачислить на довольствие согласно нормам Окрснаба, выделив рабочих и иждивенцев.

Директор Никитенко

Приказ № 60 от 31 июля 1933 г.

С 1 августа с. г. выдавать продукты питания только по нормам Окрснаба с распределением работников и иждивенцев.

Директор Никитенко

Приказ № 61 от 31 июня 1933 г.

С 10 июля 1933 г. бывшего собаководы Белоусову считать от должности освобождённой. Последнюю считать работницей по уходу за свиньёй с оплатой 30 руб. в месяц с того же числа.

Никитенко

Приказ № 62 от 31 июля 1933 г.

С 10 июля считать собаководы Подомахина Ивана Ивановича с окладом жалования 100 руб. в месяц. Последнего зачислить на все виды довольствия.

Директор Никитенко

Приказ № 63 от 31 июля 1933 г.

С 1 августа с. г. считать на работе рабочим совхоза Подомахина Иннокентия с окладом жалования по тарифной сетке как рабочего с зачислением его на все виды довольствия.

Никитенко

Приказ № 64 от 31 июля 1933 г.

С 1 августа с. г. назначить по совместительству агронома Юрковского Ф. Ф. заведующим хозяйством совхоза с дополнительным вознаграждением в месяц 150 руб. к его основному жалованию.

Директор Никитенко

Приказ № 65 от 25 августа 1933 г.

1. Всем рабочим и служащим, отправляющимся на охоту, категорически запрещаю брать с собой ездовых собак и щенков, ибо, кроме потерь собак на охоте, последние развращаются охотой, и управление ими в составе упряжки делается... (дальнейший текст утрачен. — *Ред.*).

Беспорядки в Пенжинском оленесовхозе

Дирекция Пенжинского оленесовхоза закупила в 1932 г. у местного коренного населения около тысячи двухсот голов оленей на 21 000 руб. и до сих пор не оплатила их. Зарплата рабочим не выплачивается уже второй год. Пастухов на табун поставлено три вместо шести. Культурно-бытовые условия рабочих скверные. В совхозе сейчас собрались четыре директора.

Радыгин

От редакции: Пенжинский оленеводческий совхоз АКО, как и всякий совхоз в Советском Союзе, должен служить для всего окружающего населения образцом социалистического ведения хозяйства. Он должен быть организующим центром оленеводства для всего прилегающего района, для всего коренного оленеводческого населения.

Насколько слабо руководство АКО заботится о том, чтобы его оленеводческие совхозы действительно отвечали этим ответственным заданиям, видно из приводимой выше телеграммы.

Оленеводческие совхозы — один из наиболее слабых участков работы АКО. Между тем, их значение в деле восстановления и дальнейшего развития северного оленеводства огромно.

Камчатская правда, 29 апреля 1935 г., № 99

Дальнейшие сведения об истории хозяйства почерпнуты нами из работы «Корякский округ: даты, события, факты. Справочное издание», авторы-составители Т. М. Хелол, В. Т. Броневич и В. А. Мышляев (с. 70, 115, 123, 137, 180, 213). Этот содержательный справочник выпущен в 2018 г. в Петропавловске-Камчатском издательством «Камчатпресс».

С 1936 г. центральная усадьба совхоза находилась в селе Слаутном. 9 июля 1941 г. решением Корякского окружного исполкома Пенжинский оленеводческий совхоз разукрупнён на два: «Пенжинский» и «Таловский». Первым директором совхоза «Таловский» стал А. К. Гречнёв.

20 ноября 1943 г. Пенжинский райисполком выделил земельный участок под хозяйственный центр вновь организованного отделения совхоза «Таловское». 4 февраля 1944 г. Пенжинский райисполком создал комиссию для определения места строительства центральной усадьбы Таловского отделения. Сделать это следовало до 12 февраля.

20 июня 1949 г. из центральной усадьбы совхоза проведена эвакуация людей из-за угрозы наводнения. Усадьбу залила вода переполнившихся и соединившихся рек Слаутная и Пенжина. Часть берега, где стоял посёлок, смыло.

25 мая 1967 г. при директоре А. Д. Давыдове Указом Президиума Верховного Совета СССР за достигнутые трудовые успехи совхоз был награждён орденом Трудового Красного Знамени.



Школа-юрта. Пенжинский район, село Каменское, 1939 г.
(ККОМ, НВФ 4122)



Школа. Пенжинский район, 1940 г. (ККОМ, НВФ 4225)



Оленесовхоз «Пенжинский». Отбивка маток-важенок, 1970-е гг. (ЖКОМ, БН)



Знамя совхоза «Пенжинский» с прикреплённым к нему орденом Трудового Красного Знамени и грамотой Президиума Верховного Совета СССР, 1967 г. (ЖКОМ, НВФ 3080)

24 февраля 1982 г. постановлением Совета Министров РСФСР и ВЦСПС за победу во Всероссийском социалистическом соревновании и успешное выполнение плана экономического развития за 1981 г. совхозу вручено переходящее Красное знамя.

Крайний срок создания документов, хранящихся в Государственном архиве Камчатского края, в части, касающейся совхоза «Пенжинский», — 1989 г.

П. А. Рязанов

Воспоминания

Представленные ниже воспоминания подготовлены в 2000-х гг. капитаном дальнего плавания, ветераном камчатского Тралового флота, Океанрыбфлота и межколхозного производственного объединения, одним из наиболее авторитетных рыбаков нашего полуострова Павлом Александровичем Рязановым. На большом морозильном рыболовном траулере (БМРТ) «Николай Островский» в 1964 г. он установил всесоюзный и мировой рекорды добычи рыбы для этого типа судов. Было поймано чуть более пятнадцати тысяч тонн сырца, на 60 % больше задания. 13 февраля 1965 г. Государственный производственный комитет по рыбному хозяйству при Совете Министров СССР наградил большую группу моряков траулера знаками «Отличник социалистического соревнования рыбной промышленности СССР». Средний вылов за промысловые сутки составил 745 центнеров, прибыль превысила три миллиона рублей, судно окупило стоимость постройки меньше чем за год. Себестоимость центнера добытой рыбы была снижена против плановой почти на четверть. 24 апреля 1965 г. указом Президиума Верховного Совета СССР БМРТ «Николай Островский» был награждён орденом Трудового Красного Знамени. Награда вручена экипажу 11 июля, после прихода судна в рыбный порт Петропавловска-Камчатского.

П. А. Рязанов осваивал новые промысловые районы в различных акваториях — от северных морей Тихого океана до островов Новой Зеландии, обучил рыбацкой практике многих ныне живущих и работающих моряков-рыбаков. С 1968 г. — заместитель начальника Океанрыбфлота, затем начальник промысловой разведки Камчатрыбпрома. С 1975 по 1990 г. — заместитель председателя правления Камчатрыбколхозобъединения (создано в 1975 г.) по флоту и добыче рыбы. В 1990 г. ушёл на пенсию. Отмечен орденами Ленина, Трудового Красного Знамени и рядом

других наград. Делегат XXIII съезда КПСС. Скончался 16 февраля 2011 г. в г. Владивостоке.

Свои воспоминания он передал другу — Георгию Васильевичу Мещерякову, тоже знаменитому рыбацкому капитану, первому начальнику Управления океанического рыболовства Камчатрыбпрома, Герою Социалистического Труда. На них сохранилась надпись: «Гоша, извини за мою писанину, может, кое-что и не так, но написал то, что вспомнил. Писал уставая, немели пальцы руки». От Г. В. Мещерякова бумаги достались старейшему камчатскому журналисту Анасу Хатимовичу Галимову, ныне живущему в Москве, а от него попали на Камчатку, будучи отправлены председателю Камчатской региональной организации Союза писателей России А. А. Смышляеву, передавшему их на вечное хранение в наш музей.

А. Х. Галимов, в своё время уделявший много внимания прославлению значимости рыбацкого труда в печати и на телевидении, кратко и исчерпывающе охарактеризовал воспоминания П. А. Рязанова: «...это — трогательное, сердечное, правдивое сочинение об одной судьбе, в котором отражена историческая судьба целого поколения, суровая, правдивая и созидательная! Эти люди, это поколение поднимали наше могучее государство из нищеты, военной разрухи».

Родился я 25 сентября 1930 г. в Ханкайском районе Приморского края, в селе Платоновка, расположенном на берегу озера Ханка. Отца не стало, когда мне было шесть месяцев. Мама, Мария Михайловна, одна растила нас четверых — старших сестёр Анну, Веру и брата Семёна. По рассказам мамы, в нашем хозяйстве имелись две лошади, две коровы, свиньи, куры, поэтому семья считалась зажиточной. Отца забрали вместе с другими такими же крестьянами. По словам очевидцев, их перевезли в Никольск-Уссурийский, а там расстреляли.

Мне было один-два года, когда сестра Анна носила меня к озеру, сажала на песок играть, а сама вместе с подружками бежала купаться, громко крича: «Купки ханки астраханки!», и забывала обо мне. А я тем временем тоже заползал в воду и плескался, после чего, конечно же, простужался и болел. Мама, как могла, выхаживала меня и ставила на ноги, и так ежегодно, вплоть до 1934 г.

В этом возрасте как раз и проявилась моя тяга к воде. Мама рассказывала: как-то отец поехал на лошади за сеном. За селом надо было переезжать речку Грязнуху. Войдя в воду, отец увидел множество сазанов, видимо, шедших на нерест. Он наколот их вилами, сколько хотел или смог, и вернулся домой. Мама много

часов разделявала и солила это неожиданное богатство. Без отца ей было очень тяжело нас прокормить. Село, можно сказать, осталось без мужиков, многие уехали в разные города Союза. В 1934 г. вместе с другими семьями мама собрала нас и увезла в Новосибирск, где мы прожили до 1938 г.

Несколько семей обитали в бараках. Мама трудилась на обувной фабрике, за хорошую работу ей выделили комнату в деревянном домике, который, видимо, никто не желал заселять. Крыша «светилась», стены были дырявые, не имелось завалинки, оказалась сломанной печь. Надо было это жилище приготовить к зиме, починить крышу, проконопатить стены, сложить новую печь... Я смутно помню, как мама всё это сделала сама с помощью сестрёнок и брата. В свои тридцать два года она всё делала сама, никто нам не помогал. Откуда у неё взялась эта сноровка, мужская хватка? Видимо, тяжёлая жизнь научила её всему ради детей.

В Новосибирске пришлось нам очень тяжело, и мама решила завербоваться на Камчатку. Многие её отговаривали от этого, мол, такая даль, надо плыть на край света, детей растеряешь... Мама же отвечала: «Всё равно, хуже не будет, детей надо поставить на ноги».

В Петропавловск-Камчатский из Владивостока ехали на старом пароходе «Ильич». Мама устроилась на нём подсобной работницей камбуза, её укачивало, тошнило, но она крепилась, трудилась и в конце дня приносила нам еду.

Прибыли на Камчатку в октябре 1938 г. Здесь увидели извержение Авачинского вулкана. Оно началось вечером, уже смеркалось. Со стороны вулкана слышался гул. Я видел, как из кратера время от времени взметалось огромное пламя, летели раскалённые камни, затем по склону ползла лава, было заметно, как она спускалась, приближаясь к подножью горы. На следующий год мы видели в районе «бомбёжного поля» глыбы выброшенных вулканических камней и русло некогда бывшей речки. Впоследствии оно стало называться «Сухой речкой». Я увидел нехоженые леса, огромный шеломайник, непроходимые заросли кедрача, нетронутые ягодники жимолости, голубицы, княженики, морошки.

Особенно мне понравились две речки. Одна, поменьше, протекала через Ближний совхоз, другая — Кирпичная — была более полноводная. В обеих водилось много гольца, и я с товарищем почти каждый день ловил их на удочку. Бродил по холодной воде, заболел двусторонним воспалением лёгких, даже находился при смерти. Но мамина любовь, теплота её рук, ласковое отношение ко мне врача сделали своё дело — я встал на ноги и, конечно же,

снова ходил на речку, ловил гольца, колол горбушу, нерку, кижуча. Уже шла война, брата и сестру призвали в армию, пойманная мною рыба была хорошим подспорьем нам в еде. Зимой петлями ловил зайцев.

В 1944 г. мы с мамой переехали в Приморский край в город Лесозаводск к сестре Вере, где она служила в армии. Затем перебрались в Спасск. В 1947 г. я поступил в Дальневосточный морской рыбопромышленный техникум на судоводительское отделение. В 1951 г. окончил его, получил специальность «Штурман дальнего плавания». При распределении мне выпал жребий работать в Приморрыбпроме, а Октябрю Михайловичу Ломаеву (он был старше нас, прошёл войну и был женат) — на Камчатке. Обратился к нему с просьбой поменяться местами, чему он был рад.

Отъезжали на Камчатку на пароходе «Гоголь» втроем — Игорь Куликов, Виталий Павлинов и я. Отход «Гоголя», назначенный на 30 августа, был отложен на сутки из-за сильного ливня. Помню, как уже вечером мы под проливным дождём шли до кинотеатра «Уссури», где решили переночевать, благо там работал брат Павлинова. По Китайской улице сверху нёсся с большой скоростью поток воды по колено. Мы взялись за руки и еле-еле перешли через улицу. На завтра после обеда отвалили от причала. На седьмые сутки прибыли в Петропавловск, ошвартовались в ковше рыбного порта к деревянному причалу. Когда заходили в Авачинскую губу, я во все глаза смотрел на её огромные просторы, окаймлённые горами, на пушистую сопку Любви, на частные домики, протянувшиеся от судоверфи до Култучного озера.

На следующий день втроем пошли в Главкамчатрыбпром, в отдел кадров. Подали свои направления, и так случилось, что моё оказалось снизу. Начальник отдела кадров поставил резолюции: Куликова и Павлинова — в Камчатрыбфлот, а меня — в Тралфлот. Я был возмущён: как это, меня, штурмана дальнего плавания, да вблизи берегов рыбу ловить! А я думал о больших пароходах и дальних походах! Друзья меня поддерживали. Решили мы пройти в отдел кадров Камчатрыбфлота, где просить взять меня. Однако начальник отдела кадров Главкамчатрыбпрома был непреклонен, сказал, чтобы я отправлялся в Тралфлот. Но на этом мы не успокоились, с Игорем Куликовым пошли к самому начальнику Главкамчатрыбпрома Шалве Григорьевичу Надибаидзе. Он внимательно выслушал меня и сказал: «Будущее принадлежит активному рыболовству, будут строиться современные промысловые суда со значительной автономностью. Лов рыбы намечается вести в дальних

районах Охотского и Берингова морей. Поэтому нам нужны грамотные судоводители».

Насколько был мудр этот руководитель, как далеко смотрел он вперёд! В этом я убедился в ходе своей дальнейшей работы.

Из Владивостока к этому времени прибыли по направлениям в Главкамчатрыбпром Олег Заварин и Боря Кютт. Они сразу получили направления в Тралфлот, и мы смело, уже втроём, отправились туда. Начальник отдела кадров Тралфлота Черных принял нас очень благожелательно, Заварину дал направление на траулер «Гага», Кютту — на «Лебедь» и мне — на «Дальневосточник», всем на должность второго помощника капитана.

В это время в Тралфлоте имелось семь паровых рыболовных траулеров немецкой и итальянской постройки: «Гага», «Лебедь», «Дальневосточник», «Восток», «Буревестник», «Топорок» и «Палтус». Как правило, с апреля по 20 декабря они отстайвались на Петропавловской судовой верфи, где проводились все виды ремонта. Суда эти были старые, построенные в тридцатых годах. Их наибольшая длина 58, ширина — 11 метров, два трюма, вмещавших полный груз камбалы в 230–250 тонн. Районы лова — Охотское море, знаменитая Явинская банка на северо-западе от Озерной. Глубины здесь — 110–130 метров. Работали здесь чисто донными тралами бортовым тралением. К нижней части мешка трала подвязывали бычьи шкуры, а затем и сети из каната «Геркулес», так защищая пластины трала от преждевременного износа. Выловленную рыбу сдавали на рыбокомбинаты Западной Камчатки, иногда приходили в Петропавловск на базу Моховую.

На «Дальневосточник» я прибыл, когда он стоял на верфи в текущем ремонте. Капитан Михаил Семёнович Курьянов с одобрением принял меня, рассказал, чем занимается судно, провёл по нему, познакомил с членами экипажа. Старший помощник капитана Евгений Степанович Поршневу, бывший военный, демобилизовался и пришёл в Тралфлот. Он был очень грамотным судоводителем, ему доверяли девиационные работы на судах Тралфлота. Любил заниматься астрономическими определениями местоположения судна, даже тогда, когда стояли на якоре. Эту любовь к астрономии он привил и мне.

Первый рейс состоялся в декабре в бухту Вилучинскую. Руководство Тралфлота дало указание взять воду и в бухте слить её на траулер «Восток», где капитаном был Сергей Леонидович Закхеев. Этот траулер стоял у борта парохода «Чириков», перегружал в сухогрузные трюмы камбалу. После выгрузки «Восток» должен был

сниматься в порт и вернуться туда к Новому году. После передачи воды мы снялись обратно, встали на своё место на судоверфи. На следующий день погода испортилась, подул северо-восточный ветер силой 10–11 баллов. И вот в такую погоду капитан Закхеев решил следовать в порт. Через сутки мы узнали, что «Восток» исчез. С улучшением погоды суда вышли на поиски, обследовали район от бухты Русской до ворот и в сторону мыса Шипунского. В бухте Саранной обнаружили рыбинсы, вёсла, стол старшего механика Лессового. Поиски прекратили. Высказывались две версии гибели «Востока». Первая — было известно, что на нём текли котельные трубы, механики упустили воду, произошёл взрыв котла. Вторая — наскочили на плавающую мину.

Ни за что погибло судно, с ним пятьдесят четыре человека. «План любой ценой» — под таким девизом в то время работала рыбная промышленность. До выполнения годового плана Тралфлоту оставалось поймать около тысячи тонн. Руководство Главкамчатрыбпрома решило поставить в бухту сухогруз и выгружать в него камбалу. Много судов перегрузились на это судно, в их числе были пришедшие из Германии средние рыболовные траулеры (СРТ), их называли «логгеры». Некоторым капитанам СРТ давались неофициальные указания: «Как выйдешь за ворота (Авачинской губы. — *Ред.*), давай радиодонесение о том, что у тебя на борту сто тонн рыбы».

После трагического конца «Востока» пароход «Чириков» снялся в Усть-Камчатск для выгрузки гнилой рыбы. Выгружался он более месяца — грузчики не хотели лезть в трюм, пошли только после того, как им установили высокие расценки. На берегу рыба лежала до середины лета, пока всю её не сварили на муку.

Капитаны судов, ходивших в это время в Камчатский залив, говорили, что при северном ветре, как только зайдёшь в него, чувствовался гнилой запах. Можно было не определяться, а идти курсом на запах, и будешь в Усть-Камчатске. Многие ответственные работники Главкамчатрыбпрома, Тралфлота и рыбного порта были сняты со своих должностей, но никого в тюрьму не посадили.

Как вёлся промысел с этих судов? Надо иметь точное место, а его можно получить только с помощью визуального наблюдения, взятия компасных пеленгов или одного пеленга и глубины. Глубину надо вручную замерить с помощью механического лота. За одну вахту необходимо сделать три-четыре замера. Ночью, если была видимость, брали пеленг Озерновского маяка. Если глубина оказывалась подходящей, ложились рабочим бортом на ветер, делали

циркуляцию, выходили на курс параллельно изобате, травили ваера. Как только заканчивали травление, брали ваера на стопор, а иногда и не брали. Ваера сходились — это признак того, что трал полон рыбы, начинали выборку. За подъём брали по шесть — восемь тонн. Мешок поднимали, ставили на зев открытого люка, распускали гайтан, и живая, трепещущая камбала лилась в отсек трюма. На верхних перекрытиях отсеков лежал мелкий лёд, им пересыпался улов.

Очень важно было иметь достаточную скорость циркуляции и травления ваеров. Для этого нужно, чтобы пар в котлах держался «на марке». Если вахту нёс умелый кочегар, имелся добрый уголь, то и улов был хорошим, а если достаточного хода не было, то мог произойти заворот траловых досок. Чтобы их распутать, надо потратить три-четыре часа, а это — потеря промыслового времени.

В 1952 г., в середине лета, меня назначили старшим помощником капитана. Стояли в ремонте, когда ночью 5 ноября судно сильно затрясло. Я выскочил на мостик выяснить, в чём дело? Борт о борт стояли четыре траулера, с каждого на берег были заведены по два швартовых конца, с носа и кормы. Я понял, что это землетрясение. Третий помощник капитана, разжалованный капитан Кулеш, спросонья после очередной пьянки бегал по палубе соседнего «Буревестника» и кричал: «Что вы работаете машиной, порвёте концы, я буду жаловаться!» Затем тряска прекратилась. Это было в четыре утра. Где-то в половине восьмого, когда я вышел на крыло мостика, опять произошла набольшая встряска. На моих глазах вода стала заливать берег, подходить к электроцеху. Судно поднялось на воде, мы не знали, что и предпринять. И вдруг вода стала быстро уходить, словно нитки, порвались 28-миллиметровые стальные швартовые тросы, и все четыре судна понесло к противоположному берегу полуострова Завойко.

Бегом к брашпилю. Один якорь находился в рабочем состоянии, и я успел его отдать. Слышу — с соседнего судна тоже отдали якоря. Так все четыре траулера несколько часов стояли на двух якорях. К концу суток подошёл буксир, чтобы поставить нас на прежнее место. Приняли с него конец, и он потащил два судна к берегу. Не доходя до места стоянки метров восемьдесят, попали в водоворот. Воронка была метров сто в диаметре, нас стало крутить вместе с буксиром, пришлось отдать конец. Его подали второй раз, опять закрутило, и только с третьего захода буксир вытащил нас из водоворота и, пройдя несколько севернее его, поставил

нас к стенке причала. Видимо, здесь была какая-то огромная щель, куда вода быстро уходила в некую пустоту, соединяющуюся с океаном. Наверняка наши сейсмологи об этом не знают.

Я познакомился со многими интересными людьми и храню о них самые тёплые воспоминания.

Капитан траулера «Гага» Евстафиади, грек, высокого роста, худощавый с виду, но крепкого телосложения. Добрый, вдумчивый, всегда разговаривал с нами, молодыми штурманами, на равных. Как-то я пришёл к Олегу Заварину в гости, в кают-компанию сидел Евстафиади. Рассказал о случае, произошедшем с ним. Дело было зимой, полно снега. Он получил много денег для экипажа. Судно стояло на Моховой, а контора располагалась в портофлоте, в распадке сопки Любви. Сложил деньги в наволочку и вечером по тропинке через Сероглазку пешком пошёл на Моховую. Уже на подходе на него напали двое грабителей. Он забросил наволочку с деньгами вниз, в сторону бухты и начал с ними биться. Поддал тому и другому так, что они не двигались. Хотел, было, пойти искать наволочку, вступил в снег и провалился по пояс. Решил бросить поиски и идти домой. Ночь проспал, а с рассветом отправился к месту побоища. Грабителей уже не было, а наволочка лежала метрах в двадцати, все деньги оказались целы.

У нас на «Дальневосточнике» тралмастером был Иосиф Никандрович Рохлецов, небольшого роста, полный и совершенно лысый. Добродушный человек, хорошо знавший своё дело. И вот как-то на моей вахте его команда порвала трал. Надо было быстро чинить его. Дул сильный ветер, стоял мороз, а он, несмотря ни на что, одно ухо шапки вниз, другое вверх, голыми руками зашивал дель. Так как работы было много, то позвал своего помощника Петрова, немолодого мужика, впервые пошедшего с ним в море. Петров вышел в длинном плаще, под ним телогрейка, в сапогах и рукавицах, уши шапки завязаны под подбородком. Рохлецов говорит — давай, мол, помогай чинить. Петров заявил: «Ты меня заставляешь работать в такую погоду! Это буржуи заставляли людей работать, не жалея их!» Услышав такое, старый тралмастер вскипел и прогнал его с палубы. По приходе в порт Петрова списали.

Семья Иосифа Никандровича жила в Аваче. И вот, после работы он уходил с судоверфи каждый день домой пешком (а это не меньше пятнадцати километров), неся тяжёлую хозяйственную сумку. Я как-то спросил его, почему он всё время носит эту сумку, зачем она ему? Он открыл её, и вижу там стальную фигурную

скобу весом килограммов шесть. «Это для защиты. Кто нападёт — сумкой врежу, и всё нормально!»

Старшим механиком у нас был Иван Васильевич Васильев, лет ему было под семьдесят. В зубах вечно трубка, дымил не переставая. Высокий, с усами, когда стояли в порту, то почти всегда слегка подшофе. Как-то он вернулся из управления флота, зашёл в каюткомпанию, а мы сидели со вторым механиком Володей Прошиным, пили чай Володя — умный, грамотный специалист, хорошо знал своё дело. И вот стармех говорит: «Володя, я был в управлении, проходил переаттестацию, гоняют здорово, ты готовься». Володя поинтересовался, какие задают вопросы.

«Меня, например, спросили, какие бывают двигатели? Я ответил, такие, как на “Дальневосточнике”, “Гаге”, “Лебеде” и на “Кишинёве” — Баур-Хера». У Володи в глазах появились искорки. Он стал называть типы двигателей, сказал, что на «Кишинёве» стоит двигатель Бауэр-Вахера.

«Давай, спрашивай меня», — говорит стармех. «А что спрашивать?» — «Ну, какие бывают судовые двигатели?»

Потом мы долго смеялись, конечно, не в присутствии стармеха. (Причина смеха не вполне ясна. Двигателем была паровая машина, объединённая с турбиной низкого давления. Эта система правильно называлась «Бауэра-Ваха» по фамилиям придумавших её двух германских инженеров. — *Ред.*)

Однажды мы возвращались с Западной Камчатки в Петропавловск на сдачу рыбы. Подходили к мысу Поворотному, дул северо-восточный ветер силой до одиннадцати баллов, шёл снег. Судно еле слушалось руля. Я только что заступил на вахту с нуля часов, вышел на левое крыло мостика, посмотрел вперёд. Наше судно то вздымалось вверх, то стремительно уходило вниз. Вдруг я увидел слева по носу тёмную громадину, несущуюся навстречу. Крикнул: «Лево на борт!», и буквально метрах в пятидесяти мимо пронёсся ледокол. Даже в темноте я увидел его форштевень со срезом и прочитал название — «Анастас Микоян». В то время уже были радиолокаторы, но я уверен, что на экране он никого вокруг себя не видел, шёл с большой скоростью с попутным ветром. Только чистая случайность спасла нас от неминуемой гибели. Вот она — морская жизнь, связанная с опасностями и неожиданностями! На «Дальневосточнике» тогда радионавигационных приборов ещё не было, ходили только по магнитному компасу и лагу, показывавшему скорость судна.

1953 г.

К этому времени в Петропавловск прибыла вторая партия СРТ (логгеров), всего их насчитывалось уже около двадцати пяти штук. Из капитанов-перегонщиков мало кто оставался работать на Камчатке. Рассчитывались и улетали на Запад. И вот в начале года из Калининграда к нам на должность начальника Тралфлота прибыл Павел Александрович Демидов. Это был грамотный, хорошо знавший промысловое дело специалист, требовательный, умевший рисковать, иногда резкий в суждениях. В дальнейшем судьба надолго связала меня с ним в работе.

Он решил сделать ставку на молодёжь. Так появились молодые капитаны, окончившие Петропавловск-Камчатский моррбтехникум в 1951 г. Это — штурманы малого плавания Владимир Лисицын, Алексей Арестов, Станислав Медведев, Сиднин и другие, в том числе и мы с Олегом Завариным. (Позже эту молодёжь так и называли — «демидовские капитаны». — *Ред.*)

Я получил СРТ-4129, начали готовиться к выходу в Охотское море на жировую сельдь, получили сети, соль, бочкотару, всё необходимое для дрейферного лова. В середине июня вышли за ворота Авачинской губы. После прохождения Первого Курильского пролива проложил курс на остров Спафарьева, находящийся в Тауйской губе. Шли вдаль от Западной Камчатки. Здесь я вспомнил Евгения Степановича Поршнева, привившего мне любовь к астрономическим определениям, решению задач нахождения долготы, линии положения, близмеридиональной широты, меридиональной широты и прочим. После полудня делал определения. Мои помощники теоретически подготовлены были слабо, с трудом производили определения. Став капитаном, я впервые самостоятельно прокладывал курс и определял место положения судна, тем не менее, приводил его точно в назначенное место.

В бухте Беринга на острове Спафарьева стояла плавбаза — обычный пароход «Чапаев». На нём находился начальник экспедиции Михаил Иванович Новиков и флагманские специалисты. Были представители от ТИНРО, собиравшие данные предыдущих сетедрейфов по вылову, обрабатывали их и давали рекомендации всем судам, где выставлять свои порядки. Не имея никаких приборов, капитаны сами искали место, где ставить сети, многие «пролетали» и на утреннем капитанском часе докладывали: «В рекомендованных вами координатах выставил шестьдесят сетей, выбрал улов в столько-то центнеров», или «Улова нет». Были и капитаны, отстаивавшиеся в бухтах, но говорившие, что стоят на сетях, а улова нет.

У меня это получалось лучше. Делал планшет, где ставил точки судов, кто сколько поймал. Учитывая, что сельдь идёт к берегу, делал переход и ставил порядок на пути её миграции. Ещё вёл визуальные наблюдения за поверхностью моря. Не ставил сети там, где находились скопища медуз, зато ставил там, где присутствовали плавающие водоросли. Результаты заметно изменились в лучшую сторону.

Как помню, у нас был начальник добычи эстонец Маннер. На утренних переговорах перед выборкой сетей с акцентом он уже говорил о наличии в них рыбы. Примерно так: «Если чайка села на кухтыль, сначит рыпа путет. Если кухтыли приглублены, то тоже рыпа путет».

Уловы оказывались различными: от одного до пяти-шести центнеров на сетку и более. Сети выбирали через планширь правого борта грузовой стрелой, установленной на высоте двух метров от палубы. Рыбу вытряхивали из сетей на палубу, здесь уже стояли засольный стол и подготовленные бочки, соль высыпана из мешков в бочки. Бочки все заливные, заранее подготовлены и заполнены водой. При слабом улове заполняли по 60–70 бочек, при среднем — по 180–200, а при большом — до 300 центнеров и более. Бывало, испортится погода, выбирать сети становится очень тяжело. Машина почти всё время работает на удержание судна относительно порядка под углом 45–60 градусов, чтобы расправленное сетное полотно шло через планширь. Матросы, стоявшие на выборке и тряске сетей, подбирались из наиболее сильных и выносливых. Несмотря на то что они имели нарукавники и перчатки, солёная вода всё равно приникала на запястья рук, где потом образовывались гнойные нарывы. Этот труд был очень и очень тяжёлый.

В конце сентября начинались осенние шторма, рыба уходила неизвестно куда, возвращались пустыми сети. В это время ко мне на борт прибыли кандидат биологических наук, сотрудник ТИНРО Буддо Николаевич Аюшин и начальник экспедиции Михаил Иванович Новиков. Они предлагали зайти как можно дальше на юг, найти сельдь. Ночь стояла тёмная и звёздная, втроем стояли на баке и хотели увидеть косяки сельди. Много было медуз, изредка проскакивала в сторону заблудившаяся селёдка. И вдруг от форштевня и вперёд и в стороны море побелело. М. И. Новиков, хлопая себя по ляжкам, закричал: «Вот она где, нашли!», а я в растерянности хотел бежать на мостик, чтобы выметать 10–15 контрольных сетей. Тогда Б. Н. Аюшин говорит: «Постойте, ничего

делать не надо, это — свечение моря», — и пояснил, отчего оно происходит. Стало настолько светло, что можно было читать газету.

Учёный полагал, что сельдь после нагула уходит через Курильские проливы в океан. Как оказалось, это было ошибкой. Через несколько лет обнаружили, что сельдь на зимнюю спячку опускается на глубину 210–230 метров южнее Тауйской губы, образует огромные скопления.

В этой экспедиции наш экипаж поймал три тысячи центнеров, этот показатель был выше среднего.

Из Магадана мы вышли около 5 октября, дул умеренный попутный ветер, подняли на корме парус-бизань и на носу — кливер, держали курс на Первый Курильский пролив. Постоянно проводя астрономические наблюдения, вышли точно. Я хорошо знаю, что почти все капитаны, выходя из Тауйской губы, огибали полуостров Кони, шли курсом на побережье Камчатки. Только после того, как увидели берег, поворачивали на юг. Этот путь намного длиннее. Я хорошо помню путь от Магадана до Петропавловска, примерно восемьсот двадцать миль, прошли его за двое суток и семнадцать часов со скоростью 12,6 узла.

В начале декабря пошли в Кроноцкий залив на лов камбалы, поймали восемьдесят тонн и пошли в Усть-Камчатск на рыбозавод № 2 на сдачу. Дул слабый северный ветер, держался лёгкий морозец. Не доходя до якорной стоянки мили две, вызвал боцмана, приказал готовить якорь к отдаче. Через несколько минут услышал: «Якорь к отдаче готов!» Дал машине стоп, после чего задний ход. Но машина не отработала — заклинили плунжерные пары. Я дал команду боцману отдать якорь, после чего оказалось, что тот из клюза не выходит — замёрз.

Берег всё ближе и ближе, поворачивать влево или вправо поздно. Решил носом коснуться песчаного берега. Рыбу выгрузили, через сутки с помощью парохода «Щорс» наш СРТ был снят с мели. Зашёл в реку, водолазы осмотрели винто-рулевую группу и корпус, повреждений не нашли. Снялся в порт. Здесь служба безопасности мореплавания провела расследование. По заключению комиссии моей вины в случившемся не было.

1954 г.

Направлен на СРТ «Полярник», где капитаном был Павел Егорович Алёшкин. Он уходил в очередной отпуск. Принял это судно где-то в апреле, а в первых числах мая вместе с СРТ «Север» (капитан Жерзднев) вышли на промысел нерестовой сельди в северной части побережья Охотского моря. Каждое судно имело

на борту: мотодори с мотором в 25 лошадиных сил с площадкой для закидного невода и садок для транспортировки сельди из невода до борта судна.

Идя вдоль побережья на расстоянии двух миль, мы в бинокль осматривали прибрежную часть в надежде увидеть молочное пятно, где происходил нерест. Видимо, опоздали, основной нерест прошёл. Однако в двух местах обнаружили пятна, быстро спустили мотодори, на неё — десять матросов. Первым замётом взяли сто пятьдесят центнеров, вторым — ещё сто. Из подсушенного невода сельдь переливали в садок, который после наполнения с помощью проводника через турачку траловой лебёдки подтягивали к борту. В конце июня перешли в район Тауйской губы, где стали искать нагульную сельдь. К этому времени подошёл пароход «Чапаев» с множеством промысловых судов.

На «Полярнике» для облегчения выборки сетей был установлен механический рол, вращавшийся приводом от шпиля. На роле, имевшем длину два метра, расправить сеть шириной в девять метров невозможно, и её брали в основном жгутом. Когда случались большие уловы, то сельдь мялась и не шла в обработку. Пришлось снять рол и вернуться к старому методу — тянуть сеть через планширь. Уловы у нас были хорошие, ежедневно на борт поднимали по сто — двести центнеров и шли впереди всего промыслового флота.

В экспедиции был случай, когда СРТ «Орёл» (капитан Александр Ткаченко) выставил девяносто сетей, улов на каждую доходил до шести-семи центнеров. Он затарировал всю имеющуюся бочкотару, а за бортом оставалось ещё сорок сетей. Здесь ему подвернулся катер «Бурный», находившийся в распоряжении начальника экспедиции. Ткаченко уговорил капитана катера встать на вожак и постоять, пока он сходит к «Чапаеву», выгрузит бочки и возьмёт пустую тару и соль. Завершив работу у парохода-плавбазы, он пошёл к месту катера, но его не нашёл. Об этом сообщил на вечернем капитанском часе. Поиски вели суда, не занятые ловом, успехом назавтра они не увенчались. Только на третьи сутки СРТ «Полярник» снялся на сдачу груза «Чапаеву», стоявшему в бухте Дежнёва. Часов пять утра я поднялся на мостик, глянул вперёд по носу и увидел какой-то столб, поднявшийся от горизонта до неба. Чем ближе подходили, тем меньше становился столб. До плавбазы было ещё далеко, и вдруг мы увидели катер «Бурный». Это явление называется рефракцией, образующейся за счёт неодинаковой плотности воздушных масс. Сколько радости было у экипажа

катера! Они не имели продуктов, воды и потеряли надежду, что их найдут. Я вызвал СРТ «Орёл», сообщил координаты, радист дал сигнал для пеленга, и мы двинулись дальше к плавбазе.

В конце августа обстановка резко ухудшилась, начались штормы. В это время в западной части Охотского моря в районе острова Ионы работал поисковик СРТ «Коршун», где капитаном был Василий Костюнин. На капитанском часе он сообщил свои координаты и уловы на сеть: по два центнера очень крупной сельди.

Часть судов незамедлительно снялась в этот район. Назавтра первым подошёл к «Коршуну», когда тот выбирал сети, наш «Полярник». По радиации Костюнин сообщил мне, что сельдь размером с горбушу, что много сетей ставить здесь опасно из-за сулоев (волновых явлений. — *Ред.*). Чтобы судно не нанесло на порядок сетей, надо постоянно подрабатывать задним ходом и вытягивать вожак. Я убедился в этом, когда появился первый порядок сетей, видел, как с юго-востока шла полоса течения, подхватывая судно и разворачивая его бортом к сетям. Погода стояла хорошая, солнечная, и я снова вернулся к астрономии. За дневное время решил семь-восемь задач и установил, что за ночной сетедрейф нас уносило на северо-запад на восемь миль. При хороших погодных условиях весь экипаж работал на выборке и засолке сельди. В машине находился старший механик Андрей Евсеевич Крук, я — на мостике. Успевал дать ход, подрулить, брать высоту солнца и обрабатывать результат, то есть решить астрономическую задачу.

Сельдь, действительно, была очень крупная, до сорока сантиметров. Её жирность, как определили технологи, доходила до 22 %. Согласно техническим условиям, мы должны были давать 33 % соли от веса сырца. Через десять суток после сдачи полуфабриката на плавбазу рыбу стали приводить в надлежащий вид — рядами укладывать в бочки, заливать концентрированным тузлуком. Тут выяснилось, что почка, находившаяся с внутренней стороны позвоночника, затухла. Это говорило о том, что из-за высокой жирности соль слишком медленно проходила через тело рыбы к позвоночнику, и почка начинала разлагаться.

Я помню текст радиограммы, подписанной председателем Камчатского совнархоза Николаем Алексеевичем Ваняевым, рекомендовавшей «при малых уловах стараться в каждую селёдку через ротовое отверстие заталкивать соль». Но уловы были немалые: за сетедрейф брали до семидесяти центнеров и больше, поэтому были вынуждены соли давать больше, заливать рыбу крепким тузлуком.

В конце августа ветер усилился до девяти баллов, все суда и пароход «Чапаев» снялись к Северному Сахалину в район посёлка Ныврово, встали на якорь. С многих судов боты с людьми ушли к берегу на отдых. Я тоже отправил бот во главе со старшим помощником Евгением Толмачёвым, но не для отдыха, а выяснить, есть ли у частников картофель и капуста и могут ли они обменять их на солёную селёдку. Вернувшись к борту, старпом доложил, что такое желание имеется. Я решил сам сойти на берег, взяли две бочки по полтора центнера. Быстро договорился с одной из хозяек, прикатили ей бочки, а она нам дала три мешка картошки, два мешка капусты и ещё четыре литра чистого спирта. Погрузив всё это, мы с превеликой радостью от того, что сегодня на обед получим щи со свежей капустой и картошкой, пошли к судну.

«Полярник» стоял у борта «Чапаева», выгружал сельдь, брал бочкотару и соль. Перед отходом от плавбазы к нам пришёл начальник политотдела управления флота Анатолий Петрович Илюшин. Проходя мимо камбуза, почувствовал приятный запах, спросил меня, откуда свежие овощи? Я рассказал, где и как мы их добыли, пригласил в кают-компанию отобедать. Конечно, он с удовольствием принял моё приглашение. После сухой картошки и солёной капусты такие щи казались деликатесом. А. П. Илюшин обратился ко мне с вопросом: можно ли ему пойти с нами на промысел? Конечно, я согласился.

В район промысла подошли во второй половине ночи. На СРТ «Механик Лесовой», где капитаном был Борис Никитич Писаревский, прекрасный человек, прошедший всю войну, награждённый многими орденами и медалями, находился начальник Трафлота П. А. Демидов. Он попросил Илюшина приехать к нему, но тот отказался, боясь волнения моря. Тогда Демидов позвал меня, я прибыл, состоялся хороший деловой разговор. Вдруг Демидов спрашивает, хочу ли я выпить? Я не стал отказываться, выпили спирта, закусили рыбной колбасой и мясом. «Механик Лесовой» заходил за Демидовым в Магадан, там и отоварились в магазине. Уходя, я поблагодарил Демидова за радушный приём и хорошее отношение. Напоследок он сказал: «Возьми бутылку спирта, она пригодится от простуды».

С Павлом Александровичем у нас сложились очень доверительные отношения, несмотря на большую разницу в возрасте и занимаемых должностях. Он — начальник управления, а я — лишь капитан промыслового судна. Я испытывал большое уважение к этому

человеку и старался оправдать его доверие. В разговорах с другими капитанами слышал такие же положительные отзывы о нём.

За летнюю путину экипаж «Полярника» выловил более четырёх тысяч центнеров жирующей сельди, занял первое место в управлении. Придя в Петропавловск, мы ошвартовались в рыбном порту к причалу портофлота. Здесь же, метрах в тридцати, находилось здание управления, толпилось много народа. Вдруг грянул оркестр. Я сошёл на берег, доложил начальнику правления о результатах рейса, затем начались поздравления и рукопожатия. Хочу отметить, что такая встреча передовиков промысла с оркестром состоялась впервые.

1955 г.

Из отпуска прибыл капитан П. Е. Алёшкин, я сдал «Полярник» ему. В начале января был направлен капитаном на СРТ «Ястреб», отстающий, ни разу не выполнивший своих годовых планов. Вышли в море, направились на Явинскую банку на камбалу. Первые траления оказались удачными, на борт подняли около двадцати тонн. При очередном замёте вышла из строя траловая лебёдка — сгорела обмотка электромотора. Были вынуждены сняться в порт. Здесь в мастерских мотор перемотали, и через несколько дней мы ушли на промысел. После нескольких тралений мотор снова сгорел, опять пошли в порт. Доложил руководству флота, сказал, что с таким мотором в море делать нечего, и потребовал дать его с одного из судов, стоявших в ремонте. Мне пошли навстречу.

Снова прибыли на место лова, теперь дело пошло. Несмотря на потерю промыслового времени, мы твёрдо заняли среднее положение среди всех судов Тралфлота.

Немного ранее судьба свела меня с Георгием Васильевичем Мещеряковым, с которым далее пришлось долгое время вместе работать, мы стали близкими друзьями. Он в 1951 г. окончил Тобольский рыбопромышленный техникум, на судах Тралфлота вначале трудился помощником тралмастера, а потом стал тралмастером. Слышал о нём много хороших отзывов от капитанов, а затем мы познакомились ближе. Зная его как отличного мастера по пошиву и чинке тралов на лову, я посоветовал ему идти учиться в учебно-курсовой комбинат на штурмана малого плавания. Он согласился, а я пообещал по окончании взять его к себе вторым помощником. И не ошибся, так и получилось. Он стал хорошим штурманом, если же случался порыв трала, то спускался на палубу и ремонтировал его вместе с траловой вахтой.

Ещё раз убедился в деловых качествах Георгия. Он был во всех делах ответственным, обязательным, трудолюбивым человеком. Через два года перевёл его в старшие помощники.

Вспоминалась учёба в Дальморрыбтехникуме, где преподаватель промышленного рыболовства Сорокин говорил нам: «Капитан должен носить в одном кармане логарифмическую линейку и игличку». Так и получилось у Георгия Васильевича — он стал совмещать в себе капитана и тралмастера.

О Георгии Мещерякове ещё хочется сказать, что он был смельчаком. Как-то на «Ястребе» мы ловили камбалу в Кроноцком заливе. Добыв около девяноста тонн, пошли сдавать сырец в бухту Моржовую, где стоял производственный рефрижератор «Невельск». Когда подошли к входу в бухту, встретились с ледяной шугой, спрессованной так, что «Ястреб» не мог сдвинуться ни назад, ни вперёд. «Невельск» тоже не мог двигаться, а до него оставалось более пятидесяти метров. Как приблизиться к судну и сдать сырец качественным? Георгий предложил проложить доски сверху шуги и подойти поближе к рефрижератору с проводником.

Сначала положили одну доску, он спустился с борта, встал на неё, та даже нисколько не притопилась. Прошёлся по ней — всё нормально. С борта ему подали ещё несколько досок, он их уложил и прошёл по ним к «Невельску». С борта того подали выброску, к ней привязали стальной трос «Ястреба». Теперь «Невельск» подтягивал нас к себе, мы работали машиной, подошли к борту и приступили к разгрузке. Это был самоотверженный поступок, о нём написала газета «За высокие уловы».

Хочу рассказать о трагическом случае. Кажется, это было в феврале. Работали на Явинской банке. Вдруг потянул юго-западный ветер, небо очистилось, в восьмидесяти милях открылся и стал хорошо виден остров Алаид (позднее его переименовали в остров Атласова). Всё это предвещало сильный ветер от запада и северо-запада с обледенением. От него можно укрыться только под Алаидом. Суда прекратили лов и двинулись кто куда. Я решил идти к Алаиду. Судно изготовили по штормовому, задраили люки, закрепили трал. На борту находилось около шестидесяти тонн улова. К вечеру встали на якорь у острова, сюда же подошли ещё несколько судов.

Утром на капитанском часе командир СРТ «Камчадал» Медведев сообщил, что в двадцати милях восточнее Алаида видел перевернувшийся СРТ. Переключка завершилась, на связь не вышел капитан СРТ «Камчатская правда» Гуржий. Конечно, все мы были

очень встревожены, ведь погибли наши товарищи. Но Медведев уточнил, что «Камчатская правда» — с открытой кормой, а этот СРТ — с закрытой, значит, не наш, но тогда кто же? Часа через два выяснили, что у приморцев на связь не вышел СРТ-659, узнали, что на нём были малые запасы воды и топлива, а рыбы почти совсем не имелось. В конце дня его видели идущим к Алаиду, трал был поднят и привязан к фок-мачте. Получается, что со стороны капитана были допущены грубейшие нарушения хорошей морской практики. Почти пустое судно имело малую остойчивость, при этом подняло трал на мачту, чем ещё более увеличило парусность. Как известно, море халатности не прощает.

Ещё один случай. Работая на Западной Камчатке, заловились и снялись на сдачу сырца. Прошли Первый Курильский пролив, здесь нас встретил ветер силой не меньше семи баллов, иногда нёсший снежные заряды. Впереди, несколько ближе к берегу, шёл СРТ-4402, он был сильно загружен и глубоко зарывался носом. Мы его обогнали, и так и шли в видимости друг друга, когда проходил снежный заряд. Никаких сигналов с него не поступало. Когда он был с левого борта позади траверза миль в двух, его закрыл очередной снежный заряд. Когда снег окончился, мы больше этот СРТ не видели. Случилось это в районе острова Уташуд, ветер достигал силы в десять баллов.

Год завершили неплохо, из отстающих «Ястреб» перешёл в число передовых. В первом квартале 1956 г. был издан указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении большой группы рыбаков Камчатки. Я и Мещеряков получили медали «За доблестный труд».

1956 г.

Этот год стал для меня памятным тем, что я познакомился, а затем подружился с замечательным человеком — Александром Ивановичем Сергой. Наше знакомство состоялось в эфире. Он был капитаном поискового судна СРТ «Академик Шулейкин», вёл работы в Кроноцком заливе, а я на «Ястребе» находился в Олюторско-Наваринском заливе, ловил дрифтерными сетями сельдь. Сначала мы поговорили о работе, затем несколько минут о делах личных. Никто нам не мешал, слышимость была прекрасной. Мы разговаривали свободно, как будто знали друг друга много лет, прониклись обоюдной симпатией, Саша предложил обязательно встретиться в порту.

Когда мы встретились, я увидел здорового парня ростом выше ста восьмидесяти сантиметров, круглолицего, с вьющимися волосами

и обаятельной улыбкой. Разговаривали о многом. Как-то спросил его, откуда такая фамилия. Он ответил: «Ты видел картину “Как запорожские казаки писали письмо турецкому султану”? Там стоит казак с серьгой в ухе. Так вот, мой род идёт от него».

Мы подружились, и наша дружба ещё более укрепилась, когда я возвращался из Наваринского района в порт, проходил Кронецкий залив. В эфире услышал голос Александра. Его «Академик Шулейкин» стоял в бухте Моржовой, он просил зайти в бухту и взять у него кое-какой груз. Стоял густой туман, видимость полкабельтова. Счисление у меня было хорошее, подошёл к бухте, а вход в неё не вижу. Тогда он снялся с якоря, вышел из бухты, включив прожектор. Конечно, теперь мне стало легче. Попутно был удовлетворён тем, что вне видимости вышел точно в назначенное место. «Шулейкин» развернулся и пошёл в бухту, а я последовал за ним. Он стал на якорь, я подошёл к борту. Проговорили всю ночь. Такая взаимопомощь ещё больше укрепила нашу дружбу. Она сохранилась на всю жизнь (А. И. Серга скончался 6 сентября 1992 г. — *Ред.*).

На СРТ «Ястреб» я проработал до 1958 г., затем меня назначили флагманским капитаном. Находясь в районе лова, переходил с судна на судно, учил премудростям промысла. В Тралфлот приходили капитаны с транспортных судов, вот их и приходилось учить, как ловить рыбу и удерживаться на банке. Они хорошо знали судовождение, но боялись находиться в группе промысловых судов и идти на сближение, двигаясь с тралом. Не определив, какие суда чем занимаются: то ли ставят трал, то ли выбирают его, травили ваера, отворачивали, в результате сваливались на большие или малые глубины, уходили с банки и вытаскивали пустой трал. Одни капитаны правильно понимали и совершенствовали полученный опыт, другие не смогли научиться работать на промысловом флоте, уходили обратно на транспортный.

1958 г.

Началось освоение нового промыслового района. Как штурмана дальнего плавания, руководство назначило меня ответственным за переход группы судов в Бристольский залив на лов камбалы, где поисковики обнаружили её скопления. В мои обязанности входили сбор сведений с каждого судна, дача сводок Дальрыбе. Группа состояла из пяти судов, в том числе СРТ «Николай Вилков», капитан Герой Социалистического Труда Павел Егорович Алёшкин; СРТ «Кедровый», капитан Александр Степанович Белый и ещё три судна, их названий и капитанов не помню. Несмотря на тяжё-

лые погодные условия, переход прошёл благополучно. А. С. Белый форсировал ход, первым пришёл в назначенный район, рекомендованный поисковым судном, сделал короткое траление и на очередной переключке заявил, что в трале оказалась одна мелочь, «детский сад», и продолжил: «Зачем мы шли тысячи миль? Кто будет платить нам за поиск крупной камбалы?» Я сказал: «Отчаиваться не надо, все вы опытные капитаны и знаете, что крупная камбала находится на больших глубинах. Поэтому рекомендую пойти веерообразно в сторону больших глубин на юго-восток. Мы быстро найдём нужную рыбу».

Так и получилось. Через два-три траления обнаружили крупную рыбу. За десятиминутное траление поднимали до восьми тонн. Приёмных судов не было, они только подходили к Командорским островам, в лучшем случае будут у нас через четверо суток. П. Е. Алёшкин решил взять лёд для пересыпки рыбы и пойти на сдачу в Усть-Камчатск. Управление это разрешило. Он выловил около ста тонн и снялся по назначению. Я перешёл на другое судно.

Через четверо суток подошёл пароход-завод «Пищевая индустрия» и три рефрижератора. Так в начале января открылась Беринговоморская экспедиция. Условия перегруза были тяжёлые, укрытий не имелось, на судах отсутствовали кранцы, использовали только связанные автомобильные покрывки. Они не обеспечивали безопасной стоянки, борта судов получали значительные вмятины и другие повреждения. От зыби спасал лёд, суда заходили в него подалее от кромки. В конце января подошли ещё несколько судов, начали вести интенсивный промысел. Производственное объединение «Дальрыба» остро ставило вопрос в министерстве о трудностях в экспедиции. Где-то в начале марта к нам прибыла комиссия из министерства, Центрального Комитета партии и Совета Министров. Из Дальрыбы был Альменах Семёнович Бабаев, первый заместитель начальника. Собрали совещание, где присутствовали капитаны-директора приёмных баз, несколько капитанов-промысловиков. Обсуждались вопросы: 1) поиск лучших мест укрытия для перегруза, 2) подвоз качественной пресной воды, 3) качество дизельного топлива и мазута. Для последнего требовалось выделить танкеры. Разговор шёл обстоятельный и острый. У рыбаков появилась надежда, что наконец-то будут решены все вопросы, облегчатся работа и быт людей.

К великому сожалению, так до конца ничего доведено не было. Наступил декабрь 1958 г., Дальрыба решила создать штаб Беринговоморской объединённой экспедиции. Начальником назначили

П. А. Демидова, его заместителем — Камила Ибатовича Зейналова, замполитом — Афанасия Илларионовича Щура, главным капитаном — меня.

Экспедиция продолжалась. Суда по-прежнему перегружались в открытом море, бились бортами, пресная вода оказывалась подсолённой, танкеров не было, а топливо подвозили транспорты, давая его из своих танков. В начале марта на танкере «Мозырь» прибыл заместитель министра Михаил Николаевич Сухорученко. Наш штаб находился на производственном рефрижераторе «Приморск».

М. Н. Сухорученко кратко побеседовал с нами, возмутился тем, что экспедиция такая огромная, а её штаб состоит только из четырёх человек, решил на следующий день провести совещание на плавбазе «Советский Сахалин». Туда пригласили начальников экспедиций Приморья, Сахалина, Камчатки, капитанов-директоров производственных рефрижераторов и капитанов промысловых судов. Первым выступал начальник приморской экспедиции, вторым — начальник камчатской Евгений Григорьевич Орёл. Они рассказали о трудностях, но заверили, что всё равно с поставленными перед ними задачами справятся. «А кто от сахалинцев доложит?» — спросил Сухорученко. Поднялся начальник экспедиции Валентин Фарафонов, сказавший, что «доклаживать не будет, а отчитаться может». Сидящие рядом капитаны шепчут: «Иди, Валентин». — «А что мне говорить, всё было сказано предыдущими товарищами». Минутное молчание, и вдруг встаёт широкоплечий, солидного возраста капитан СРТ и говорит: «Что ему говорить? Он на нас волком смотрит».

А Сухорученко сидел боком к залу, упёршись левой рукой в щёку. Капитан продолжает: «В прошлом году в это же время приезжали из ЦеКа и Совмина, пообещали, что помогут, уехали, и до сих пор ничего не изменилось. И этот тоже уедет, и ничего не изменится», — махнул рукой и сел на место.

Зал замер — как после этого поступит Сухорученко? Он встал и спокойно сказал: «Нет, я не смотрю на вас волком, я сидел и думал, как можно работать в таких условиях? Я долгое время работал в Мурманске, там такого не было». Заверил, что приедет в Москву и доложит министру, в ЦК партии и Совет Министров, и пообещал, что помощь будет оказана.

Действительно, мы стали свидетелями того, как пришли танкеры, возившие хорошую воду, качественное топливо, вблизи побережья США были выделены места для перегруза. Но всё равно, в основ-

ном перегрузы сырца и готовой продукции проходили во льду, далеко от кромки, где не было зыби.

Как-то я, находясь на спасателе «Орёл», услышал, что одно из судов Приморрыбпрома получило повреждение пера руля. Подозвал его к борту спасателя и перешёл на него. Зашёл в штурманскую рубку — никого. Посмотрел на карту — та оказалась грязна так, что не было видно глубин, рельефа побережий. Зашёл в рулевую рубку — бросилась в глаза её захламлённость. Указатель глубины НЭЛ-5р был во льду. Пошёл в каюту капитана, постучал, вошёл и увидел человека, сидевшего за столом в полушубке и шапке-ушанке. Представился, попросил судовые документы, увидел акт водолазного осмотра, где говорилось, что перо руля свёрнуто на пятнадцать градусов при допустимых семи. Дал предписание прекратить промысел и следовать в порт в сопровождении попутного судна. Капитан стал просить меня оставить его на лове, мотивируя тем, что экипажу надо заработать. Но при таком техническом состоянии да ещё при отсутствии отопления помещений находиться в экспедиции нельзя. Судно ушло в порт.

1961 г.

Меня назначили начальником службы мореплавания Управления тралового и рефрижераторного флота (УТРФ). В 20-х числах декабря руководство флота решило отправить в Бристольский залив первую пятёрку судов типа СРТ. Мною был назначен флагманским капитаном перехода Юрий Руднев, капитан СРТ «Ключевской», имевший диплом штурмана дальнего плавания. Провели инструктаж со всеми капитанами по правилам безопасного плавания группы судов с учётом тяжёлых погодных условий. Каждый день капитан Руднев выходил на голосовую радиосвязь, сообщал координаты, докладывал, что имеет связь со всеми судами, дважды в сутки производит переключку.

31 декабря «Ключевской» на связь не вышел. Через какое-то время мы узнали, что он был в эфире около пяти вечера, Руднев сказал, что идёт сильное обледенение, что всем надо околоться до наступления темноты, что на «Ключевском» уже околотись. Ещё раз «Ключевской» вышел на связь около десяти вечера. Больше его не слышали... Поиски многочисленными судами ничего не дали, удалось подобрать несколько предметов, принадлежавших судну.

Я был освобождён от занимаемой должности, ушёл в отпуск. Находясь в Тирасполе, получил телеграмму от начальника управления флота П. И. Аноды с сообщением, что Г. В. Мещеряков (он по окончании курсов штурманов дальнего плавания был назначен

капитаном СРТР «Командор») плохо себя чувствует и просит руководство, чтобы я его подменил. Я согласился, срочно вылетел на Камчатку и первым отходящим судном отправился в Аляскинский залив, где «Командор» ловил окуня.

В 1962 г. меня направили подменить Николая Васильевича Сотникова, депутата Верховного Совета СССР, капитана-директора. Мне следовало принять от него БМРТ «Браслав».

Я успешно освоил этот новый тип судна и в конце 1963 г. был послан капитаном-директором на БМРТ «Амгу», пришедший из новостроя (позже это судно переименовали в «Николай Островский»). Я обратился к руководству УТРФ за разрешением самому подобрать команду. Старшим помощником капитана взял Г. В. Мещерякова, старшим механиком — Андрея Евсеевича Крука, с ним мы работали на СРТ «Полярник» и «Ястреб», первым помощником капитана — Николая Григорьевича Журавлёва. Экипаж подобрался очень дружный, дисциплинированный.

За год мы ходили на перегруз девять раз. Казалось бы, что это — потеря промыслового времени, и непредвиденная. Например, возможна задержка судна в порту из-за неявки на борт членов экипажа к отходу. Но у нас такого не было. Объявлялась трёхсуточная стоянка в порту. Перегруз вели своими силами двумя бригадами, каждый раз к отходу все члены экипажа своевременно являлись на борт. Выигрыш в этом был и тот, что за время переходов в порт и обратно на лов занимались профилактикой механизмов, уборкой судовых помещений, зачисткой и покраской поверхностей. За всё время не случилось ни одного нарушения трудовой дисциплины.

В середине года Г. В. Мещеряков по моей рекомендации был направлен капитаном-директором на прибывший новый БМРТ «Узбекистан». Ему на замену пришёл Александр Константинович Каморный, позже он уехал с Камчатки на Украину, где работал капитаном, а затем стал заместителем начальника управления «Азчеррыба».

Работая на БМРТ «Николай Островский», суточное время я распределял так. С полуночи до семи часов утра отдыхал, когда надо, штурманы поднимали меня. С восьми до девяти утра — обход судна, посещение рыбного цеха. Главная задача — обеспечить цех сырцом. За всё время работы не было ни одного случая, чтобы цех стоял из-за отсутствия рыбы. Обработчики расставлялись туда, где от них была наибольшая отдача. Постоянно трудилась подвахта, куда входили машинная команда, штурманы и другие

члены экипажа. С полуночи до шести утра на резку окуня постоянно выходил Николай Григорьевич Журавлёв. Он подавал пример всем участникам подменной вахты. Никто не уходил с работы раньше времени. В перегрузе рыбопродукции также участвовал весь экипаж, работая на два трюма. За двадцать один час выгружали семьсот тонн мороженой рыбы и до ста двадцати тонн муки.

Промысел вели у Алеутской гряды, от острова Атту до острова Унимак, грунт здесь скальный. Окунь скапливался в основном в ложбинах и на склонах скал. Чтобы не порвать, не потерять доски, трал необходимо «посадить» в нужном месте на скопление рыбы, то есть произвести «прицельное» траление.

Я завёл тетрадь, куда записывал рельеф дна с указанием: 1) курс судна, 2) глубина, 3) расстояние по локатору до одного из островов, 4) начало траления, 5) точка посадки трала на грунт, 6) точка выборки ваеров. Обычно на хороших скоплениях за пятнадцать — двадцать минут вылов достигал двадцати — двадцати пяти тонн. Особое внимание уделялось оснастке трала, его плавучести и разгрузке нижней подборы. Надо так его оснастить, чтобы при встрече с препятствиями он приподнимался и шёл дальше. Многие БМРТ не могли вести промысел в таких условиях, оставляли на скалах трал вместе с досками и ваерами, уходили в доступные места и тралили там, довольствуясь небольшими уловами.

Приведу пример. Работая в районе острова Булдырь, мы постоянно имели хорошие результаты, а находившийся в десяти — пятнадцати милях приморский БМРТ «Ульяновск», где капитаном был мой одноклассник, Герой Социалистического Труда Октябрь Михайлович Ломаев, находился в пролове. Несмотря на то что мы соревновались с ним за наибольший вылов, я по радио предложил подойти ко мне и сделать траление, пояснил ему детали. Я ставил трал, говорил ему, что начал травить ваера, глубина такая-то, курс, пеленг — такие-то. Он делал то же самое через пятнадцать минут. Мы начали выбирать ваера и подняли полный куток рыбы, а он говорит, что зацепился. Я повторно предложил ему сделать траление, но он снова зацепился, поднял порванный трал и покинул этот район.

Другой случай. Приморрыбпром прислал пароход «Надежда Крупская» с бочкой и солью принимать излишки рыбы от своих БМРТ. Пароход лёг в дрейф, ждёт, когда подвезут рыбу. Но у приморцев не хватило улова, чтобы загрузить его рыбцех. Я вышел на связь с «Надеждой Крупской», поговорил с капитаном Петром Петровичем Васьковым, спросил его, нужен ли сырец? Он ответил,

что, конечно, нужен. Подвезли ему рыбу, перегрузили тридцать тонн. Васьков попросил взять его на борт — захотел посмотреть, как мы ловим. Сделали при нём три траления, подняли около семидесяти тонн, загрузили рыбцех и снова перегрузили на «Крупскую» около тридцати тонн.

В конце декабря находились в середине Алеутской гряды, вышел из строя единственный самописец «Палтус», остался только указатель глубины НЭЛ-5р. До намеченной плановой цифры оставалось поймать тонн сто — сто пятьдесят. Мы взяли курс на порт, идём вдоль островов, где тралить?

Ночью лежал на диване, думал и сокрушался о том, что отказал поисковый прибор. Других судов поблизости не было, все ушли в район островов Прибылова на сельдь. Заснул, снится сон. Жена Галина Павловна говорит: «Я у острова Булдырь сделала траление и взяла двенадцать тонн». Проснулся и решил идти к Булдырю, где отлично знал места, подходящие для траления, достал свои записи. Подошли, сделали первое траление, подняли пятнадцать тонн, затем второе, третье... Взяли запасы в карманы, снялись в Петропавловск. Проходя остров Атту, увидели два БМРТ, вызвал их на связь. С них сказали, что ловят, за траление берут по шесть — восемь тонн, но сильный ветер сносит с нужной глубины. Я пошёл на заход, прошёл дальше, чем заходили БМРТ, поставил трал на нужной глубине. Минут через тридцать выбрал улов около двадцати тонн, сделал ещё два траления, уловы были такие же. Один из капитанов говорит по радио: «Павел Александрович, сколько тебе можно ловить, уходи!» Этой рыбы нам хватило до порта, рыбцех работал бесперебойно.

Таким образом, вылов за год составил 150 959 центнеров. Взятые нами обязательства — 150 000 центнеров выполнены, выработано 90 000 центнеров продукции, прибыль составила 3,11 миллиона рублей при плане 1,47 миллиона. А построечная стоимость БМРТ «Николай Островский» — 2,66 миллиона рублей. Получается, что судно с лихвой окупилось за один год.

1965 г.

В январе из Министерства рыбного хозяйства СССР прибыли два работника — помощник министра Александр Петрович Ивкин и Николай Сергеевич Горюнов, чтобы выяснить, как наш экипаж достиг таких высоких показателей. Попутно — проверить техническое состояние судна. Меня заслушивали на заседании бюро обкома партии, бюро вёл первый секретарь обкома Михаил Анатольевич Орлов. После того как я доложил подробности нашей работы,

Орлов попросил Горюнова сообщить о результатах проверки технического состояния судна. Тот заявил: «Мною проверены все участки, механизмы, помещения. Всё в отличном состоянии, судно может идти хоть сейчас на промысел».

В январе и феврале был делегатом VII съезда профсоюзов от производственного объединения «Дальрыба», затем отправлен в Мурманск на актив Севрыбы для обмена опытом работы на судах типа БМРТ. На коллегии Министерства рыбного хозяйства СССР меня слушали, как были достигнуты такие высокие производственные успехи. Коллегию вёл первый заместитель министра В. М. Каменцев. Затем пригласили в ЦК партии, где слушали на заседании сектора. После этого срочно вылетел во Владивосток, где намечался актив Дальрыбы с участием министра Александра Акимовича Ишкова.

Летом взял отпуск и полетел через Москву в Сочи. В Москве был несколько дней, заходил в министерство, где меня принял министр. Разговор длился не менее часа, говорили об открытии новых промысловых районов. А. А. Ишков предложил мне на выходящем из новостроя БМРТ провести разведку в Австралийском заливе. Конечно, я согласился.

Министр сказал, чтобы после отпуска в Сочи я заехал в Москву, составил рейсовое задание и был готов к походу. В начале августа я прибыл в Москву, зашёл в министерство к В. М. Каменцеву. Тот сказал: «Готовь рейсовое задание». Я подготовил, отдал, тот одобрил. Заместитель министра подготовил начальнику Дальрыбы Михаилу Ивановичу Дроздову письмо, в котором приказал передать БМРТ, ранее предназначенный Приморрыбпрому, в Камчатрыбпром. В Москве, в Президиуме Верховного Совета СССР мне вручили орден Ленина.

Когда прибыл во Владивосток, зашёл в Дальрыбу, где решался вопрос выделения Камчатке нового БМРТ. Тут мне сказали, что судно будет готово не в начале октября, а в лучшем случае в январе. В моём же рейсовом задании поход должен был начинаться в октябре и завершиться в марте, его продолжительность — сто пятьдесят шесть суток. Пришлось от него отказаться, о чём сообщил руководству Камчатрыбпрома и министру. Ишков поручил Дальрыбе организовать экспедицию в составе нескольких БМРТ. Её возглавил мой однокурсник Октябрь Михайлович Ломаев, капитан-директор БМРТ «Ульяновск». Когда он вернулся, мы с ним говорили в эфире, и он поведал, что поиски результатов не дали, сейчас он следует на лов в район Алеутских островов.



П. А. Рязанов, капитан-директор БМРТ «Николай Островский», 1964 г.
 Фото из газеты «Камчатская правда» (слева)
 и Г. З. Гайдукевича (ККОМ, ГИ 27408/23)



П. А. Рязанов и старший помощник капитана Г. В. Мещеряков. БМРТ «Амгу»,
 1963 г. Фото Г. З. Гайдукевича (ГАКК. Ф. 497)

«АМГУ» ВЫПОЛНИЛ ГОДОВОЙ НА СЧЕТУ ЭКИПАЖА 95 ТЫСЯЧ ЦЕНТНЕРОВ СЛАВА ГВАРДЕЙЦАМ ПРОМЫСЛА!

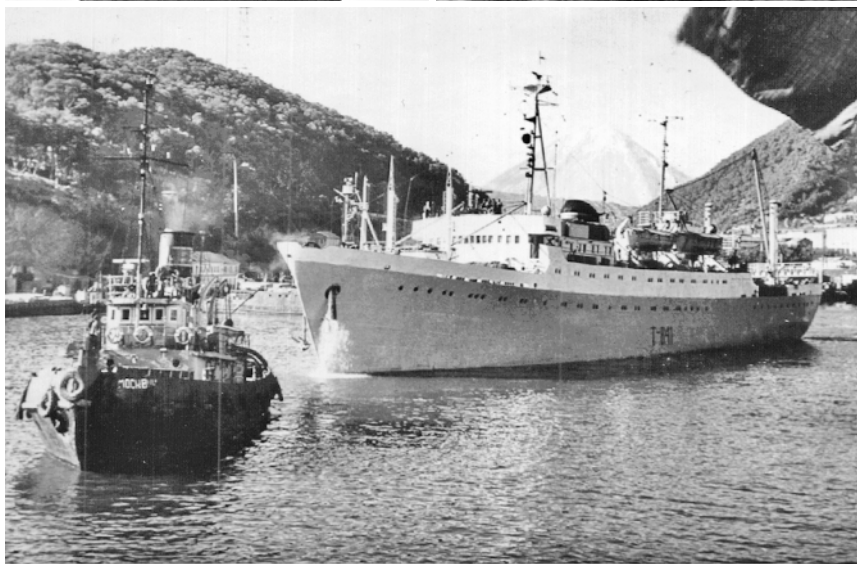
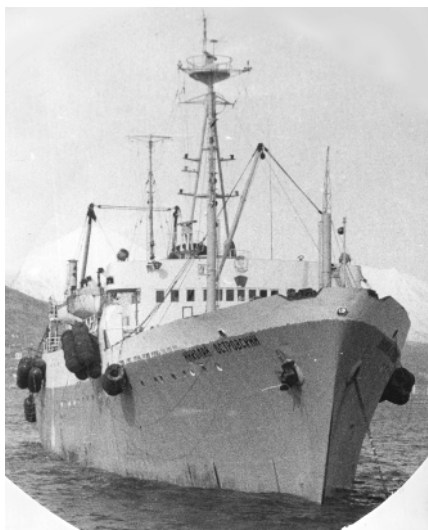


НА СНИМКЕ: капитан-директор «Амгу» П. А. Рязанов и первый помощник капитана Н. Г. Журавлев.

Фотография из газеты «Камчатская правда», 1964 г.



Старые друзья: первый начальник Управления океанического рыболовства Камчатрыбпрома Герой Социалистического Труда Г. В. Мещеряков (слева) и прославленный капитан-директор П. А. Рязанов на рыбацком слёте, 1970-е гг. (ККОМ, ГИ 13948)



Ордена Трудового Красного Знамени БМРТ „Николай Островский“

Орденосный БМРТ Управления тралового и рефрижераторного флота
Камчатрыбпрома «Николай Островский», 1960-е гг.
(ККОМ, НВФ 9033)

В 1966 г. меня избрали делегатом XXIII съезда КПСС.

В 1968 г. УТРФ разделилось. На его основе было образовано ещё одно управление — океанического рыболовства. Его начальником назначили Г. В. Мещерякова, а меня — его заместителем по быту и снабжению. Работать в море мне запретили врачи из-за гипертонии. Затем меня перевели в Камчатрыбпром на должность начальника промысловой разведки. Здесь я проработал до 1975 г. В этом году меня рекомендовали назначить первым заместителем председателя (по флоту и добыче рыбы) вновь создаваемого Камчатского межколхозного производственного объединения (КМПО).

Эта работа была тяжёлой, но в то же время интересной. Считаю, что колхозная система проявила себя как более прогрессивная, чем государственная. На побережье полуострова находились десять колхозов, имевших свой маломерный флот в количестве свыше двухсот единиц. Всего же в КМПО насчитывалось более трёхсот судов. Было образовано Управление промыслового флота, куда вошли суда типов РС-300, СРТР и СРТМ. Флот работал хорошо, занимал первые места на всех видах промысла в Дальневосточном бассейне. Особую роль играли такие капитаны, как И. Ф. Стекольников, впоследствии он был удостоен высокого звания Героя Социалистического Труда, А. Г. Шашкун, А. Кайчуев, Е. М. Чайка, Поморцев. Они быстро освоили новые суда СТ-420 и СТР-1320 и более современные траулеры норвежской постройки.

По долгу службы мне часто приходилось бывать во всех колхозах, ежегодно выходил вместе с представителями Камчатрыбпрома на лососёвую путину, где возглавляли штаб и регулировали выборку лосося из ставных неводов. Колхозы в тяжёлых условиях в зимнее время проводили ремонт флота и даже сами строили суда, и довольно качественные. Изготавливались прорези для доставки свежего сырца к приёмным базам. Хозяйства имели сетепоплавочные цехи, где строили снюрреводы, ставные невода. Многие колхозы имели подсобные хозяйства, выращивали свой скот, свиней, кур, обеспечивали себя продуктами питания.

Много хорошего можно сказать о городском колхозе имени В. И. Ленина. Он имел, кроме РС и СРТ, четыре БМРТ. На них работали лучшие капитаны, ранее освоившие СРТ. БМРТ «Сероглазка» возглавлял Анатолий Андреевич Пономарёв, он открыл и освоил лов в открытом океане пристипомы, добыл двести тысяч центнеров минтая. На БМРТ «Ленинец» трудился Виктор Павлович Губанов, на БМРТ «Ихтиолог» — Виктор Данилович Петренко.

Благодаря слаженной работе всех колхозных судов и Управления промыслового флота, в 1980 г. их общий вылов составил шестьсот

пятьдесят тысяч тонн! Это столько же, сколько выловил весь Камчатрыбпром, имевший крупный современный флот и свои перерабатывающие плавбазы. Неоднократно лучшие труженики колхозов награждались высокими правительственными наградами.

За время работы в КМПО я был награждён орденом Трудового Красного Знамени, получил звание заслуженного работника рыбного хозяйства РСФСР. В 1990 г. ушёл на заслуженный отдых и уехал на постоянное место жительства во Владивосток...

Если проследить историю рыбной промышленности Камчатки, то надо сказать, что основную лепту в её развитие внесли капитаны судов. Они в тяжёлых условиях делали переходы и промышленляли рыбу, тем самым выполняли и перевыполняли государственные планы. Это — Герои Социалистического Труда Павел Егорович Алёшкин и Александр Андреевич Кузнецов; бывший фронтовой разведчик, награждённый многими орденами и медалями, Алексей Нифантьевич Усков; ещё один фронтовик Борис Никитович Писаревский; Демьян Яковлевич Новоселов. Последний — стройный, красивый, всегда чисто выбритый, наглаженный, улыбающийся, весёлый рассказчик. Как-то поведал один случай из своей жизни: «Перед выходом на промысел отнёс в сапожную мастерскую туфли на ремонт, разговорился с сапожником. Тот спрашивает: “Как же ты уходишь в море надолго, а жену оставляешь? Она же может изменить?” Отвечаю: “Я разрешаю ей, но всё равно мы любим друг друга”. Прихожу с моря, а жена начала меня туфлей охаживать. “В чём дело?” — “Это за твой язык! Ты что наговорил сапожнику, опозорил меня!” — “Да я пошутил!”».

А вот ещё. Ловили камбалу на Западной Камчатке в районе Крутогорово на глубинах 120–130 метров. Рыба крупная, но она не шевелилась на поверхности, была словно ошпаренная, без чешуи. Приёмщики брали её вторым сортом, а Демьян Яковлевич всегда сдавал первым. Начальником экспедиции тогда был молодой Дмитрий Иванович Качин. На капитанском часе он попросил поделиться таким опытом. На это Демьян Яковлевич заявил: «Я беру с собой лупу и поднимаюсь на борт производственного рефрижератора, там вместе с приёмщиком через лупу рассматриваем камбалу, находим, что чешуя есть, консистенция рыбы упругая и соответствует требованиям первого сорта. Находим общее согласие...»

Я вспомнил, что в желудках камбалы находился лёд, когда рыбу поливали охлаждающей водой от двигателя, она оживала...

Человеком с юмором был и Армо Аршамович Амирбекян. О нём можно рассказывать настоящие анекдоты. Как-то на капитанском часе он доложил начальнику экспедиции свою обстановку и говорит:

«Мне нужен солист». Все мы были в недоумении, какой такой солист? Певец, что ли? И только после уточнений поняли, что ему нужен рыбный мастер-засольщик.

Владимир Михайлович Лисицын в последнее время работал на БМРТ «Куба» (на нём и умер в 1966 г. — *Ред.*).

Анатолий Иванович Беляев — капитан-директор БМРТ «Опала».

Владимир Александрович Дубовицкий, капитан-директор БМРТ «Хинган», бывший военно-морской офицер, осваивал лов окуня на Алеутских островах.

Виктор Николаевич Медведев, капитан СРТ «Камчадал». Возвращаясь в порт с Западной Камчатки, у мыса Поворотного заметил какую-то глыбу. Приблизился и разглядел катер-«жучок». Взял его под борт, оттуда извлёк четыре, можно сказать, живых скелета. Окололи лёд и привели катер на буксире в порт. Катер принадлежал одному из рыбозаводов, у него вышел из строя двигатель, связаться с берегом по радиации катерники не смогли. Судёнышко носило по океану восемьдесят два дня! По рассказам спасённых, за это время они побывали и под жарким солнцем, и у суровой Камчатки, где сильно обледенели и чуть не погибли.

Геннадий Иванович Загорский. С ним вместе я учился и работал на поисковом судне. Он пошёл на поисковые работы на Западную Камчатку. Следовал вдоль берега при сильном северо-западном ветре и низкой температуре. Решил зайти в бухту Вестник, отстояться на якоре, но перевернулся и затонул на сорокаметровой глубине. Его именем был назван один из буксиров.

Олег Антонинович Заварин начал работу на паровом траулере «Гага», затем трудился на СРТ, был капитаном-директором плавбазы «Ламут», стал начальником управления Камчатрыбфлота, заместителем начальника Камчатрыбпрома.

Борис Иванович Кютт, капитан СРТ «Портовик», трагически погиб у причала рыбного порта 29 апреля 1953 г.

Михаил Григорьевич Чекаленко, капитан СРТ «Тихоокеанская звезда».

Василий Леонтьевич Костюнин, капитан-поисковик.

Всеволод Иванович Извеков, капитан СРТ «Кречет», бывший капитан пассажирского парохода «Азия».

Юрий Бильевич Азимов, капитан СРТ и бывший директор учебно-курсового комбината Главкамчатрыбпрома.

Георгий Васильевич Мещеряков в 1965 г. выловил 130 тысяч тонн, этим самым с высокими показателями успешно завершил пятилетний план. Правительство высоко оценило его труд, присвоило звание Героя Социалистического Труда.

Ардасенов Николай Михайлович (1915—2005), полковник запаса, ветеран Вооружённых Сил СССР и Великой Отечественной войны, участник строительства оборонительных сооружений на Камчатке в военные годы, г. Владикавказ.

Богомолов Вадим Михайлович, краевед, член Союза журналистов России, исследователь истории, общественно-политических и бытовых особенностей жизни населения Камчатки в XX в., г. Петропавловск-Камчатский.

Быкасов Валерий Егорович, один из старейших камчатских краеведов, автор многочисленных монографий и публикаций, научный сотрудник Института вулканологии и сейсмологии Дальневосточного отделения Российской академии наук, г. Петропавловск-Камчатский.

Гаврилов Сергей Витальевич, старший научный сотрудник отдела фондовой работы КГБУ «Камчатский краевой объединённый музей», член Союза писателей России, почётный работник рыбного хозяйства России, г. Петропавловск-Камчатский.

Гаврилова Наталья Сергеевна, старший научный сотрудник отдела фондовой работы КГБУ «Камчатский краевой объединённый музей», г. Петропавловск-Камчатский.

Дергунов Василий Андреевич (1932—2022), уроженец Хабаровского края, ветеран Камчатского морского пароходства, партийной и советской работы, активный книголюб, старожил г. Петропавловска-Камчатского.

Зайковская Татьяна Станиславовна, словесник, краевед, педагог Камчатского дома детского и юношеского туризма и экскурсий, руководитель туристского клуба «Альтаир» при петропавловской средней школе № 41, член-корреспондент Академии общественных наук, составитель книжной серии «Камчатка в газетной строке», г. Петропавловск-Камчатский.

Зенг Дмитрий Владимирович, ученик 9-го класса городской средней школы № 41, участник туристского клуба «Альтаир» Камчатского дома детского и юношеского туризма и экскурсий, г. Петропавловск-Камчатский.

Калмыков Павел Львович, писатель, краевед, лауреат премий: детской литературной имени В. П. Крапивина, историко-краеведческой имени С. П. Крашенинникова, автор ряда детских книг и историко-краеведческих публикаций, врач-радиолог Камчатского краевого онкологического диспансера, г. Петропавловск-Камчатский.

Коптилова Ольга Анатольевна, начальник отдела публикаций и использования документов Государственного архивного фонда Российской Федерации КГКУ «Государственный архив Камчатского края», г. Петропавловск-Камчатский.

Корольков Алексей Викторович, капитан 2-го ранга запаса, военный инженер-гидрограф, ветеран Камчатской военной флотилии Тихоокеанского флота и Гидрографической службы Военно-Морского Флота Российской Федерации, один из инициаторов, исполнитель и руководитель гидрографических работ по морскому картографированию Авачинской губы Тихого океана, г. Санкт-Петербург.

Курохтина Надежда Ивановна, ведущий камчатский библиограф-краевед, заслуженный работник культуры Российской Федерации, заведующая информационно-библиографическим отделом Камчатской краевой научной библиотеки имени С. П. Крашенинникова (1988—2016), научный сотрудник (2016—2022), лауреат ряда краеведческих премий, других почётных наград и званий, г. Петропавловск-Камчатский.

Пасечник Александр Фёдорович, доцент кафедры экономических и социально-гуманитарных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат исторических наук. Сфера научных интересов — история органов государственной власти на Северо-Востоке России, автор 25 научных публикаций, монографии «Организация камчатской милиции и её деятельность в 1920-е гг.», г. Петропавловск-Камчатский.

Петров Александр Викторович, документальный фотограф, журналист, краевед, составитель книжной серии «Камчатка в газетной строке», автор десяти фотоальбомов о Камчатке, редактор-составитель ряда краеведческих изданий, г. Петропавловск-Камчатский.

Сесицкая Анастасия Сергеевна, главный архивист отдела обеспечения сохранности, государственного учёта и научно-справочного аппарата Государственного архивного фонда Российской Федерации КГКУ «Государственный архив Камчатского края», г. Петропавловск-Камчатский. Область научных интересов — история г. Петропавловска-Камчатского в XX в. Автор ряда публикаций, источниковедческой монографии по истории Камчатки в годы Великой Отечественной войны, г. Петропавловск-Камчатский.

Флейтман Ольга Ивановна, выпускница Московского института нефтехимической и газовой промышленности имени И. М. Губкина и Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, аспирантуры ВНИИнефти, финансовый работник, г. Москва.

Шубина Татьяна Александровна, краевед, действительный член Камчатского отдела Русского географического общества, исследователь истории краеведения и туризма на Камчатке, автор ряда публикаций и отдельных изданий, г. Петропавловск-Камчатский.

Научно-популярное издание

Краеведческие записки
Историко-краеведческий сборник
Выпуск 16

Ответственный за выпуск М. В. Соболевский

Редактор-составитель С. В. Гаврилов

Вёрстка и макет С. В. Гаврилова
Корректор Л. В. Орлова
Дизайн обложки О. И. Набутовской

Подписано в печать 27.11.2022. Формат 60х90/16.

Бумага офсетная. Гарнитура «SchoolBook».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,1.

Тираж 300 экз. Заказ 419.

ООО Холдинговая компания «Новая книга»,
683032, г. Петропавловск-Камчатский, ул. Пограничная, 60.
Тел./факс 8(4152) 41–12–60

Отпечатано в ОАО «ИПК “Дальпресс”».
690950, г. Владивосток, пр-т Красного Знамени, 10